

«На сопках Маньчжурии...» Политика, стратегия и тактика России*

О.Р. Айрапетов

«Войны часто, пожалуй, всегда, являются результатом ошибочных расчетов и слабого правительства»

граф Юлиус Андраши¹

«...хороший Генеральный штаб так же важен для армии, как хорошее министерство для государства. Без него можно иметь хорошие полки, но не хорошую армию».

Из доклада генерала барона А. Жомини императору Николаю²

«...автору хотелось предупредить против того легкомысленного отношения к прошлой войне, при котором неудачи объясняются исключительно или неспособностью отдельных начальников, или сверхъестественными боевыми качествами противника, или недостаточной грамотностью русских людей, или брожением внутри государства. Не нужно ни преступников, ни идолов: они только мешают разбираться в наших ошибках и разумно исправлять их».

А.А. Свечин³

ВСПОМИНАЯ О ГЕРМАНСКОМ Генеральном штабе, Гейнц Гудериан писал: «Генеральный штаб выработывал у своих офицеров единые методы оценки тактической и оперативной обстановки и принятия решения. Французы называют это «*unité de doctrine*» (единство доктрины). Начальник генерального штаба, не имея прав, с помощью которых он мог добиться выполнения своей воли, хотел путем выработки единого порядка мышления у всех офицеров генерального штаба распространить свое влияние вплоть до дивизии и сверху донизу обеспечить единство тактических и оперативных воззрений»⁴. Подобное положение – единство доктрины среди высшего командного состава, закрепленное особым порядком прохождения службы офицерами и генералами, закончившими

* Настоящая работа является частью исследования, осуществляемого при поддержке РГНФ – исследовательский проект №02-01-00144а.

Академию Генерального штаба, оставалось недостижимым идеалом для русской армии. Там установилось доктринерство, развитию которого способствовала установившаяся (после реформ Д.А.Милютин) система управления армией, предусматривавшая подчиненное положение Генерального штаба, отсутствие живой связи между строевой жизнью армии и военной наукой, господство военной бюрократии. Это хорошо проявилось во время активизации русской политики на Дальнем Востоке, но более всего – в ходе русско-японской войны.

ИНТРОДУКЦИЯ

Русский Дальний Восток был весьма слабо освоен. Заселением его ведала казна, процесс был длительным и дорогостоящим. Например, в Южно-Уссурийский край с 1883 по 1886 г. было переселено 4710 человек, что обошлось государству приблизительно в 1 млн. рублей. С 1887 г. к организации переселения привлекались суда Добровольного флота, следовавшие маршрутом Одесса–Владивосток. Переселенцы самостоятельно оплачивали переезд, но по прибытии им выдавалась ссуда на 30 лет в размере 600 рублей. К 1892 г. таким образом было перевезено еще 6036 человек. В результате к 1892 г. в Амурской и Приморской областях России проживало (за исключением военных) всего 182607 человек, из них 39722 горожан, 50916 крестьян, 26261 казаков, 14623 «инородца» (представители местных малых народов), 33000 китайцев, постоянно проживавших по праву, предоставленному им Айгунским договором 1858 г., 14684 корейца, 447 японцев, 117 «прочих иностранцев» и 2832 ссыльных. По сравнению с Маньчжурией, где проживало около 13 млн. человек, это были весьма слабо заселенные земли. К этому можно добавить население Сахалина, которое к 1892 г. составило 20086 человек. Правда, на острове, который с 1869 г. стал местом ссылки, 27,4% населения было представлено ссыльными. К тому же русские владения здесь не обеспечивали себя продовольствием. Военное министерство старалось поддерживать сельское хозяйство края высокими закупочными ценами на зерновые. В результате, если в 1884 г. в Южно-Уссурийском крае было куплено 50 тыс. пудов хлеба, то в 1891 г. – уже 900 тыс. пудов. Несмотря на столь существенный рост, в 1892 г. Дальнему Востоку по-прежнему не хватало для удовлетворения нужд населения 877000 пудов хлеба. Этот недостаток компенсировался на 250 тыс. пудов за счет ввоза через Владивосток и Николаевск, а остальные 627 тыс. пудов поставлялись китайцами из Маньчжурии⁵.

В отсутствие железных дорог для сосредоточения и снабжения даже незначительных армейских сил на Дальнем Востоке можно было использовать речные коммуникации. Однако и водный транспорт был недостаточно развит. На Амуре в случае мобилизации можно было использовать 46 частных пароходов, грузоподъемностью от 4,8 до 306 тонн, 44 железных и 28 деревянных барж, общей грузоподъемностью 9468 тонн. При этом количество буксиров было явно недостаточным – всего 5. В навигацию 1894 г. войска пришлось перемещать по Амuru на плотках – в связках по 18–20 плотов, на каждом из которых размещалось от 25 до 35 человек⁶. Это был далеко не безопасный способ передвижения. «Сколько плотов с людьми, скотом и всем скарбом, – вспоминал составитель военно-статистического описания края М.В. Грулев, – погибли в пучинах Амuru, который в половодье имеет вид настоящего моря, так что и берегов не видеть. Позднее, в мое время (то есть как раз в 1894–95 гг. – А.О.), сплавом по Амuru пользовались только для передвижения партий новобранцев на укомплектование войск, расположенных на Амуре. Но этот способ передвижения обходился так дорого, чреват был такими несчастными случаями, что нашли более соответствующим отправлять этих новобранцев из Одессы морем, кругом всей Азии»⁷.

С этим запасом подошли к предъявлению требований к Японии после японо-китайской войны. Между тем Япония, которая приняла в 1875 г. закон о всеобщей воинской повинности, сумела с помощью германской военной миссии добиться значительных успехов в военном строительстве. Она имела 6 армейских и 1 гвардейскую дивизию – 80 батальонов пехоты, 7 инженерных батальонов и 20 эскадронов, 40 батарей с 240 орудиями, не считая крепостной артиллерии. Кроме того, в распоряжении японского правительства находилось еще 6 территориальных дивизий. В мирное время численность армии составляла 57 тыс. чел., но в военное она могла быть увеличена до 102 тыс., или до 190 тыс., в случае использования территориальных дивизий и милиции. Для войны с Китаем Япония мобилизовала 6 дивизий, но к началу 1895 г. отправила в Китай только 5 из них, то есть 75 тыс. чел.⁸ Таким образом, ее ресурсы были далеко не исчерпаны. Уровень подготовки японского солдата был высоким – японцы служили 3 года «под знаменами», 4 года находились в запасе армии и 5 лет – в запасе территориальных войск. Раз в год запасные призывались на сборы до 60 суток и еще 1 сутки выделялись на проверочную явку⁹.

Благодаря этой системе японская армия блестяще продемонстрировала себя с самого начала японо-китайской войны. Русский военный агент в Китае и Японии полковник К.И. Вогак сообщал об увиденном: «Атака Пхеньянской позиции была выполнена с образцовым мужеством, преодолевшим все естественные трудности и огонь китайцев. Войска выказа-

ли умение толково маневрировать при весьма трудных условиях. Контратаки встречались даже мелкими частями с безукоризненной выдержкой и стойкостью. Даже бригада генерала Ошима ... попавшая под сильнейший перекрестный огонь, отошла на должную позицию в полном порядке, потеряв 100% офицеров и нижних чинов в передовых ротах ... Совершенство военной организации Японии и ее 200-тысячной армии, притом не только в оборонительном, но и в наступательном смысле, отличное знание своего противника – вот две серьезные данные (так у автора. – А.О.), на которых я базирую свое мнение, что Япония является для нас соседом, с которым придется очень серьезно считаться»¹⁰. В Петербурге сочли за благо предупредить опасность необходимости считаться с японцами на континенте. Первый отзыв на эти события в русской центральной военной печати во главу угла ставил именно вопрос о Ляодунском полуострове: «Когда стало известно содержание договорного соглашения (между Японией и Китаем. – А.О.), то не замедлило выясниться, что приобретение Японией Ляодуна затрагивает не только интересы Китая, но и всех европейских держав. По общему мнению, владея этой территорией, Япония получит полное и нераздельное командование над Чжилийским заливом, экономическое господство во всей Маньчжурии, изолирует русские владения на Тихом океане от Китая, обратит заявление о самостоятельности Китая в фикцию и, в общем, может нанести чувствительный ущерб политическому равновесию всех держав, имеющих интересы на крайнем Востоке. Вследствие этого Россия, Франция и Германия обратились к японскому правительству с дружественным советом изменить условия симоносекского мирного договора»¹¹.

В ответ на подписание мира, допуславшего японцев в Китай, последовало резкое давление на Токио, и оно было организовано Россией. 4(17) апреля 1895 г., то есть в день подписания японо-китайского договора, Николай II записывает в своем дневнике результаты совещания по дальневосточной политике: «Решили: настоять энергично на очищении японцами южной части Маньчжурии и Порт-Артура; если же они не послушаются совета, то принудить их к тому силой. Дай Бог, только не втянуться в войну!»¹² Этого удалось достигнуть благодаря совместному выступлению России, Германии и Франции. Эти три державы имели в тихоокеанских водах 53 судна против 69 японских (меньшей мощности)¹³. На момент заключения мира с Китаем Япония имела 26 миноносцев и 43 более крупных корабля, из них 10 – трофейных китайских, в том числе и 1 башенный броненосец («Чин-Иен», германской постройки, спущен на воду в 1882 г.). До этого таких мощных судов в составе японского флота не было, заказанные в Англии 2 эскадренных броненосца – «Фудзи» и «Яшима» – еще не были готовы. Среди других трофеев были и 2 стальных

крейсера, 6 стальных и 1 деревянная канонерская лодка¹⁴. 28 апреля (10 мая) 1895 г. Токио вынужден был пойти на пересмотр условий Симоносекского мирного договора, но уже тогда Япония была силой, давление на которую граничило с авантюрой. Автор цитируемого выше очерка прошедшего конфликта в «Военном сборнике» признавал: «Важнейшим результатом войны является переход преобладающего влияния на дальнейшей окраине Азии от Китая к Японии, что, в виду сравнительно высшей культуры последней, может послужить исходной точкой для обновления всей восточно-азиатской политики и вовлечь дальний Восток в круг международных интересов цивилизованного мира»¹⁵.

Не случайно, что рост численности русской вооруженной силы на Дальнем Востоке начался с 1895 г., и практически с нулевого уровня. Части регулярной русской армии появились здесь после Айгунского договора 1858 г. «Первыми и главными пионерами как всей Приморской области, так, в частности, и Южно-Уссурийского края были войска. – Вспоминал один из ветеранов службы на этой далекой окраине России. – Явившись, вследствие бескровного присоединения края не завоевателями, а носителями мирной идеи труда и колонизации, пять линейных батальонов (1-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й восточносибирские линейные) были первыми насадителями русской гражданственности в диком и пустынном новом нашем владении. Безответные труженики, работники, проводившие в глухой тайге целые годы, они построили в крае первые жилища, провели первые дороги, устроили телеграф. Можно без преувеличения сказать, что вся Приамурская область в 50-х и 60-х гг. была, хорошо ли, худо ли, устроена руками линейных батальонов»¹⁶. Они обеспечивали порядок, они занимали посты на ключевых точках русско-китайской границы. Сама она долгое время на значительном пространстве существовала скорее на бумаге, через нее проходили отряды хунхузов, русская власть практически не выходила за пределы немногочисленных поселков и станиц. В ноябре 1881 г. большая группа хунхузов прибыла и разместилась на острове Русский, прикрывавшем подход к Владивостоку со стороны моря. Для того чтобы уничтожить внезапно возникшее на виду у города со столь звучным названием гнездо пиратов и разбойников, пришлось высылать две команды восточносибирских стрелков общей силой до 90 штыков¹⁷. В 1885 г., когда после столкновения на Кушке возможным стало столкновение с Англией, русская армия на Дальнем Востоке имела не больше 18 тысяч солдат и офицеров, в 1895 г. их число выросло до 30 тысяч. В этом же году впервые здесь была проведена мобилизация, выявившая значительные недостатки¹⁸.

До 1898 г. высшей тактической единицей русских войск здесь была бригада, но в этом году она была увеличена до корпуса. Формировались

новые части, в том числе для охраны КВЖД. В этом же году были образованы штабы наместника, Квантунской области, а штаб Приамурского Военного округа был реформирован с целью подготовки формирования на его основе штаба армии. В результате с 1895 по 1903 года прошли путь от 20 до 168 батальонов с приданными им частями – в Сибирском и Приамурском округах к 1903 г. находилось уже 4 Сибирских корпуса и 2 отдельные дивизии. Небольшая пропускная способность железной дороги (Транссиб даже в июне 1903 г. пропускал только 2 воинских эшелона слабого состава – по 20 вагонов и платформ) препятствовала более ускоренным темпам военного строительства. Огромный толчок ему дало, как отмечалось выше, восстание «боксеров». Наиболее неприятным было то, что оно было не только массовым, но и абсолютно внезапным. Это было тем более удивительно, что в Китае сразу же после проигранной войны с Японией широко распространилось недовольство иностранцами вообще, а после 1898 г. оно стало почти неприкрытым. Уже в октябре 1898 г. в Пекине имели место выступления против иностранцев, из-за которых для охраны посольств в город был введен сводный отряд – 50 англичан с 2 скорострельными орудиями, 50 казаков и 50 русских матросов, 50 немецких солдат. Но уже в марте 1899 г. он покинул Пекин, в город, казалось, вернулось спокойствие и ничего не предвещало массовых волнений и более чем двухмесячной осады «посольского квартала»¹⁹. Правительство императрицы Цы Си не могло подавить движение И-Хе-цюань вооруженной силой. Опасаясь возможности перехода власти к сторонникам реформ, она решила выдвинуть из Китая иностранцев с помощью «боксеров», а вслед за этим расправиться уже и с ними. По приказу императрицы на «посольский квартал» вместе с повстанцами были брошены регулярные войска²⁰.

«Пекинское сидение», – отмечал врач русской дипломатической миссии, живший в китайской столице с 1895 г., – было исключительное во всех отношениях: оно застало всех совершенно неподготовленными и не ожидавшими, что могут разыгаться с такою быстротою и такою жестокостью события среди мирного населения, доведенного до озлобления и отчаянья»²¹. Не только дипломаты в «посольском городке», но и многие военные были застигнуты врасплох. Исключением был полковник Вогак, который предупреждал об опасности возмущения. Но его считали «алармистом». В начале мая 1900 г. многие надеялись обойтись небольшим десантом – не более 100 чел. Вскоре выяснилось, что это было ошибкой²². На возможную войну с Китаем в Петербурге сначала смотрели как на колониальное приключение, с которым можно справиться с мизерными средствами. «Боксерское» восстание во многом покончило с этими иллюзиями – для его подавления пришлось мобилизовать Приамурский,

Сибирский военные округа и сформировать в последнем два корпуса. В образованном в 1884 г. Приамурском военном округе было всего 10 батальонов, 10 сотен, 5 батарей, 1 саперная рота и 1 рота крепостной артиллерии. Через 10 лет количество пехоты увеличилось всего лишь на 10 батальонов²³.

Реакция Петербурга на волнения в Китае демонстрировала слабое понимание возникшей ситуации. «По правде сказать, телеграммы нашего министерства (иностранн. дел. – А. О.), – вспоминал русский дипломат, – представляли набор общих мест о задачах России на Дальнем Востоке, о двухсотлетней дружбе с Китаем и о соглашении держав в поддержании законного китайского правительства. Все эти рассуждения не давали конкретных ответов на наши вопросы и, в общем, обнаруживали непонятную самоуверенность и предвзятость»²⁴. Реакция властей Квантуна не отличалась разнообразием. О возможности столкновения с Китаем никто не думал. Весной 1900 г. в Порт-Артуре сложилась весьма сложная обстановка. Прилегающие китайские территории были поражены эпидемией чумы, кроме того, военные власти опасались конфликта с Японией. Отношения с этой страной резко ухудшились из-за разногласий по вопросу о концессиях в Корейском порту Мазанпо и рыбных промыслах на Сахалине. Китайские рабочие массами покидали город и ЮМЖД. «Несколько раз мирная жизнь в Порт-Артуре прерывалась периодами лихорадочной деятельности по вооружению и подготовке обороны, – вспоминал офицер его гарнизона, – в ожидании внезапного появления англо-японского флота, и убеждение в возможности этого доходило до того, что были случаи ложных тревог при появлении в ночное время коммерческих судов у Голубиной бухты и в бухте Тахэ»²⁵. В 5 часов утра 28 мая (10 июня) 1900 г. адмирал Алексеев получил высочайшее повеление об отправлении в Пекин десантного отряда. В гарнизоне в полной готовности находилась 3-я восточносибирская бригада, ее и решили отправить. Поскольку оставались подозрения по отношению к Японии, 29 мая (11 июня) под форты Таку отправили только 12-й восточносибирский стрелковый полк, 4 орудия, казачью сотню и взвод сапер. Алексеев не хотел оставлять город без единственной готовой к бою части. Только после взятия фортов, когда японские войска и флот также приняли участие в подавлении восстания, 4(17) июня русские корабли перевезли 9-й восточносибирский стрелковый полк, 4 орудия, 4 пулемета и полусотню казаков²⁶.

При этом настроения в Порт-Артуре в начале «пекинских событий» были весьма странными. Алексеев обратился к первому эшелону русского десанта со словами: «Вы отправляетесь в Китай не с военной целью, а с целью мирной»²⁷. Войска не готовились встретить серьезное сопротивление. «Сведения о противнике и общем положении были самые смут-

ные, – отмечал участник экспедиции, – еще в Порт-Артуре, когда эшелон готовился к отправлению, считали, что экспедиция не будет серьезною и ограничится приятной прогулкой в Пекин. В Тянь-Дзине не предполагали останавливаться. О китайских войсках были самого низкого мнения: считали, что представляют собой неорганизованную орду, вооруженную чуть ли не кремневыми ружьями и луками. На фортах и в укреплениях считали, что артиллерийское вооружение стоит самое незначительное, есть даже деревянные пушки, а то и драконы на страх врагам. Хороших войск так мало, что считать их нечего. Боксеры вооружены только мечами, пиками и ничего страшного собою не представляют. С такими приятными заблуждениями выступили в поход, не думая, что дело окажется гораздо серьезнее»²⁸. Русский полк, которому пришлось не только брать, но и оборонять Тяньцзинь, понес значительные потери, до 15% своего состава. Было убито 4 офицера и 50 рядовых, ранено 8 офицеров и 200 рядовых. Еще 200 человек были убиты и ранены в частях, принимавших участие в неудачном походе адмирала Сеймура на Пекин²⁹. Обстановка в Маньчжурии складывалась еще хуже.

До 10 тысяч солдат и офицеров охранной стражи КВЖД, усиленные 5 железнодорожными батальонами, не смогли справиться с ситуацией. Контроль над большей частью КВЖД и ЮМЖД был потерян. Основные силы стражи под командованием генералов Мищенко и Гернгросса были блокированы в Харбине. К осени 1900 г. для подавления восстания по железной дороге на территории России и по морю было перевезено до 100 000 войск. В Маньчжурию пришлось послать 126 батальонов, 118 сотен и 336 орудий из Сибири, Приамурья, Забайкалья, а также частично из Европейской России. И этого оказалось мало – огромная по протяженности граница с Китаем по большей части была незащищенной. В качестве примера можно привести численность Амурского казачьего войска, размещенного по левому берегу этой реки от станицы Покровской до выселка Забеловского – всего на 1800 верст. На 1 января 1899 г. проживали 24 562 человека, из них казаков – 11 363 (всех возрастов) и 10 568 казачек³⁰.

Пришлось, как и во время японо-китайской войны, прибегнуть к организации крестьянских дружин самообороны. По положению 1900 г. в дружины принималось мужское население всех сословий в возрасте от 21 до 45 лет. В июле 1900 г. было создано 32 сотни (из них 2 корейские) численностью более 4 тыс. чел., населению только в Приамурском военном округе было отпущено 26944 винтовки. А ведь в начале событий предполагалось обойтись двумя полками, одной батареей и одной сотней³¹. Теперь к возможным угрозам в Маньчжурии относились с большим вниманием, чем было прежде, но все же, как показали дальнейшие события, потенциального противника недооценивали. Во всяком случае, в переписке ген.

М.В.Алексеева летом 1902 г. чувствуется тревога по поводу возможного повторения волнений в Северо-Восточном Китае³².

Особенно взволновала его отставка С.Ю.Витте в августе 1903 г. «Первым человеком у власти, который понимал, в какой тупик заводят самодержавие его слепые сторонники, который сделал попытку вернуть самодержавие к его историческому долгу перед Россией, но вместо успеха ускорил развязку, был С.Ю.Витте, – вспоминал Маклаков. – Витте был одной из самых замечательных фигур последнего времени; ее можно назвать и трагической. Даже его враги признавали его исключительные государственные дарования. О нем вспоминали всегда, когда ждали чуда; его одного считали на него способным»³³. Эти слова, сказанные о внутренней политике Витте, с тем же успехом могут быть применены и к его вкладу в дальневосточную политику России конца XIX века. Только чудом «мирное проникновение» в Китай могло не закончиться войной. От преемников Витте на Дальнем Востоке не ждали чуда. Алексеев с волнением пишет об отставке всемогущего недавно министра финансов: «И это – безобразовщина, которая, как видишь, сильна, достигает целей и ведет Россию по скверному пути»³⁴. Пожалуй, впервые у него появляются интонации, позволяющие говорить об осуждении политики императора.

Положение было действительно скверным, русская политика в Корее не отличалась последовательностью и продуманностью. Заставив Японию пересмотреть Симоносекский договор, первая статья которого устанавливала независимость этого государства от Китая и открывала дорогу японской экспансии, Россия начала противостоять последней на полуострове. 8 октября 1895 г. в Сеуле произошел государственный переворот, организованный японским посланником ген. Миура Горо. Была убита королева Мин Менсон, известная своими антияпонскими настроениями. Прояпонски настроенные придворные нанесли ей несколько ранений холодным оружием, выкинули ее в окно и потом, облив керосином, сожгли истекающую кровью женщину. Небольшая корейская армия почти полностью находилась под контролем японцев – они обучали все 5 столичных и 2 из 8 провинциальных батальонов и не очень стремились получить в результате хорошие результаты. Впрочем, с 1888 по 1895 г. корейские войска инструктировали американцы и тоже не достигли особо выдающихся результатов, в этот период корейская армия использовалась в основном для полицейских функций, а значительная ее часть, особенно в провинции, существовала только на бумаге. Россия заявила энергичный протест, ген. Горо был отозван. Охрана русской дипломатической миссии была доведена до 160 человек за счет десанта пришедшего в Инчхон крейсера «Адмирал Корнилов»³⁵.

29 января 1896 г. король Коджон вместе с наследником бежал из дворца, контролируемого японцами, и укрылся в здании русской миссии. Здесь было подписано соглашение, предполагавшее передачу обучения корейской армии русской военной миссии во главе с полковником Генерального Штаба Д.В. Путятой, занимавшим пост старшего делопроизводителя Военно-Ученого Комитета Главного Штаба. Всего лишь с октября по декабрь 1896 г. первая партия инструкторов в составе 2 младших офицеров, 10 унтер-офицеров и доктора сумела подготовить батальон (800 чел.), который приступил к охране королевского дворца³⁶. «То было время наибольшего нашего влияния, – вспоминал в 1901 г. свидетель этих событий. – В Корею русским правительством подготовлялась почва для непосредственного участия и воздействия на ход дел нашей соседки, в судьбу которой вмешивались и американцы, и японцы; первые для устройства коммерческих предприятий и авантюристских походов на государственной службе у корейцев, а вторые – мечтая из лучшей части Кореи создать свою колонию, чему они положили доброе начало в Фузане, Гензане и многих иных городах, поставив гарнизоны, наводившие страх на корейцев; в то время прибыли наши инструктора из Приамурья, по инициативе ехавшего в Корею полковника Д.В. Путяты, под его началом дело установилось, и через три месяца после их приезда корейские солдаты выглядели молодцами, ловкими и умелыми...»³⁷

С конца января король начал выходить из миссии и ночевать во дворце, но окончательно вернулся туда лишь в феврале 1897 г. В июле того же года прибыла еще одна партия инструкторов для обучения второго батальона. Путята планировал в течение 3 лет создать 6-тысячную кадровую корейскую армию, которая могла быть развернута до 40 тыс. чел.³⁸. Это не могло не взволновать Токио, для которого Корейский полуостров был естественным и единственным мостом на континент. Контроль над этой дорогой был жизненно важен для японской государственной традиции. Понимание этого простого факта в русских военных кругах присутствовало. Вот что сообщал своим читателям «Военный сборник» в 1901 г.: «Вопрос о колонизации – вопрос жизни для Японии; немислимо было представить, что неудача заставит навсегда отказаться от притязаний на Корею и окончательно примириться с новым порядком и усилением русского влияния; то, что произошло, послужило уроком для дальнейшего. Японцы повели в Корею пропаганду, пользуясь школой, устраивая прогулки с развлечениями для детей, празднества, народные игры, раздавая книги, и все это должно было внушить корейцам, что две сестры и брат (Корея, Япония и Китай) имеют полный интерес жить согласно, чтобы избежать опасности от большого северного медведя – России; агитация имела кое-какой успех...»³⁹ В феврале 1898 г. в Сеуле начались антирус-

ские выступления, в результате в марте того же года русские советники были вынуждены покинуть страну, обучение корейской армии вернулось к Японии. В начале 1897 г., то есть еще в период преобладающего русско-го влияния на полуострове, владивостокский предприниматель Ю.И.Бринер приобрел права на лесную концессию по левому берегу Ялу, которая не принесла ему доходов⁴⁰.

Концессией заинтересовался российский поверенный в делах в Корее Н.Г.Матюнин, который прослужил на Дальнем Востоке около 25 лет. Выпускник Императорского Александровского лицея, он привлек к этому делу своего одноклассника В.М. Вонлярлярского. Бывший лицеист, бывший кавалергард, бывший ординарец, а затем и адъютант великого князя Николая Николаевича-старшего, Вонлярлярский имел связи практически во всех министерствах, вместе с градоначальником Петербурга Свиты е.и.в. генерал-майором Н.В.Клейгельсом он служил ординарцем великого князя, главнокомандующего в русско-турецкую войну 1877–78 гг. Вонлярлярский и другой его сослуживец по Кавалергардскому полку А.М.Безобразов сумели заинтересовать в проекте графа И.И.Воронцова-Дашкова, а тот уже доложил Николаю II о средствах «избежать войны с Японией»⁴¹. В чем заключались те меры, которые должны были спасти Сибирь от расхищения природных богатств иностранным капиталом, а Россию – от войны с империей микадо? Он предлагал: 1) усилить русские военные силы в Приморье; 2) занять доминирующее положение в Корее; 3) ускорить завершение Транссибирской магистрали; 4) «учредить нечто новое – «Восточно-Азиатскую промышленную Компанию» для того, чтоб торговаться с Японией на коммерческой почве»⁴². Корея привлекала возможностью проводить фактически не ограниченный ничем лесной промысел, качеством леса (75% лиственницы, 15% ели и пихты, 6% кедра и только 4% лиственных пород), объемом поставок (20 тыс. пиловочных бревен с концессии Бринера, и до 700 тыс. – общий вывоз по Ялу) и наличием дешевой рабочей силы⁴³. При этом остается непонятным, на какой коммерческой почве предполагалось договариваться с дальневосточным соседом, который отнюдь не собирался делиться с кем бы то ни было своим влиянием на корейском полуострове.

6 (18) мая 1898 г. Николай II распорядился выделить на покупку концессии 70 тыс. рублей, и через день она была приобретена. Вслед за этим последовали гигантские планы использования природных ресурсов севера Кореи, в том числе и с привлечением сил армии⁴⁴. К тому же без ведома высшего ее командования. Когда в марте 1903 г. контр-адмирал А.А.Абаза известил военного министра А.Н.Куропаткина о желании Николая II увеличить количество солдат в районе реки Ялу с 300 до 600, тот удивился, так как не знал, что там вообще есть русские солдаты. Переоде-

тые в китайское платье «нижние чины» должны были рубить лес, оружие хранилось скрытно, на подводах. Наместник (с 6(19) апреля 1903 г.) вице-адмирал Е.И.Алексеев отказал в этой просьбе – на территорию концессии было направлено только 40 запасных⁴⁵. Русская политика в этот момент была едина только в одном – в географической своей направленности на Дальний Восток. Цельности во взглядах на нее не было ни в Петербурге, ни на далекой окраине империи. Е.И.Алексеев, по свидетельству дипломатического комиссара своего штаба, считал необходимым сосредоточиться исключительно на Маньчжурии. «По мнению Алексева, – вспоминал И.Я. Коростовец, – лучшим способом обеспечения нашего положения в Маньчжурии было бы соглашение с Японией, ибо лишь с этой стороны мы встретим серьезное противодействие. Это соглашение или дружественный нейтралитет Японии могли быть достигнуты уступками в корейском вопросе. Рано или поздно, говорил Алексеев, мы эти уступки сделаем, но это будет под давлением и без всякой для нас выгоды. Он кипятился, обвиняя Петербург в сознательном игнорировании фактов и пренебрежении его мнением»⁴⁶. Отсутствие единства во взглядах на политику приводило к разнобою в действиях. Активизация русских действий в Корее не могла не быть замеченной японцами, которые уже в первой половине 1902 г. заняли господствующее положение в этой стране. Япония имела небольшие (по 1–2 роты) гарнизоны в Сеуле, Пусане и Вонсане (которые в случае необходимости могли быть легко увеличены до размеров полка – 1500 чел. при 5 орудиях за счет мобилизации проживавших поблизости японцев), владела железными дорогами Сеул-Инчхон (38 км.), Сеул-Пусан (550 км.), контролировала 39 маяков на побережье. 72% внешней торговли Кореи приходилось на Японию, в 1900 г. около 80% всех импортированных в Корею товаров было ввезено на японских судах. Даже в приграничной с Россией северной Корее влияние Японии можно было уже назвать преобладающим. В среднем за период 1898–1902 гг. в открытые северокорейские порты приходило 32,8 русских судна в год (7,5% ввезенных грузов) против 539,6 японских (66,9% ввезенных грузов)⁴⁷.

То, что Николай II принимал дальневосточное направление очень близко к сердцу, не вызывает сомнения. Уделявший так много внимания проблемам флота император искал незамерзающий порт, обеспечивающий русским кораблям свободный выход в Тихий океан. Это было естественным желанием, смысл которого был понятен даже противнику. «Эта могучая империя, – отмечал виконт Грей, – нуждалась и постоянно искала выход к незамерзающему морю. Мировая торговля по большей части является морской; океаны являются величайшими торговыми дорогами. За небольшими исключениями каждая нация, малая или великая, имела

свой собственный порт на этих великих путях. Россия, с ее протяженнейшими территориями и огромным населением, не имела контролируемого ею выхода к ним; не было незамерзающей зимой гавани, где бы она могла держать свой флот»⁴⁸. Такой гавани у России не было и на Дальнем Востоке. После 1895 г. по понятным причинам русская эскадра была переведена в китайские гавани, но часть ее еще в 1896–97 гг. была вынуждена зимовать в Нагасаки и других японских портах. Это ослабляло позиции России, поэтому, когда китайское правительство известило русского посланника, что оно открывает для русского флота все порты Китая, Николай II немедленно распорядился о переводе эскадры для временной стоянки в Порт-Артур. На этом же решении настаивал и командовавший Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал Ф.В.Дубасов. На последнего произвело большое впечатление известие о занятии немцами Циндао⁴⁹.

Голод, недовольство деятельностью миссионеров, почти ничем не прикрытое хозяйничанье иностранцев – все это привело к распространению среди китайцев идей очищения своей страны от иноземного присутствия. Это было начало будущего «боксерского движения». «Народное возмущение, – вспоминал русский дипломат, – вскоре направилось против иностранцев и приняло форму антимиссионерских погромов в Шандуне»⁵⁰. То, что за этим последовало, лишь ускорило обострение кризиса. В середине ноября 1897 г. правительство Германии, воспользовавшись как поводом убийством немецких миссионеров на Шаньдунском полуострове, послало свои корабли в Циндао. Уходить из Шандуна немцы не собирались, и 5 марта 1898 г. Китай вынужден был согласиться на аренду порта и прилегающей к нему территории. Вслед за немцами начали действовать и русские. За нашей эскадрой в Нагасаки бдительно наблюдали два британских крейсера. С одной стороны, русское командование опасалось опоздать, с другой – предпочитало обойтись без осложнений с англичанами. Был распушен слух о том, что эскадра пойдет в Корею под предлогом охраны русских подданных, а в Порт-Артур была отправлена лишь группа кораблей. Но обмануть никого не удалось, английские наблюдатели ушли к берегам Квантуна на несколько часов раньше. Придя к городу раньше русских кораблей, англичане попытались помешать им войти в гавань города. Тем не менее, 1 декабря 1897 г. на его рейде появились два русских крейсера и канонерская лодка. Немедленно в гавань вошел, несмотря на запрещение, и британский крейсер. И, хотя он пробыл здесь всего несколько часов, этот факт, а также запросы британского правительства, ускорили развязку дела.

Правда, англичане заявили, что их корабль находился в китайском порту с дружественным визитом и покинул его после дружественного обращения российского правительства, умолчавшего о готовившейся арен-

де базы. В результате последовала исключительно резкая реакция правительства Солсбери, а в парламенте прозвучала исключительно резкая речь Чемберлена. «На самом деле, – как отмечал заместитель министра иностранных дел Великобритании, – это была важная веха на пути к войне с Россией»⁵¹. Точно так же на этот процесс смотрели в Вене и Берлине. Правда, ухудшение англо-русских отношений вызывало там прилив энтузиазма. Граф Ю.Андраши, говоря о настроениях русского монарха и его окружения, счел возможным отметить: «Их англофобия была еще сильнее их германофобии. В этот период Россия еще честолюбиво стремилась достичь теплых морей, и в направлении Персии, Китая и Индии она встречалась не с сопротивлением Германии, а Британии»⁵².

15(27) марта 1898 г. был подписан договор об аренде Порт-Артура и Квантунской области сроком на 25 лет с правом продления срока. На следующий день эскадра под командованием контр-адмирала Ф.В.Дубасова высадила десанты в Порт-Артуре и Талиенване (Дальнем). Китайские войска без боя отошли за границы выделенной России территории⁵³. После присоединения Порт-Артура император лично навещил больного управляющего Морским министерством вице-адмирала П.П.Тыртова, чтобы поздравить его «с бескровной победой»⁵⁴. «Этот опорный пункт России достался нам в том же полуразрушенном состоянии, в каком он был возвращен Китаю японцами,» – вспоминал один из офицеров русской эскадры⁵⁵. «В настоящее время, – докладывал Дубасов, – вся система укреплений представляет лишь груды материала, земли и камня, которыми можно воспользоваться не иначе, как разобрав большинство существующих укреплений до самого основания»⁵⁶. Для того чтобы создать хоть какую-то видимость укреплений у входа во внутреннюю гавань, были установлены орудия на старых китайских батареях, то есть на тех самых развалинах. Через несколько дней пароходы «Тамбов» и «Петербург» доставили сюда восемь 9-дюймовых мортир, шесть 6-дюймовых пушек и шесть 57-мм скорострельных орудий. На их установку потребовалось 92000 рублей, которые отказалось выделить Министерство финансов. Военному министру пришлось решать эту проблему за счет кредитов своего ведомства, т.е. средств, которые должны были пойти на другие надобности⁵⁷. В городе не хватало помещений для войск и даже квартир для чиновников и офицеров, отсутствовала канализация, для увеличившегося гарнизона не хватало даже питьевой воды и продовольствия – его приходилось завозить из Японии и китайского Чифу⁵⁸. Вода в единственной реке и небольшом пресноводном озере не годилась для питья. Единственная водосборная цистерна, построенная в 1887 г. французскими инженерами, не обеспечивала потребности увеличившегося населения. В результате до 1902 г. единственным источником питьевой воды для рус-

ского населения города (17 709 человек без учета военнослужащих) была опресненная морская вода, перерабатываемая на специально построенном для этого заводе. Состоятельные жители пользовались минеральной водой, которую привозили из Японии. Только к концу 1902 г. флот и армия смогли выделить средства и построить несколько новых водосборных цистерн, которые частично решили эту проблему⁵⁹.

Вместе с Порт-Артуром приобретался полуостров с тяжелым, сырым климатом, связанный с Маньчжурией Мандаринской дорогой – не шоссированным путем весьма низкого качества, трудно проходимым для гужевого транспорта осенью и весной. Можно сказать, что пути сообщения, которые можно было бы использовать, отсутствовали. В 1898–1902 гг. русским властям пришлось построить на Квантуне 5 шоссейных линий, не считая дорог к фортам в Порт-Артуре и городских улиц в Порт-Артуре, Дальнем, Цзиньчжоу и Бицзыво. Не идеальным был и порт, выбранный для военной базы. Вход в него был узок, крупные корабли могли войти в гавань только с приливом, большая часть гавани по причине мелководья была непригодна для стоянки судов. В восточной части порт-артурского залива был вырыт искусственный бассейн, облицованный гранитом. Только здесь океанские корабли и броненосцы могли швартоваться прямо к берегу⁶⁰. На приведение базы в приемлемое состояние требовались время и деньги. Впрочем, был мелководна была и большая часть восточного бассейна, амплитуда колебаний прилива и отлива равнялась 396,5 см, и стоявшие здесь броненосцы при низкой воде углублялись в почву, благо дно было илистым и это исключало опасность повреждений. Даже и та часть порта была незначительной по площади и не могла принять более 10 кораблей средних классов одновременно. Западная его часть была гораздо более обширной и, увы, менее глубокой. Единственным плюсом Порт-Артура была почти абсолютная его закрытость от ветров, даже при шторме на внутреннем его рейде не было волнения. На приведение базы в приемлемое состояние требовались время и деньги. Только в 1901 г. в западном бассейне внутреннего рейда удалось начать дноуглубительные работы, весьма интенсивные (за 1,5 г. в море было вывезено 270 000 кубических сажень грунта), но так и не оконченные к войне⁶¹.

Для Николая II приобретение Порт-Артура стало триумфом его личной политики, он был уверен в своей правоте по отношению к старым генералам отца. В конце 1897 г. в отставку ушли военный министр П.С. Ванновский и начальник Главного штаба Н.Н.Обручев⁶². Руководство страны сделало выбор в пользу Дальнего Востока. Между тем там складывалась на редкость тяжелая обстановка: три европейские державы – Германия, Россия, Великобритания захватили три военно-морские базы в непосредственной близости от Пекина и Японии. При этом русская (Порт-Ар-

тур) и британская (Вей-хай-вэй) базы были первоначально нацелены друг против друга. «Единство Китая, – как отмечал Э. Грей, – было священным принципом, действовавшим против Японии, но не против европейских держав, которые провозгласили его после победы Японии над Китаем»⁶³. Это обещало мрачные перспективы на будущее. Между тем отсутствие единства в подходах к проблемам дальневосточной политики сказывалось и на Квантунском полуострове, причем с самого начала. Главный начальник Квантунской области вице-адмирал Е.И.Алексеев, казалось бы, стал во главе военного, морского и гражданского управления арендованной территории. Но коммерческий порт Дальний и Южно-Маньчжурская железная дорога были подчинены инженеру Юговичу, постоянно проживавшему за 600 верст от него, в Харбине, и подчинявшемуся лично министру финансов С.Ю.Витте. Последний не благоволил ни военным, ни их планам. В результате и там, где должен был возникнуть форпост России в Китае, возникло двоевластие и рознь. По самым скромным расчетам, к 1904 г. Министерство финансов выделило для обустройства Дальнего 20 млн. рублей⁶⁴.

Это министерство так и не опубликовало свои расходы по созданию этого города. Только лишь один раз в 1903 г. была названа цифра 18,85 млн. рублей – как «общая стоимость работ первой очереди по сооружению города и порта в Дальнем». Были и другие расчеты, включавшие общую стоимость работ. К их окончанию они должны были обойтись в 57 млн. рублей, а так как в 1904 г. объем был выполнен на $\frac{3}{4}$, то реальная сумма затрат в Дальнем приблизительно равнялась 43 млн. рублям, т.е. более чем в 2 раза более заявленной Министерством финансов суммы. На этот порт возлагались большие надежды – он должен был стать терминалом Транссиба и КВЖД. По самым оптимальным расчетам, население этого города, возникшего на абсолютно пустом месте, должно было вскоре составить 400 тыс. человек. Любимое детище С.Ю.Витте начали создавать с порта и административного городка, постройки которого представляли собой некую помпезную смесь «готически-китайского стиля». Порт-артурская газета «Новый Край» имела все основания отозваться о Дальнем следующим образом: «полет фантазии русского чиновника в область романтизма»⁶⁵.

Город создавался как центр русского экономического и торгового влияния на Дальнем Востоке. Но ни то, ни другое не было значительным. Первый русский речной пароход с товаром поднялся по Сунгари в 1896 г., первый морской пришел в Инкоу в 1881 и до 1894 г. их в единственном открытом порте Маньчжурии побывало всего 6, тогда как только в 1891 г. туда пришло 116 германских торговых судов⁶⁶. Значительные капиталовложения в Дальний были освоены. «Но относясь скептически к достои-

нствам зодчества административного городка, – писал современник, – нельзя не отдать справедливости успешности выполнения работ. Дома в нем росли как грибы»⁶⁷. Однако в выстроенном городе, обладавшем прекрасно оборудованной гаванью, почти не было гражданского населения. В казенных домах жили служащие железной дороги и строители. К 1903 г. в городе не было ни одного готового частного дома и действовало всего 15 русских и 75 японских торговых заведений. При этом в городе, очевидно, для оживления торговли, планировалось открыть католическую кафедру, не подчиненную русскому католическому управлению, в нем разрешили селиться евреям⁶⁸. Ничего не помогало. «Он походил на город мертвых, – отмечал посетивший Дальний в сентябре 1903 г. британский журналист. – Единственные люди, которых мы встретили, были солдаты или служащие. Масон может медленно пройти по улице, и эхо его шагов затихнет вдали до того, как он встретит идущего навстречу»⁶⁹. 13(26) мая 1904 г., когда строитель Дальнего В.В. Сахаров получил приказ ген. А.М. Стесселя вывезти из города всех русских подданных, таковых оказалось только 400 человек⁷⁰.

Работавший в Порт-Артуре русский дипломат вспоминал: «Дальний, где распоряжался главный инженер Сахаров, сделался с самого начала любимым детищем Витте или, вернее, группы лиц, внушивших ему идею создания русской колониальной империи. Таким образом, этот город стал объектом забот и щедрых ассигнований правительства, между тем как Порт-Артур, подчиненный военному ведомству, оставлен был в пренебрежении, как неизбежное зло. В Дальнем уже имелось городское благоустройство, дороги, канализация, кажется, проектировался даже парк, но не было жителей, кроме чиновников, преимущественно польской национальности. Все жители – русские и китайцы, скопились в Артуре, теснясь в китайских фанзах и хибарках»⁷¹. «Любимое детище» министра финансов оставалось полностью незащищенным, однако к войне порт успели хорошо оборудовать и он послужил и японской осадной армии, и флоту.

«По мнению японцев, – отмечал британский журналист Х.С. Райт, проведший семь месяцев на эскадре Х.Того во время войны и посетивший Дальний после его взятия войсками ген. Ноги, – бухта Талиенвань могла бы легко быть сделана неприступною. В гавани стояло множество судов, канонерок, крейсеров, вспомогательных крейсеров, транспортов, госпитальных кораблей, а тем не менее места было еще много»⁷². При отсутствии оборудованного порта осаждающие попросту не смогли бы выгрузить в неразобранном состоянии 11-дюймовые осадные орудия. Вес 280-мм мортиры составлял 30 тонн, выгрузить ее без кранов и перевезти без железной дороги было практически невозможно. Между тем именно эти орудия сде-

ляли беззащитными оборонительные сооружения русской крепости, рассчитанные на обстрел снарядами не более шести дюймов⁷³.

19 сентября (2 октября) 1904 г. японцы начали обстрел Порт-Артура 11-дюймовыми фугасными бомбами, начав с форта № 3. «Хотя большая часть таких снарядов и не рвалась, – вспоминал участник обороны крепости, – но зато эффект разорвавшихся был ужасный. Это обстоятельство вместе с известием об отступлении нашей армии из-под Ляояна обрисовало мрачное положение Артура. Только быстрый приход армии мог спасти крепость, но ясно было, что наша армия скоро не подойдет»⁷⁴. Обстрел 11-дюймовыми снарядами (солдаты называли их «паровозами») сыграл огромную роль в подготовке успеха штурма горы Высокой. 14–16 ноября 1904 г. он был исключительно интенсивным – японцы ежедневно выпускали по 800–1000 таких снарядов, которые полностью разрушили укрепления в скалах, откалывая глыбы гранита «величиной с половину крестьянской избы». 23 ноября 1904 г. этот ключевой пункт в русской обороне пал и началась медленная агония крепости и флота⁷⁵. Армия Ноги получила возможность подвезти не только осадный артиллерийский парк, но и все необходимое для постройки железной дороги вокруг Порт-Артура. По периметру линии осады все тяжести перевозили по ней, в то время как осажденные вынуждены были использовать для перевозки грузов около 2000 лошадей ежедневно. И это при постоянном недостатке в пресной воде и фураже! Условия осаждающих были, как отмечал другой британец, «весьма благоприятны»⁷⁶. Действительно, прибывающие в Дальний подкрепления для армии Ноги прибывали под Порт-Артур через пять часов после высадки⁷⁷.

На начало 1904 г. в Порт-Артуре проживало 42 465 человек (не считая военнослужащих), из них 4 297 женщин и 3455 детей, 17 709 русских и 23494 китайца. В отличие от Дальнего, здесь развернулось не только казенное строительство и к 1903 г. в городе было 3263 дома (из них 360 частных) с 5186 квартирами. В Порт-Артуре к этому времени действовало 700 торговых домов и коммерческих фирм, даже извозчиков здесь было 160 (в Дальнем – 2). Объяснение этому самое простое – основным потребителем услуг и товаров на Квантунском полуострове оставался человек в погонах. «Мирное экономическое проникновение» в Китай, о котором мечтал Витте, было замкнутым кругом казенных трат. Доктринерское положение о том, что «коммерция не может ужиться рядом с серой шинелью», не уживалось с жизнью. Признавать это, очевидно, не хотелось. Дальний был объявлен конечным пунктом ЮМЖД, но 90% пассажиров следовали далее, по участку Дальний–Порт-Артур, объявленному «веткой». Очевидно, и этого оказалось недостаточно, и в 1902 г. все пароходы общества КВЖД, обслуживавшие линии Квантун–Нагасаки и Кван-

тун–Владивосток, получили распоряжение разгружаться исключительно в Дальнем, не заходя в Порт-Артур. При этом русская военно-морская база на Тихом океане получала из Владивостока и Японии и хлеб, и рыбу, и овощи, и лес, и сено, и овес, и пр., и пр. С 1 января по 1 декабря 1902 г. таким образом город Порт-Артур вынужден был получить 38 568 тонн и 66 904 места различных грузов. За перегрузку и использование «ветки» приходилось платить⁷⁸.

«В настоящее время, – отмечал еще в 1872 г. Э.И.Тотлебен, – крепости могут оказывать продолжительное сопротивление только в том случае, когда они снабжены достаточным числом обеспеченных от бомб помещений, для прикрытия войск гарнизона и боевых припасов, и когда крепостная артиллерия в состоянии с успехом бороться с осадной артиллерией»⁷⁹. Авторитет крупнейшего русского фортификатора в конце XIX века был чрезвычайно велик, но, к сожалению, прежде всего в среде военных инженеров. При решении вопроса о строительстве Порт-Артурской крепости руководствовались явно другими приоритетами. «Вопрос финансовый не замедлил приобрести значение доминирующего над всеми остальными, – вспоминал один из строителей крепости, и военному министерству, располагавшему уже тогда необходимыми данными для суждения о насущных потребностях обороны далекой военно-морской базы средствами сухопутного ведомства, пришлось поневоле крайне ограничить свои стремления»⁸⁰. Действительно, с 1856 г. организация обороны берегов Российской империи с суши была всецело возложена на Военное министерство⁸¹. Но именно эта часть оборонительной системы новой приморской крепости, вынесенной далеко вперед от русской территории, стала объектом экономии. Нельзя сказать, что опасность такого решения не понимали военные. В январе 1898 г., то есть за несколько месяцев до приобретения Порт-Артура, в «Инженерном журнале» была опубликована статья К.И.Величко «Крепости и крепостные железные дороги». Крупный русский фортификатор, а в недалеком будущем – один из строителей новой крепости на Дальнем Востоке, писал: «Если в отношении морской обороны государства данная береговая крепость имеет подобное же стратегическое значение, какое мы приписываем на сухопутных театрах войны ... маневренным крепостям, т.е. если внутри данной береговой крепости флот (армия) или рейд (плацдарм) должны быть свободны от артиллерийского огня точно так же, как все портовые учреждения, железнодорожные станции и склады возможных запасов, то было бы обидным недоразумением воображать, что, приняв должные меры противодействия только с моря, мы тем самым вполне решим нашу задачу. Следуя мудрому и простому правилу брать быка за рога, противник вероятно не замедлит явиться со стороны суши и, не имея возможность

достигнуть цели только с моря, станет бомбардировать с противоположенной стороны, а может быть, предпримет и соответственные осадные действия, ведущие к быстрому овладению портом одновременно как с моря, так и стороны суши, озаботившись прежде всего полным обложением крепости»⁸².

Нельзя сказать, чтобы военные инженеры ограничивались констатацией довольно очевидных (во всяком случае, для них) фактов. На следующий год после приобретения Порт-Артура в «Инженерном журнале» появилась целая серия статей под названием «Об устройстве приморских крепостей», в которых рассматривался проект некоей морской крепости, которая должна была быть готовой к отражению атаки с моря британских и японских кораблей. В общих вводных проекта легко угадывался Порт-Артур. Для обеспечения обороны берегов проекта требовалось 42 10-дюймовые пушки (по реальному плану крепости предлагалось 22, утвердили 10), 96 6-дюймовых пушек (предлагалось 36, утвердили 20), 56 11-дюймовых пушек системы Канэ, 28 9-дюймовых пушек, 28 6-дюймовых пушек (весом в 190 пудов), 128 57-мм скорострельных пушек, 89 11-дюймовых мортир, 14 9-дюймовых береговых мортир. Стоимость этого парка вместе с установкой оценивалась в 11 413 000 руб., боекомплекта к нему – в 31 702 000 руб., всего артиллерийское вооружение только морского фронта крепости обошлось бы казне в 43 115 000 руб. (при стоимости эскадренного броненосца приблизительно в 6 млн. руб.)⁸³. Стоимость инженерных сооружений оборонительного характера по сухопутному фронту крепости (включая строительство шоссе и крепостной железной дороги) оценивалась в 10 млн. руб., по морскому – в 8 млн. руб. Эти цифры не включали в себя расходы на артиллерийское вооружение и устройство военного порта⁸⁴. Артиллерийский гарнизон проекта крепости исчислялся из расчета 12 артиллеристов на орудие берегового фронта (их было 481) и 8 – на сухопутного (их было 850) – итого 12 752 человека (9 батальонов). Добавляя к этому 31 батальон пехоты (24 800 чел.) и вспомогательные части, численность гарнизона предполагалось довести до 38 000 чел. «Менее 35 000 чел. сухопутный гарнизон нашей приморской крепости не может быть, – отмечалось в статье, – и таким образом можно видеть, что величина гарнизона приморской крепости, подверженной атаке с сухого пути, едва ли может быть меньше гарнизона крепости сухопутной»⁸⁵.

Именно полковник К.И. Величко был послан в 1899 г. в Порт-Артур для составления проекта крепости. То, что он увидел там, произвело на него далеко не благоприятное впечатление. «Подобного регресса, – писал он, – особенностей почвы и поверхности не встречалось ни в одной из наших крепостей. Крайняя пересеченность местности, ряд обособ-

ленных конических вершин, отделяющих множество заменяющих один другой отрогов крутыми склонами, заставляют располагать большое количество укреплений, чтобы достичь взаимной их видимости и огневой связи и поддержки; кроме того, множество пересекающих позиции глубоких балок вызывает устройство особых дополнительных батарей, окопов или капониров»⁸⁶. Верное понимание возможных опасностей не помогло, так как с самого начала было принято решение о сокращении сухопутного фронта крепости. Высшему военному начальству не оставалось ничего делать, как рекомендовать строителям «не бояться командующих высот» и исправлять недостатки местности «усилением возводимых укреплений»⁸⁷.

Прежде всего, по утвержденному императором плану строительства, гарнизон Квантуна не должен был превышать 11 300 человек, чтобы охрана полуострова не была чрезмерно дорогой и «опасной в политическом отношении». Таковой была численность русских войск на Квантуне на момент утверждения плана – 18(31) января 1900 г.⁸⁸. На самом деле строительство укреплений Порт-Артура началось на год раньше, но оно постоянно прерывалось из-за систематических срывов в финансировании. Даже предварительный план крепостных сооружений к началу войны не был выполнен. Собственно на крепость по нему выделялось 15 млн. рублей, на «войсковые сухопутные сооружения» (казармы, склады, госпитали, школы, храм и т.д.) – 12,047 млн. рублей, на портовые сооружения – 32,424 млн. рублей, а всего на работы в крепости, городе и порту – 59,471 млн. рублей. На самом деле до 1904 г. было отпущено на сухопутную оборону крепости – 4 235 530 рублей, на береговую – 1 333 000 рублей, т.е. около $\frac{1}{3}$ необходимого; на необоронительные работы сухопутного ведомства – 5 519 544 рубля, на портовые сооружения – 11 699 845 рублей. Всего по проекту было недополучено 38,016 млн. рублей⁸⁹. Тем не менее, работы по крепости к началу войны были закончены почти на 50%. Это означало, что на сухопутном фронте крепости была готова центральная ограда вокруг Старого города; из 6 запланированных долговременных портов был завершен 1, закончены вчерне – 3, начат 1 и разбит на местности 1; из 7 временных укреплений завершено 1; из 4 долговременных батарей – 3; все передовые пункты крепости не были укреплены⁹⁰. Строителям удалось использовать случайно возникшие возможности. В 1900 г., во время подавления «боксерского» восстания, Тяньцзинский арсенал – богатейшие военные склады Китая – был объявлен военным трофеем союзников. Порт-артурская администрация сумела вывезти оттуда броневое, полосовое, листовое и пр. железо, свинец, олово, порох, донные мины и многое другое. Все это потом использовалось при строительстве крепости, причем по отчетности строительные

материалы проводились по фантастически низким ценам (например – $\frac{3}{4}$ копейки за пуд броневое железа)⁹¹. Естественно, что при таком подходе не нашлось средств и на укрепление «ворот» на Квантунский полуостров, т.е. перешейка у города Цзиньчжоу. По соглашению 1898 г. об аренде полуострова город существовал на автономном положении и управлялся китайскими властями. Русский гарнизон был введен сюда только в июне 1900 г. при подавлении «боксерского» восстания. Тогда же началось и медленное строительство укреплений полевого типа – двух редутов и 12 батарей. Предложения укрепить перешеек по-настоящему поступали неоднократно, первым это предложил сделать еще в 1898 г. Дубасов, но средств на строительство не хватало, а потом сочли, что укреплять перешеек, имея за спиной открытый и абсолютно незащищенный Дальний, – бессмысленно. За дело взялись лишь с началом военных действий. К высадке японского десанта завершить работы не удалось⁹².

В результате экономии на строительство перед войной на Дальнем Востоке у России не было и адекватной судоремонтной базы. Единственный док, который мог принимать эскадренные броненосцы и броненосные крейсера, находился во Владивостоке, там же имелись и кадры для ремонтных работ – портовые роты, около 700 русских рабочих. В Порт-Артуре был док для кораблей водоизмещением не свыше 6000 тонн, и еще 2 дока для судов до 1500 тонн было построено в Дальнем. 1 док для крупных судов строился во Владивостоке и 1 в Порт-Артуре, но завершение строительства планировалось на 1906 год. Таким образом, ремонтной базы для эскадры на ее главной базе не было. Русских мастеровых в порту было не более 100, на подсобных работах использовались китайцы, которые покинули их с первыми выстрелами войны. 30 января (12 февраля) 1904 г. Балтийский завод получил приказ отправить в Порт-Артур 200 опытных рабочих, которые прибыли туда 16 (29) марта и работали на кораблях до сдачи крепости. Именно их усилиями были отремонтированы поврежденные эскадренные броненосцы «Цесаревич», «Ретвизан», «Победа», «Севастополь», броненосный крейсер «Баян». Пробоины в подводной части судов пришлось заделывать в кессонах. Благодаря работе этой группы, а также группы рабочих с оружейного Обуховского завода, уже в ходе войны были резко повышены ремонтные возможности Порт-Артурского порта, а позже – и сухопутного фронта крепости⁹³. Так создавалась русская военно-морская база на Тихом океане.

Полное окончание строительства крепостных сооружений Порт-Артура намечалось в 1909 г. Конечно на крепость была выделена не столь уж мизерная сумма, хоть и меньшая, чем та, которую Витте отпустил на Дальний. Еще дороже обошлась государству КВЖД. Начав с покупки

у Русско-Китайского банка всех акций Общества КВЖД за 5 млн. рублей, казна до начала войны вложила в него до 400 млн. рублей. Для сравнения можно привести следующие цифры: программа перевооружения полевой артиллерии русской армии, по которой армия получала 1500 скорострельных орудий, начатая в 1900 г., должна была бы в 1902 г. обойтись бюджету в 1902 г. приблизительно в 30 млн. рублей. При этом на протяжении первых пяти лет нового столетия ни один бюджет Империи не был сведен без дефицита, а суммарный дефицит бюджета за 1900–1904 гг. составил 1200 млн. рублей. Впрочем, к 1904 г. из суммы, необходимой для Порт-артурской крепости, было реально выделено только 4,6 млн. рублей. Неудивительно, что после захвата Порт-Артура запасы для Босфорской экспедиции были срочно переброшены для новой крепости на Дальнем Востоке. Даже первый батальон в этом городе был высажен с парохода Доброфлота «Саратов», строившегося по программе обеспечения перевозки босфорского десанта⁹⁴. Требовалось усиление военного присутствия России на Дальнем Востоке – вплоть до 1901 г., например, в Приамурском военном округе находилось только шесть стрелковых и одна резервная бригада, и, как отмечал А.Ф. Редигер, «собственно боевого значения этого округа тогда еще ничего не предвещало»⁹⁵.

К этим словам следует отнести критически. Япония как вероятный противник, обладающий солидным военным потенциалом, не могла не привлекать внимания русских военных. «Победоносная война Японии с Китаем, – сообщал в 1899 г. своим читателям журнал «Военный сборник», – дала могущественный толчок к развитию и совершенствованию японских вооруженных сил. Обширный план военных реформ, составленный в 1896 г., стал быстро приводиться в исполнение, и в ближайшем будущем, по осуществлению этого плана, Япония станет сильным военным государством, способным оказывать значительное влияние на ход событий на Дальнем Востоке»⁹⁶. 1 апреля 1896 г. микадо издал повеление о реорганизации армии. Программа предусматривала ее увеличение в 7-летний срок с 7 до 13 пехотных дивизий, увеличение артиллерии и оснащение ее современными горными, полевыми и осадными орудиями. Флот увеличивался с 69 судов общим водоизмещением 79 тыс. тонн до 156 судов водоизмещением в 270 тыс. тонн, т.е. в 3,5 раза. Программа в основном была выполнена в 1903 г. Сильной стороной японской армии был большой постоянный штат – в мирное время японская рота имела 136 солдат, увеличиваясь при мобилизации до 236. Это повышало боеспособность японских сил, а увеличение пребывания в резерве армии до 4 лет 4 месяцев позволяло в случае начала войны до 1904 г. использовать все (!) кадры, имевшие опыт войны с Китаем. Слабой стороной Японии была собственная оружейная база. Два завода – по производству винто-

вок (300 в день в мирное время, 700–1000 в военное) и патронов (100 тыс. в день) в Токио, артиллерийский (полевые и горные орудия) и два пороховых (бездымный порох) в Осаке⁹⁷.

Вопреки устоявшемуся мнению, в России перед войной отнюдь не господствовало пренебрежительное отношение к японской армии. Во всяком случае, существовали и другие, весьма уважительные оценки японского солдата и офицера. По мнению обозревателя «Военного сборника», который получал каждый полк русской армии, уже в 1899 г. японцы были прекрасно подготовлены к мобилизации, обладали хорошо подготовленным старшим командным составом, имевшим боевой опыт, средние и младшие офицеры «обладают европейским военным образованием». Войска проходят солидную подготовку на уровне рядового состава и соединений, обладают прекрасной дисциплиной. Особенно высокую оценку получили японская пехота, артиллерия и инженерные части⁹⁸. «Японским офицерам и нижним чинам, – сообщал журнал, – присуще врожденное стремление к знанию, к самосовершенствованию, к добросовестному исполнению своих обязанностей. Японская армия, по выражению одного наблюдателя, одушевлена любовью к отечеству, и каждый готов пожертвовать свое имущество и жизнь ради общей славы и чести императора. В 1894 г. объявление войны было встречено с общим восторгом. Военные пользуются всеобщим уважением, а в продолжении кампании народ смотрел на солдат как на героев, дравшихся за славу своей родины. Во время войны войска выказали редкую дисциплину и порядок, о чем единогласно свидетельствовали оба командовавших армиями»⁹⁹. Обозреватель не сомневался в том, что программа 1896 г. будет выполнена в срок, т.е. к 1903 г.: «План реформ 1896 г., без сомнения, будет выполнен в полном объеме, и боевые доблести, проявленные японцами в войну с Китаем, окрепнут под могущественным влиянием европейского военного искусства»¹⁰⁰. Если он и ошибся, то в весьма малой степени.

Зависимость от поставок вооружения из Европы и Америки, прежде всего флота, и была основной причиной задержки выступления японцев против России. Тем не менее, это не привело к недооценке противника. Русский военный агент в Японии полковник Самойлов перед войной неоднократно отмечал в своих донесениях высокий уровень подготовки и технической оснащенности японской армии¹⁰¹. В 1900 г. «Военный сборник» опять довольно недвусмысленно предупреждал об опасности, которая будет исходить от империи микадо в ближайшем будущем: «Япония после победоносной войны с Китаем заняла выжидательное положение и ограничивалась наблюдением над происходящими в Китае событиями. Такой образ действий представлял собой резкий контраст с деятельностью, проявленной в Пекине представителями европейских держав.

Однако, по замечанию французского военного журнала «Revue militaire», было бы большой ошибкой думать, что японцы могли забыть то унижение и неудачу, которые явились первым следствием их побед над Китаем. Они отнюдь не ошиблись в оценке действительного значения коллективного вмешательства России, Франции и Германии, заставившего их отказаться от договора 8 мая 1895 г. и лишиться плодов побед в Маньчжурии. По мнению многих авторитетных органов западноевропейской печати, японцы лишь выжидали подходящего случая для активного вмешательства в китайские дела»¹⁰². Основными причинами этой выжидательной позиции была незавершенность военной и военно-морской программ и необходимость укрепиться на недавно приобретенном Тайване. В Петербурге заметили рост вооружений Японии, но не смогли верно оценить их. «Враждебное отношение к нам Японии, – отмечал А.А. Свечин, – и вооружения ее не ускользнули от нашего внимания. Тем не менее, в подготовке к войне мы отстали от японцев – главным образом потому, что придавали дальневосточному театру борьбы только второстепенное значение. Судьба Маньчжурии, по господствовавшему мнению, должна была решиться на европейских полях сражений. Мы готовились к худшему случаю – к выступлению Японии против нас в момент большой европейской войны. Театром главных операций, в таком случае, явилось бы пространство к западу от Двины и Днепра, и всякое ослабление наших сил на решающем пункте для достижения выгод на второстепенном театре являлось бы ошибочным. Успехи в Азии не могли бы загладить поражения в Европе; наоборот, договоры, подписанные нами в Берлине и Вене после успешной войны, явились бы началом полной ликвидации японских успехов в Маньчжурии»¹⁰³. С этим утверждением нельзя не согласиться, правда, с одной оговоркой.

Внимание Николая II к Дальнему Востоку, однако, не означало полного отказа от босфорской операции. Внимание к Балканам в России было очень пристальным, и не только в связи с ситуацией в Европе. В 1900 г. была подписана секретная австро-румынская военная конвенция, текст которой в октябре 1901 г. был получен русским военным агентом в Вене. Соглашение было нацелено против России, Болгарии и Сербии. Австро-Венгрия и Румыния обязывались оказывать друг другу дипломатическую, а в случае необходимости и военную помощь. Вена гарантировала неприкосновенность границ Румынии, государственный порядок (династию Гогенцоллернов). Цели этого соглашения были изложены предельно ясно, так как в нем было сказано, что «хотя договаривающиеся государства и далеки от агрессивных намерений, а также чужды желания воспользоваться войной для принижения стремящихся возвыситься наций, но желание Румынии увеличить свои владения путем присоединения части Бе-

сарабии, а также приобрести крепость Силистрию, и, если можно, Русецк, Шумлу и Варну для укрепления Дунайской позиции и для затруднения прорыва России на Балканский полуостров, является вполне справедливым. Напротив того, стремление Австро-Венгрии будет направлено к тому, чтобы, по ослаблении Болгарии, достигнуть решающего влияния на правительство Сербии и чтобы занять Македонию в благоприятную минуту, что обеспечит преобладание Австро-Венгрии на Балканском полуострове»¹⁰⁴. В случае войны в Румынию вводились вспомогательные австро-венгерские войска, командование соединенной армией переходило к австрийцам. Последнее было в какой-то степени ожидаемо, так как для обороны Серетской линии¹⁰⁵ называемой в данном документе «Дунайской позицией», сил у румын явно не хватало – приблизительно 100 000 на чуть более 100 километров.

А.Н.Куропаткин, получив эту информацию, счел необходимым добиться подписания договора с Сербией и особенно с Болгарией. Союз с последней обеспечивал, по его мнению, пассивность Румынии в случае осложнений с Германией и Австро-Венгрией. Военный министр был готов пойти на аналогичные гарантии Сербии и Болгарии, но был категорически против обещаний территориальных приращений за счет соседей. Под руководством министра иностранных дел графа В.Н.Ламздорфа был составлен проект конвенции с Болгарией. Однако между военным министром и министром иностранных дел возникли весьма характерные противоречия. Ламздорф настаивал на том, чтобы военное соглашение вступало в силу только в случае нападения на одну из договаривавшихся сторон. Кроме того, МИД предлагал ввести обязательство «употребить все средства, чтобы ничем не вызвать конфликта с Турцией и другими Балканскими державами». Военный министр собственноручно вычеркнул эти положения, объяснив это надписью на полях: «с целью не связывать руки России в Босфорском вопросе»¹⁰⁶. Это не были расчеты, обращенные в необозримое будущее. В 1902 г. была проведена стратегическая игра, после которой пришли к выводу о необходимости пересмотра первоначальных планов атаки Босфора, так как подготовка десанта требовала усиления. В том же году последовало указание императора о строительстве на Черном море эскадренных броненосцев, готовых не только для плавания в этом море, но и для далеких переходов. Число их должно было дорасти до 12 с соответствующим количеством крейсеров и минных судов. По этой программе в 1903 г. были заложены два эскадренных броненосца – «Иоанн Златоуст» и «Евстафий», и 3 миноносца¹⁰⁷.

В начале 1902 г. проект русско-болгарского военного соглашения был разработан. Россия и Болгария оказывали друг другу военную помощь в

случае совместного нападения Румынии и Австро-Венгрии и дипломатическую – в случае изолированного конфликта с одной из этих стран. Предусматривалась поддержка Сербии в случае, если она подвергнется агрессии. Главнокомандующим армией на Балканах назначался князь болгарский Фердинанд, но планы действий разрабатывал русский Главный штаб. Болгария предоставляла России право использовать свои порты, болгарский флот и транспортные средства переходили в подчинение русских моряков. 31 мая 1902 г. договор был подписан русским и болгарским военными министрами в Петергофе, а в июле того же года прошел обмен ратификационными письмами¹⁰⁸. В августе 1902 года под Курском были проведены маневры силами трех военных округов – Московского, Киевского и Одесского. Они носили антиавстрийский характер, задача этих учений – отражение армии, которая вторгается в Россию с юго-запада. На демонстрацию военной мощи Империи был приглашен шах Персии, который вместе с Николаем II участвовал в смотре войскам, принимавшим участие в маневрах¹⁰⁹. Это придало маневрам и определенное антианглийское звучание. Россия и Великобритания активно противостояли друг другу в Иране. «Общее мнение в Тегеране, – отмечал посетивший его в 1901 г. англичанин, – Россия изгоняет Великобританию из Персии»¹¹⁰.

Русские финансисты и торговцы действительно довольно успешно теснили своих английских коллег, причем не только на севере этой страны, традиционно находившемся в сфере русского влияния. Товарооборот между Россией и Персией постоянно увеличивался. Если в 1889–1890 гг. из общего объема иностранной торговли Ирана в 7–7,5 млн. фунтов на долю Англии и ее индийских колоний приходилось 4 млн., а на долю России – чуть мене 2 млн. фунтов, то в 1900–1901 гг. ситуация резко изменилась. Общий объем персидской внешней торговли вырос до 8 млн. фунтов, в то время как доля участия в ней Британской империи сократилась до 1,92 млн. фунтов (24%), а доля России возросла до 4,501 млн. (56,3%)¹¹¹. Результатом этого был, в частности, кризис доверия к бумажным деньгам, выпускаемым британским Шахиншахским банком. Серебро слишком активно утекало в русский Туркестан, где не принимали персидские банкноты. В Персии действовали русские военные инструкторы, основавшие в 1879 г. так называемую «казачью бригаду», которая еще в начале 80-х гг. XIX века была настолько же «казачьей», насколько и «бригадой». Рекрутировалась она из наемников, в том числе и из Закавказья, их количество было невелико (750 чел.), 5 русских инструкторов и несколько унтер-офицеров не могли обеспечить должного качества подготовки. Правильнее было бы назвать эту часть конно-иррегулярным полком, использовавшимся для придворной службы. Но уже в конце XIX – начале XX вв. бригада

с собственной артиллерией превратилась в наиболее (если не единственную) боеспособную часть персидской армии. Она располагалась в Тегеране под командованием русского полковника¹¹².

«Покойный шах Наср-эддин, – отмечал русский путешественник, посетивший страну в это время, – пытался было поднять войска, но и у него ничего не вышло, а у нынешнего персидского шаха полное безденежье привело к тому, что на все персидские войска махнули рукой. Жалованье не уплачивается годами, следовательно, и требовать ничего нельзя. Единственным утешением шаха служит казачья бригада, состоящая из 1000 человек конных и 500 пеших и одного дивизиона конной артиллерии из 8-ми орудий, подаренных нашим правительством. Этот отряд вполне самостоятельный, не подчиняется никому, кроме шаха, и состоит в ведении русского генерала Коссаговского»¹¹³. Наличие этой части обеспечило относительно бескровный переход трона к новому шаху, и он не забывал об этом. Русское влияние в Тегеране нарастало, к тому же, в отличие от английского, оно не вызывало еще раздражения. По мнению цитируемого П.А. Риттиха, оно было персонифицировано в командире бригады: «Независимо от крупных государственных услуг, оказанных Персии нашим талантливым генералом, необходимо указать на его обаяние среди персидского народа. Мне приходилось видеть В.А.Коссаговского среди его подчиненных и среди простонародья, и я вынес впечатление, что он властвует над всеми и что войска и серая толпа исполнит все, что он захочет»¹¹⁴.

Нарушалась и почти полная монополия британского торгового флага в Персидском заливе. На рубеже XIX и XX веков на 40 судов здесь приходилось только одно не под британским флагом. В 1901 г. была установлена прямая пароходная линия Одесса–Бендер-Аббас, а общество «Ропит», осуществлявшее регулярные рейсы между Югом России и Персидским заливом, получило на них ежегодную государственную субсидию в 200 тыс. рублей (не считая помильной субсидии – 2 рубля за пройденную судами общества милю). В результате в порт Бендер-Аббас, в который ранее заходили исключительно английские торговые суда, в 1901 г. на русских пароходах было импортировано товаров на 2746 фунтов. Это была, конечно, незначительная сумма по сравнению с британскими показателями ввоза в тот же порт – 575 000 фунтов. Однако нарушение полной монополии и пристальное внимание России к Бендер-Аббасу воспринималось в Лондоне весьма болезненно – там прямо говорили об опасности повторения истории с Порт-Артуром и необходимости подыскать в этом случае новый Вей-хай-вэй – для противовеса¹¹⁵. В марте 1903 г. в Персидском заливе появился и русский военный корабль. Крейсер II ранга «Боярин» посетил порт Бушир и продемонстрировал Андреевский флаг в портах залива¹¹⁶.

У Курских маневров были и другие последствия – в конце 1902 г. были утверждены командующие на случай войны в Европе – великий князь Николай Николаевич-мл. для германского и Куропаткин – для австро-румынского фронтов. Великий князь выбрал себе в качестве начальника штаба Ф.Ф.Палицына, военный министр – В.А. Сухомлинова¹¹⁷. Как мне представляется, русско-болгарское военное соглашение и история его разработки свидетельствует о весьма серьезных намерениях русского правительства относительно Проливов, хотя и ситуация в регионе изменилась. Планы босфорской экспедиции появились вследствие ухода России с Балкан, теперь обстоятельства заставляли ее возвращаться обратно, даже в условиях, грозивших осложнениями на Дальнем Востоке. Впрочем, Николай II в это время был сторонником активной азиатской политики. 16(29) февраля 1903 г. А.Н. Куропаткин сделал в своем дневнике весьма выразительную запись: «Я говорил Витте, что у нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы. Что мы, министры, по местным обстоятельствам задерживаем государя в осуществлении его мечтаний, но все разочаровываем; он все же думает, что он прав, что лучше нас понимает славы и пользы России. Поэтому каждый Безобразов, который поет в унисон, кажется государю более правильно понимающим его замыслы, чем мы, министры»¹¹⁸.

В марте-апреле 1903 г. работала новая комиссия под председательством генерала А.П. Протопопова – выбор председателя говорит о весьма серьезном отношении к делу. Это был ярый сторонник «босфорского проекта», работавший в 80–90-х гг. XIX века на Балканах в качестве военного агента (Греция, Константинополь) над сбором информации, необходимой для его реализации. Комиссия пришла к следующим выводам. В Одесском военном округе необходимо было собрать дополнительные части. К первому дню мобилизации на Босфор должны были быть переброшены 34 тыс. чел., к концу 16-го дня – 160 тыс. По расчетам русских военных, в первый день русский десант мог встретить в этом районе от 17 до 18 тыс. чел., на 16-й – уже 216 тыс. Это соотношение сил было признано неблагоприятным. Комиссия рекомендовала построить 12 малых броненосцев, которые могли бы действовать в непосредственной близости от берегов (из них половина – в ближайшие 5 лет), 4 воинских транспорта, заключить особые договоры с пароходными обществами, создать постоянный десантный батальон в Одесском порту, в 2 раза увеличить артиллерийский запас, увеличить количество мин заграждения, построить минные транспорты, улучшить десантные средства. Для реализации программы требовался 41 млн. руб.¹¹⁹.

В августе 1903 г. в Одесском военном округе были опять проведены маневры. Как мне представляется, через год после подписания русско-болгарского договора эти учения могли иметь и определенную антирумынскую направленность. В качестве представителя Главного штаба в них участвовал М. В. Алексеев. Этот выбор, учитывая его участие в войне 1877–78 гг., эвакуации по морю из Болгарии и работу над планом вторжения в Румынию, кажется мне неслучайным. В Одессе и Севастополе отработывалась посадка войск на броненосцы и транспорты¹²⁰.

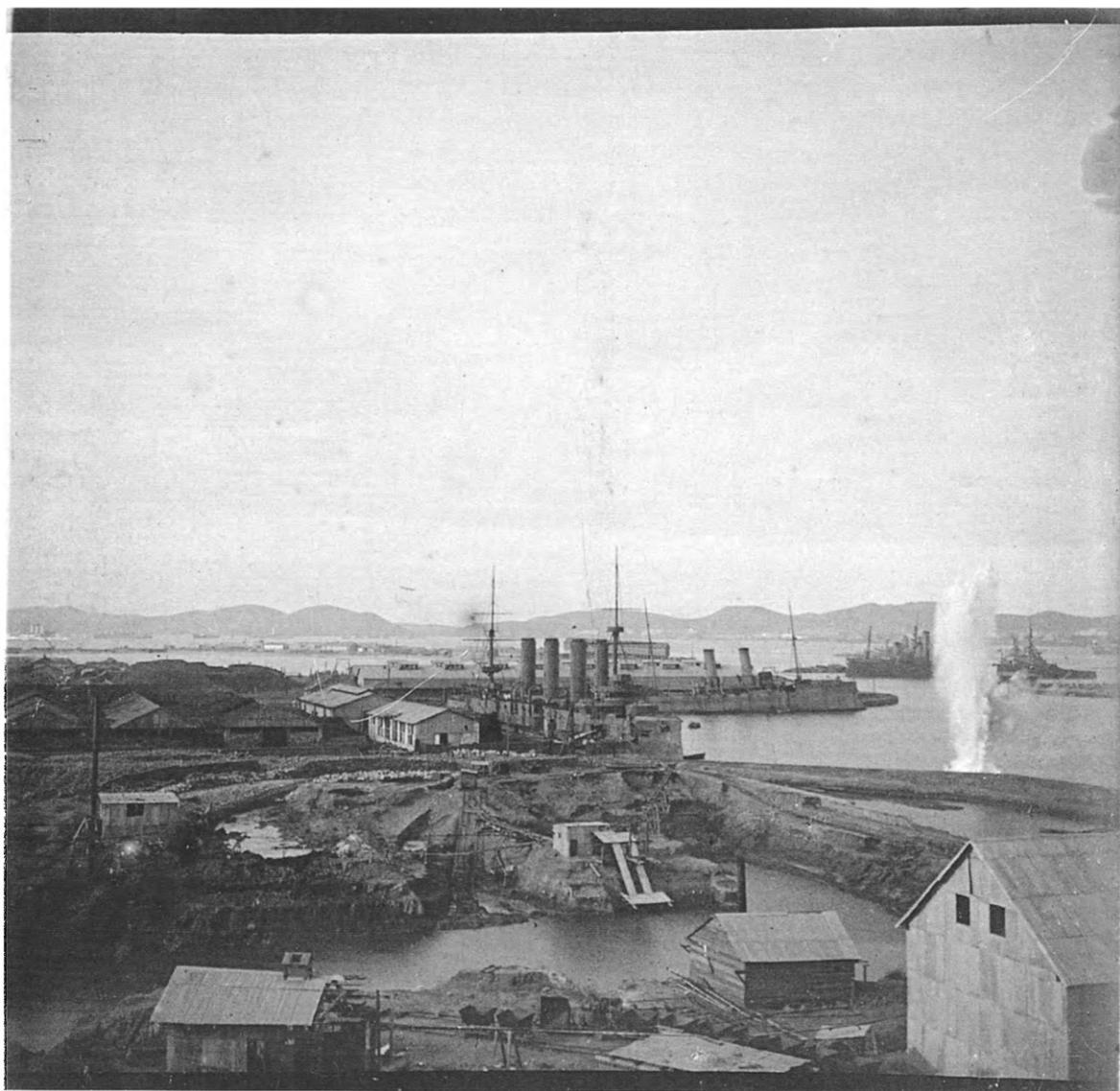
Нетрудно заметить, что отработывался вариант действий, намеченный еще в середине 90-х гг. XIX века. Помощник главного инспектора минного дела в Морском техническом комитете капитан II ранга Г. Ф. Цывинский в работе комиссии и дал весьма подробное и верное описание этого плана: «Россия под видом учебного сбора проводит десантные маневры, перевоза несколько десантных дивизий в один из своих кавказских портов. Этот отряд сопровождается Черноморской эскадрой. На транспорты нагружаются орудия и мортиры со своими платформами – «особый запас», заготовленный для сего в Одессе (около 100 орудий. – А. О.): для чего должен быть мобилизован весь Черноморский коммерческий флот – «Добровольный флот», «Русское общество Мореходства и Торговли» и друг[ие]. В назначенный момент внезапно прерываются все телеграфные провода Черноморского побережья с Европой, и вся армада выходит в море и на пути вместо Кавказа следует в Босфор. Эскадра врывается в пролив и форсирует его ночью, пройдя до Буюк-дерре, где становится на якорь»¹²¹. Вслед за боевыми судами транспорты должны были высадить десант и подготовить минно-артиллерийские позиции для обороны против действий английской Средиземноморской эскадры, подход которой ожидался через 72 часа. Вслед за боевыми судами транспорты должны были высадить десант и подготовить минно-артиллерийские позиции для обороны против действий английской Средиземноморской эскадры, подход которой ожидался через 72 часа. Цывинский по окончании совещаний в комиссии был послан под видом туриста на купальный сезон на Принцезы острова в Мраморном море. По его оценкам, 7 турецких фортов, прикрывавших вход в Босфор со стороны Черного моря, были расположены крайне неудачно и обстреливаемый участок русская эскадра могла пройти за половину часа, оказавшись в тылу турецких укреплений. «Генеральный штаб был в этом отношении прав, что форсировать Босфор не трудно, – вспоминал этот офицер, – но затем трудно его удерживать за собою от атакующего с юга флота (британского. – А. О.)»¹²².

Маневры проводились в районе Лагерной и Кинбурнской кос под Очаковым, уже в июле 1903 г. броненосцы «Чесма» и «Екатерина II» про-

На иллюстрациях I–XI представлены фотоснимки, сделанные в Порт-Артуре Сергеем Васильевичем Челноковым (1860–1924), московским предпринимателем, братом председателя Московской городской Думы М.В. Челнокова. Оригиналы: стеклянные стереопары *The Ilford Special Lantern Plates for Black Tones*. Москва, частный фотоархив. Публикуется впервые.

Вид из окна. Крейсер «Баян» ведет огонь по противнику. Порт-Артур.

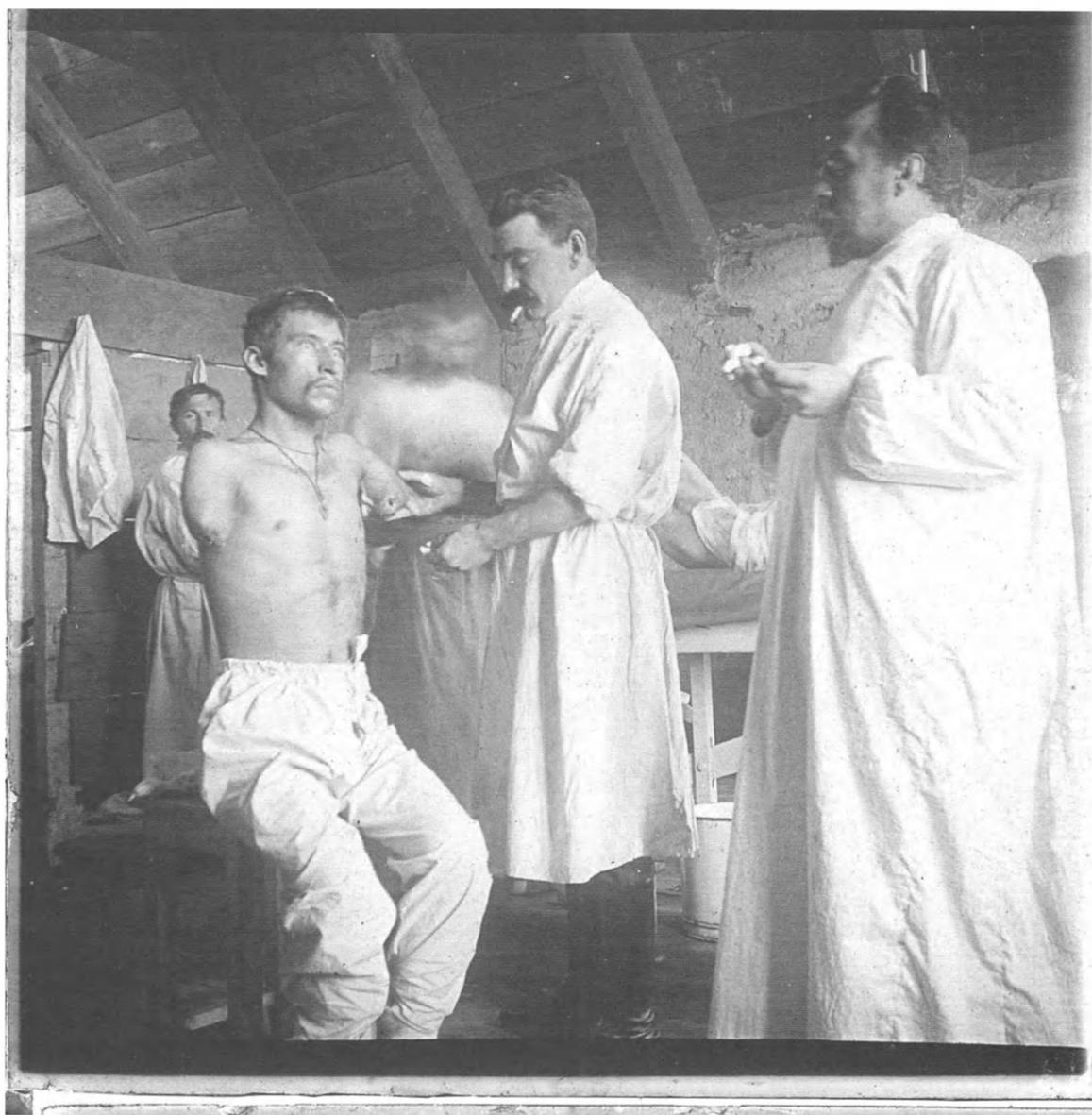
Вид из окна. Ответный выстрел.

В доке. Затонувший миноносец.

В лазарете

Русский госпиталь. Хирурги.

Китайские рабочие-кули

Эвакуация раненых

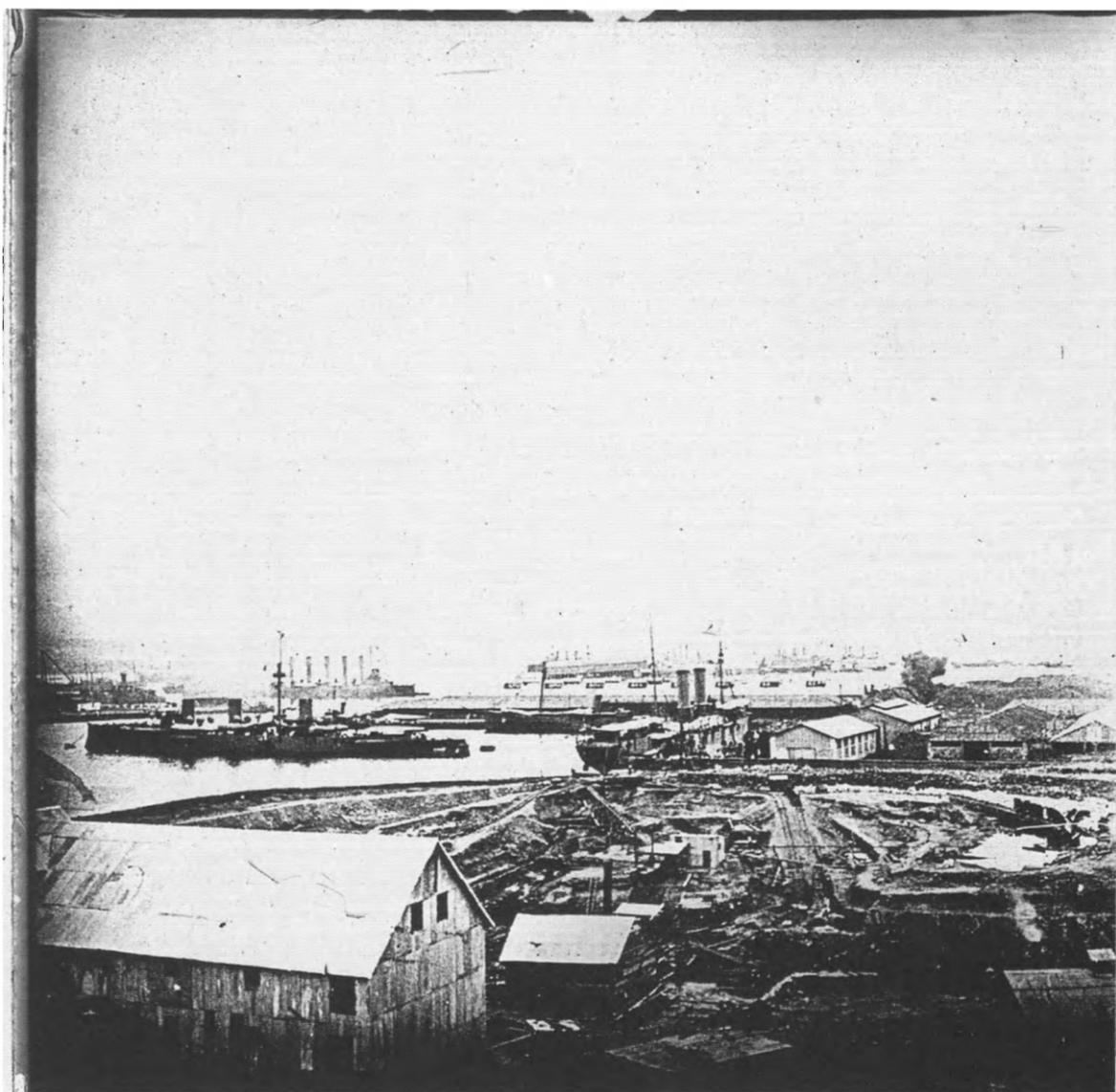
Пожар складов в Порт-Артуре

Склад боеприпасов. Снаряды из Царицына. Порт-Артур.
(На ящиках надпись: «Russian Artillery»)

Одна из высот, за которую шли бои.
В центре – станковый пулемет и одинокий часовой.

Первый снег

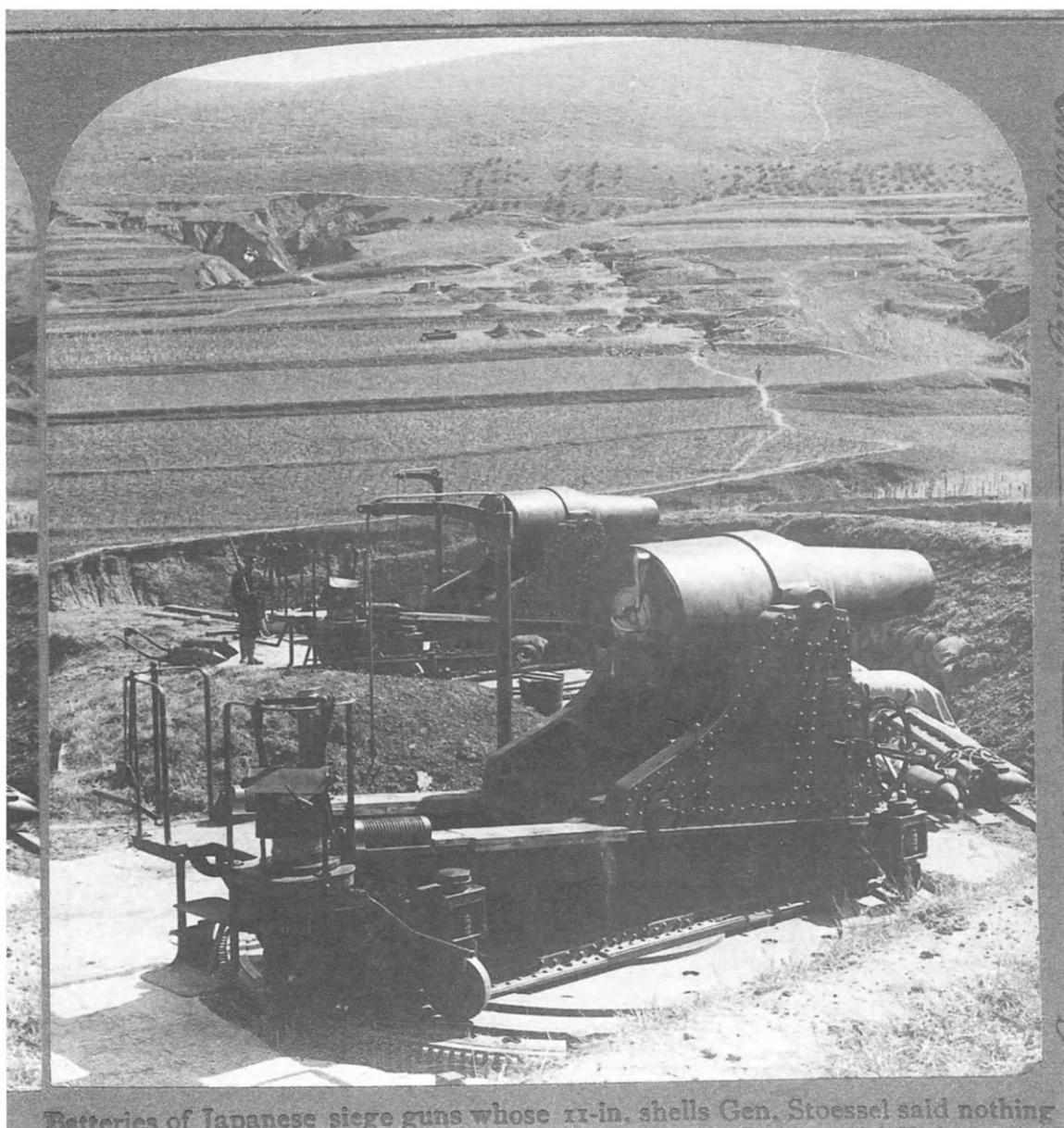
XI

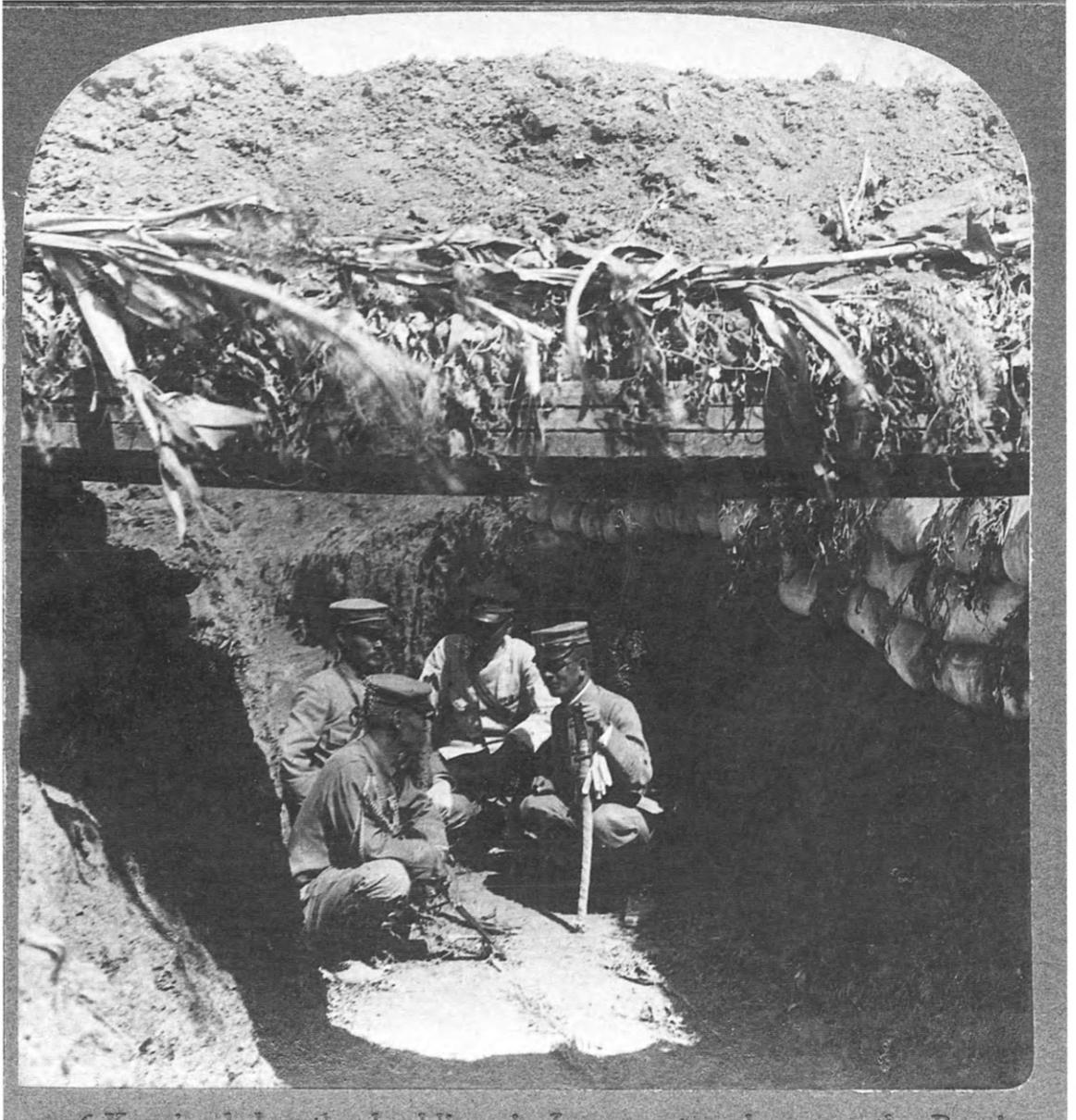
7594-A Japanese "Parallel" near the Russian forts—a victim of the desperate siege—Port Arthur. Copyright 1906 by Underwood & Underwood.

На иллюстрациях XII–XVI – кадры, сделанные с японской стороны фронта.
Оригинал: фотоотпечатки фирмы Underwood & Underwood, 1906,
бумажные стереопары, пронумеровано.

[7594] Японская осадная параллель под Порт-Артуром.
До русских позиций – около 70 метров.

[37] Позиции японской осадной артиллерии в 2,5 милях от русской оборонительной линии под Порт-Артуром. 11-дюймовые мортиры – «мальшки из Осаки», прибытие которых решило судьбу укреплений русской крепости.

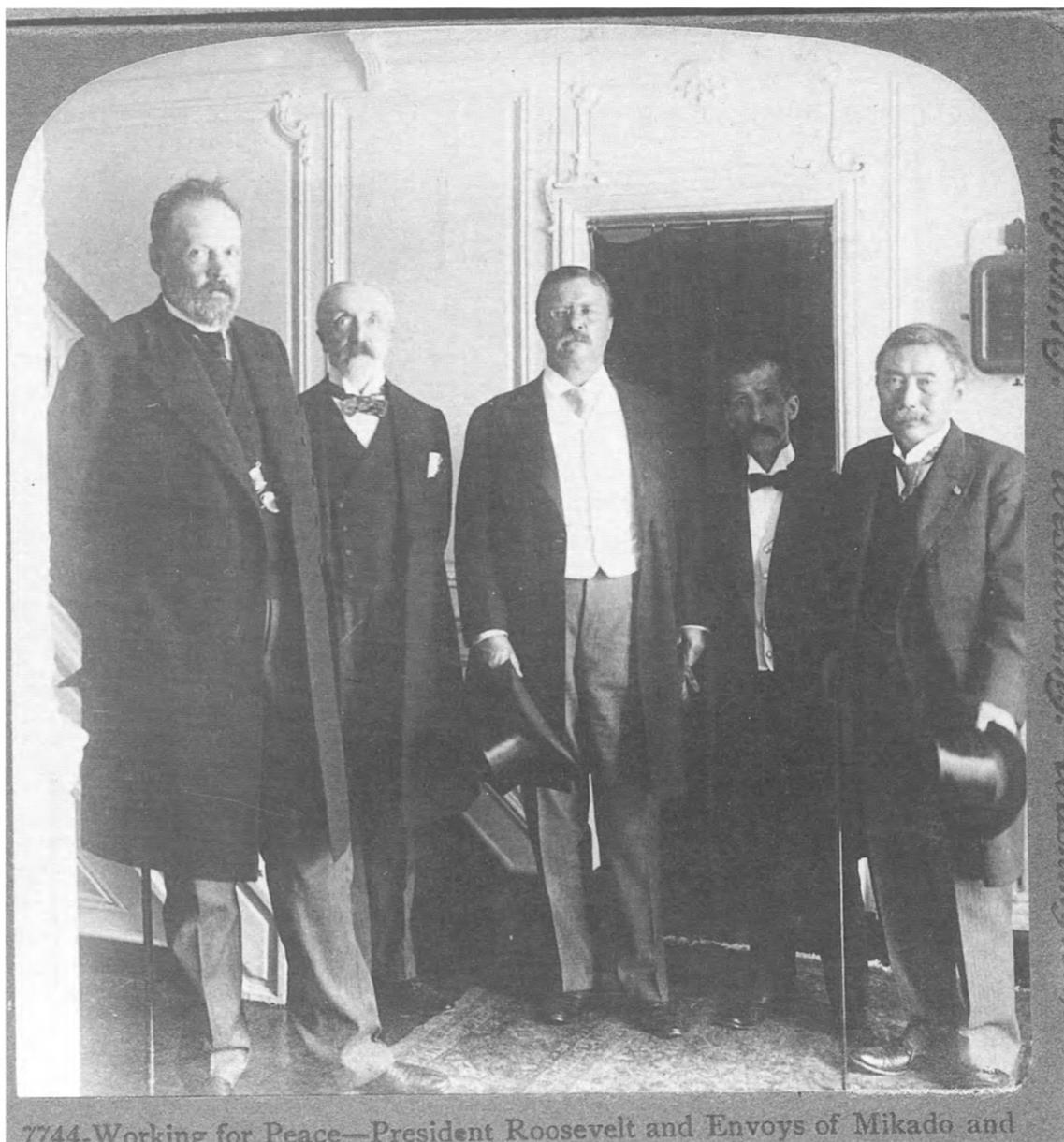

[7596] Замаскированное японское укрытие вблизи русского форта.
Порт-Артур.

7368—Ready for defense or advance—Japanese fighters at Port Arthur.

[7368] Японская пехота перед атакой. Порт-Артур.

[7744] Участники переговоров в Портсмуте на борту президентской яхты «Мэйфлауер»: глава русской делегации на переговорах С.Ю. Витте, посол России в США барон Р.Р. Розен, президент США Т. Рузвельд, посланник Японии в США К. Такахира, глава японской делегации, министр иностранных дел Японии барон Ю. Комура.

вели рекогносцировку местности для десанта – его должны были высаживать на шлюпках, транспортируемых паровыми баркасами¹²³.

Лето 1903 г. Черноморский флот провел в постоянных учениях, на которых отрабатывались различные элементы десантной операции, постановка минного заграждения, отражение торпедных атак, стрельба по береговым батареям. Кульминацией всего этого стали двусторонние маневры под Очаковом в конце августа 1903 г.¹²⁴. Их целью было:

1) дать Черноморскому флоту навыки действий в Проливах (которые имитировал Днепровский лиман) против английской Средиземноморской эскадры. Интересно, как составлялся план этих учений. Эскадренные броненосцы «Екатерина II» и «Ростислав» должны были обозначить по три броненосца типа «Викториус», а «III Святителя» и «XII Апостолов» – по два британских корабля того же класса. Примерно такой же характер исчисления применялся и к русским крейсерам, каждый из которых обозначал по три крейсера потенциального противника, а миноносец «Сметливый» – целых восемь британских истребителей.

2) дать войскам практику десантной операции, порядком подзабытую в Одесском военном округе с 1896 г., проверить на опыте организацию десанта и «Проект наставлений для десантных операций», изданный штабом этого округа на основании опыта маневров 1885 г.¹²⁵.

Маневры действительно были задуманы широко. Два эшелона десанта – Севастопольский и Одесский – должны были соединиться на Очаковском рейде. Из Севастополя десант шел на боевых кораблях, из Одессы – на транспортах, зафрахтованных штабом Одесского округа. Перевозкой десанта командовал контр-адмирал Н.И. Небогатов, который вскоре печально прославится капитуляцией в Цусимском проливе¹²⁶. Флот обстреливал учебную цель – батареи Очакова, после чего высаживал десант, ставил минное заграждение и отражал атаки вероятного британского противника¹²⁷. Одной из проблем любой масштабной операции является не только простое накапливание сил, но и умение эффективно ими воспользоваться. То, что пришлось увидеть Алексееву в Одесском Военном округе, не настраивало на положительный лад. Офицерский корпус в провинции, по его мнению, пребывал в состоянии глубокого застоя: «С немалою грустью смотрю я на широко развитую, все и всех охватившую мелкую интригу, пронизывающую общество сверху донизу. Говорю, конечно, про наше военное общество. Когда придется уйти из Петербурга, сразу очутишься в этой несимпатичной атмосфере. Мелкие стремления, к достижению которых пускается в дело все (подч. Алексеевым. – А. О.), поглощают большинство. Говоришь с одним, он дает самую темную окраску сослуживцам; только что переходишь к другому, сейчас расписывают первого собеседника, раз узнают, что ты имел случай говорить с ним»¹²⁸. Эти

настроения отнюдь не способствовали плодотворной работе командования и сотрудничеству родов оружия. Все это еще скажется в ходе русско-японской войны. Несколько раз начало маневров откладывалось, проволочки вызывали у Алексеева чувство глубокого скепсиса. С 18.00 25 августа (7 сентября) по 31 августа (13 сентября) 1903 г. войска находились на кораблях. Десантный отряд подошел к окрестностям Очакова. Во время похода стояла хорошая погода, но при высадке начался ветер. Зыбь и качка заставили прервать высадку. Настроение армейских офицеров было, в общем, скептическим. Передавая его в частном письме, Алексеев писал, что общим было желание поскорее вырваться на берег, «а не качаться на этой скорлупе»¹²⁹.

Маневры действительно прошли на редкость неудачно. Флот не смог подавить артиллерию Очаковской крепости, десант на шлюпках обнаружил перегруз и недостаточную сохранность оных – на воде они потекли. Кроме того, корабли приняли шлюпки за изображаемого противника и обстреляли их. Высадка непосредственно с кораблей была признана очень рискованной, сборка и разборка десантных орудий проводилась медленно, корабельные сходни не были рассчитаны на большую тяжесть и легко могли обломиться, флотские комендоры обнаружили полную неопытность в управлении орудиями на берегу¹³⁰. Но хуже всего была организована перевозка войск из Одессы – транспорты по настоянию штаба округа были перегружены людьми и лошадьми выше всякой меры. Произошло это потому, что сначала определили размер десанта (278 генералов и офицеров, 6 573 солдат, 488 лошадей, 32 орудия и зарядных ящика), а под эту цифру потом подгоняли нагрузку имевшихся пароходов. Санитарные условия, снабжение водой и продовольствием практически не обеспечены, большая часть солдат практически ни разу не получила питание, спать приходилось на ржавых палубах. Перегрузка и разная скорость пяти транспортов Одесского отряда привели к тому, что вместо планируемых 18–20 часов переход из Одессы к Очакову занял 36–40 часов¹³¹. 1 сентября армейские офицеры участвовали еще в качестве наблюдателей на стрельбах флота у о-ва Тендра¹³².

Провал этих маневров был очевидным – опыт десантных операций, накопленный в правление Александра III, был растрачен, о координации действий морских и армейских офицеров говорить не приходилось – и те, и другие бесконечно жаловались друг на друга и объясняли свои неудачи некомпетентностью действий партнера. Насколько серьезным было отношение командования к учениям, можно судить по тому, что в конце июля – начале августа 1903 г. среди команд судов Черноморского флота начали собирать офицеров и матросов, владеющих турецким языком. Таковых оказалось чрезвычайно мало – 36 «нижних чинов», знав-

ших турецкий или татарский и 1–2 офицера, которые знали по несколько слов. В результате командование флотом назначило переводчиков – по 2 на эскадренные броненосцы «Екатерину II» и «Ростислав», по 1 – на «III Святителя» и «XII Апостолов», транспорты «Дунай», минные крейсера «Гридень» и «Капитан Сакен», миноносцы «Стремительный», «Строгий», «Свирепый» и «Счастливый». Три переводчика не явились, и к концу августа в Сухумском округе было набрано еще 13 переводчиков из числа местных жителей, знавших турецкий и другие восточные языки. Их распределяли на суда или, зачисляя на обер-офицерское довольствие, или выплачивая жалованье – 25 рублей в месяц. Судя по просьбам добровольно изъявивших желание стать переводчиками, им объяснили цель похода флота – «турецкие воды»¹³³.

Но неудачные маневры и ухудшение ситуации на Дальнем Востоке в очередной раз изменили отношение к босфорской экспедиции. В сентябре 1903 г. (то есть сразу же после окончания учений Черноморского флота и Одесского военного округа) Куропаткин в разговоре с министром иностранных дел графом Ламздорфом признался, что «ныне не в наших интересах иметь войну с Турцией, но что мы не должны забывать Босфора. Что нам надо самим выбрать минуту, когда принять меры к овладению им»¹³⁴. Уже в планах на 1904 год для Черноморского флота десантная операция не значилась. Войска Одесского военного округа в случае обострения ситуации должны были поступить для укрепления европейской границы Империи. 1904 год был переломным для судеб операции – средства для ее осуществления начинали устаревать¹³⁵.

В конце декабря 1903 г. на совещании у императора по дальневосточному вопросу было принято также решение об уступках на Дальнем Востоке. По свидетельству Куропаткина, Николай II сказал: «Война, безусловно, невозможна. Время – лучший союзник России. Каждый год нас усиливает»¹³⁶. Очевидно, схожие выводы сделали и японцы. В конце декабря 1903 г. они приступили к высылке агентурных групп из Пекина в глубь Маньчжурии для организации диверсий на КВЖД¹³⁷. 31 декабря 1903 г. (12 января 1904 г.) японские торговцы в Порт-Артуре начали сворачивать свои дела и распродавать товары. 7(20) января 7000 солдат и офицеров 3-й бригады 1-й Восточносибирской стрелковой дивизии покинули крепость и были отправлены на Ялу. 15(28) января наместник на Дальнем Востоке получил телеграмму русского военного агента в Токио, извещавшую его о начале мобилизации японской армии. 17(30) января 1904 г. в крепости Порт-Артур получили приказ о мобилизации, в гарнизоне и эскадре ожидали войны и с особым вниманием следили за перемещением русских и японских военных судов и транспортов с войсками. 5 февраля город покинули его японские жители¹³⁸. 26 января (7 февраля) 1904 г., через день после того,

как Япония разорвала дипломатические отношения с Россией, император записывает в дневнике: «Утром у меня состоялось совещание по японскому вопросу; решено не начинать самим»¹³⁹. Масштабные планы Николая II, о которых говорил с Витте Куропаткин, завели в тупик и русскую политику, и русскую стратегию. Империя сильна своей способностью сконцентрировать все ресурсы в одном направлении. Несколько намеченных целей исключало возможность достижения даже одной. Новый 1904 г. начинался для России плохо.

Весьма символично, что орган Морского министерства – журнал «Морской сборник» – начал этот год с перевода статьи графа Э. Рефентлова «Соображения по предмету японо-русской войны», опубликованной в немецком журнале «Überall» в июле 1903 г.: «В последнее время в печати всех стран очень много было рассуждений относительно возможности военного столкновения России с Японией, – говорит автор этой статьи, – и, конечно, нельзя отрицать, что вследствие вступления русских в пределы Маньчжурии и учреждения ими там своего управления отношения между Россией и Китаем несколько усложнились. Но очень немного было людей, которые думали, что Россия будет принуждена заключать с Китаем письменные договоры относительно возвращения ему Маньчжурии. Хорошо известно также, что Японии понуждает к войне довольно влиятельная партия и что Россия криками и угрозами этой партии (очень почтенный пример для подражания) нимало не смущается»¹⁴⁰. Утром 24 января (6 февраля) корабли Страны Восходящего Солнца захватили в Корейском проливе русский пароход «Екатеринослав». В ночь с 26 на 27 января (с 8 на 9 февраля) японские миноносцы атаковали русские корабли в Порт-Артуре¹⁴¹. Подступы к нему с моря не были минированы, что сыграло самую роковую роль в судьбе крепости и флота. Продолжали сказываться проблемы с финансированием. Эшелон с минным имуществом был отправлен в Порт-Артур из Петербурга всего за несколько часов до начала этой атаки¹⁴². Война, начавшаяся без формального объявления, изменила многое и в судьбе России, и в судьбе М. В. Алексеева.

В начале войны патриотические настроения в столице были достаточно сильны, но еще сильнее было незнание реалий Дальнего Востока и уверенность в том, что эта колониальная война скоро закончится победой над «япошками»¹⁴³. «В 4 часа был выход в Собор через переполненные залы к молебну, – записал в своем дневнике 27 января (8 февраля) 1904 г. Николай II. – На возвратном пути были оглушительные крики «ура»! Вообще отовсюду трогательные проявления единодушного подъема духа и негодования против дерзости японцев»¹⁴⁴. По зимнему Петербургу прошли патриотические демонстрации, в которых приняли учас-

тие даже студенты. 30 января (12 февраля) император отмечает: «Перед завтраком большая толпа студентов подошла к Зимнему и начала петь гимн. Пошли в Белую залу и кланялись им из окна ... Затем другая толпа пришла на набережную и кричала «ура!», чтобы мы показали. Видели ее потом из окон Аничкова. Трогательные проявления народных чувств и в полном порядке!»¹⁴⁵ Однако настроения первых дней войны не были подъемом национального духа – это была неверная оценка ситуации. Общество ждало легких побед в колониальной войне и не было готово к жертвам. «Когда толпа стояла у Зимнего дворца, царь, царица и дети показались в окнах дворца. Царь послал к толпе дворцового коменданта, благодарить за теплые чувства, – отметила в своем дневнике Богданович, провидчески добавив: – Меня, скажу откровенно, это только заставило задуматься – сегодня пришли с чувствами, завтра придут с протестом»¹⁴⁶. Через год этот прогноз подтвердился.

Один из признанных знатоков русской армии того времени майор Эбергард Тетгау, прошедший с ней всю войну, отмечал: «Я питал большую симпатию к русской армии, хотя и не закрывал глаза на ее слабые стороны, мне неоднократно во время маневров представлялась возможность убедиться, что много оставляет желать руководство и боевая подготовка. Но я не сомневался, что война закончится победой России, так как я знал, что армия ее в основе хороша и в ней царит превосходный дух»¹⁴⁷. «Мало кто мог предугадать окончательное поражение русских в русско-японской войне, – отмечал Ганс Куль, служивший тогда в германском Генеральном штабе. – Скорее предполагалось обратное.

Даже самый трезвый критик и лучший знаток русской армии не мог бы предусмотреть той небоеспособности, которая обнаружилась русскими на полях Маньчжурии. Это казалось невозможным, принимая во внимание хотя бы славные традиции в этой армии, хотя, конечно, нельзя не учесть того, что японцы, наоборот, проявили непредвиденную боеспособность»¹⁴⁸. Автор брошюры «Die Waffen Hoch!», вышедшей в 1910 г., подполковник австро-венгерской армии Оскар Мусцинский фон Аренгорт писал: «Еще ни разу, с тех пор как человечество записывает хронику войн, расчеты посторонних зрителей о силах и шансах противников не были так грубо опрокинуты, как в минувшую войну. Несмотря на все похвалы, которые с 1900 г. расточались в адрес японцев, никто не хотел верить в окончательный и решительный успех, имея в виду только одни цифры вооруженных сил. Напротив, господствовало почти единодушное убеждение всех европейских держав с Россией, конечно, во главе, что маленькая Япония может достигнуть частичных успехов, но никто не верил в ее окончательную победу, благодаря неисчислимым, почти неиссякаемым боевым средствам России. Таким образом, стратеги учитывали

возможность для Японии, выражаясь их собственным языком, быть придавленной, если не уничтоженной в конце. Но, увы, не тут-то было. *Карлж Давид победил великана Голиафа* (выделено авт. – А. О.)¹⁴⁹. Исключение составлял британский военный – генерал Ян Гамильтон. Уже в письмах, отправленных в 1899 г., он высказывал смелую мысль о том, что японцам удастся справиться с русской армией¹⁵⁰.

В декабре 1903 г., за месяц до начала войны, великая княгиня Елизавета Федоровна весьма верно определила настроение московского общества в разговоре с Куропаткиным: «Войны не хотят, цели войны не понимают, одушевления не будет» (подч. Куропаткиным. – А. О.)¹⁵¹. В середине января 1904 г., буквально за несколько дней до нападения японцев на русские корабли, полковник Е. И. Мартынов опубликовал статью под красноречивым тогда еще названием «В чем сила Японии и слабость России?», в которой он сравнивал отношение к войне и армии в обеих странах. Вывод напрашивался сам собой – сравнение было не в пользу нашей страны: «Что же мы видим в России? В то время как политика самых культурных государств все более и более проникается идеей беспощадного эгоизма, а западные университеты (например – германские) являются очагами национального духа – в это время в полуобразованной России, с кафедры, в литературе и в прессе, систематически проводятся взгляды, что национализм есть понятие отжившее, что патриотизм недостойн современного «интеллигента», который должен любить все человечество, что война есть остаток варварства, армия – главный тормоз прогресса и т. п. Из университетской среды, из литературных кругов, из кабинетов редакций эти идеи, разрушительные для всякого государственного строя (безразлично, самодержавного или республиканского), распространяются в широких кругах русского общества, причем каждый тупица, присоединившись к ним, тем самым приобретает как бы патент на звание «передового интеллигента». Логическим выводом из такого мирозерцания являются полное отрицание всяких воинских доблестей и презрение к военной службе, как к глупому и вредному занятию. Дело дошло до того, что подобные взгляды проникли даже в такую тесно связанную с армией среду, как наше поместное дворянство. Недавно в одном дворянском собрании, при обсуждении вопроса об открытии кадетской школы, один дворянин заявил, что Россия не нуждается более в «пушечном мясе», а другой выразил нежелание давать деньги на «человекоубийц»¹⁵².

Н. И. Астров, в недалеком будущем – видный кадет, обучавшийся в начале 90-х гг. XIX века на юридическом факультете Московского университета, вспоминал о настроениях студенчества, весьма характерных для русских высших учебных заведений того времени: «А вопросы пацифизма? Так было ясно, что война – пережиток варварства, что войны больше

не может быть в условиях культурных завоеваний. Рассуждения гр. Комаровского, читавшего международное право, были так бесспорны, трактаты и договоры казались так всеильны ... Гуманизм и либерализм – вот что было в основе университетского преподавания того времени, что обвевало эти аудитории, что составляло дух и душу этого храма истинного просвещения»¹⁵³. И дух, и душа, воспитанные такими лекциями, проявлялись по отношению к армии довольно однозначно. А.С.Лукомский, в конце 90-х годов XIX в. слушатель Академии Генерального штаба, попав в Петербурге в общество именитого купечества, присяжных поверенных и студентов, столкнулся с похожими настроениями: «Я сразу почувствовал какую-то враждебную мне атмосферу. При разговорах с дамами, барышнями, я чувствовал как бы желание меня подразнить, а при разговорах с молодежью чувствовалось, что ко мне, как офицеру, относятся как-то свысока, снисходительно-пренебрежительно»¹⁵⁴.

Вскоре Мартынов получил возможность убедиться в правоте своих прогнозов – в начале войны он подал рапорт о переводе в Действующую армию и был назначен командиром 140 пехотного Зарайского полка. Полк за полгода до этого был передислоцирован на Дальний Восток, и его командир перед отъездом туда посетил Москву и Тульскую губернию. То, что увидел Мартынов, не радовало – народные массы, за исключением семей, затронутых мобилизацией, были индифферентны к дальневосточным событиям. Однако мобилизация проходила в порядке, волнений не было. Среди крестьян Сибири война, наоборот, была популярна – там распространился слух о том, что мобилизованным после войны в Маньчжурии будет раздаваться земля. В целом же армия, по словам Деникина, шла на войну без подъема, выполняя только свой долг. Московская образованная публика уделяла новостям с Дальнего Востока внимания меньше, чем, в свое время, англо-бурской войне. Непопулярность войны, привычка общества рассматривать внешнюю политику как исключительно государственное дело, воспитанная десятилетиями правительством, и, наконец, неприязнь к армии были, по мнению Мартынова, тому причинами¹⁵⁵. Можно добавить, что подобные настроения могли появиться только в обществе, лишенном чувства опасности – состояния, которое могло возникнуть только благодаря сильной военной машине, обеспечившей невозможность масштабного вторжения в Россию после 1812 г.

Вскоре в поражениях русской армии начали видеть некое проявление социальной справедливости, видя в войне столкновение реакционной системы (Россия) с прогрессивной (Япония), обладающей преимуществом народного представительства. «Не забуду страшного впечатления, – вспоминал Карел Крамарж, чешский либерал, отнюдь не питавший симпатий к самодержавию, – произведенного на меня чтением того, как ис-

терические революционные женщины или девушки целовали первых пленных японских офицеров, когда их привезли на Волгу. А война ведь началась без объявления, предательским ночным нападением, т.е. так, как до сих пор цивилизованный мир не привык видеть начала войны! Но великое английское изречение «*wrong or right, my country!*» («право или нет, но это мое отечество!») давно сделалось непонятным большей части русской интеллигенции»¹⁵⁶. Насколько сложным определение свой-чужой было для этой части русского общества, можно судить по следующей цитате из воспоминаний видного уже в это время либерального адвоката В.А. Маклакова: «Зато настоящий народ смотрел совершенно иначе (в отличие от интеллигенции. – А.О.). Он войны не понимал и, конечно, ее не хотел; но и нашим неудачам (т.е. русской армии и флота. – А.О.) не радовался, он не видел в них поражения только правительства. Он с нетерпением ждал наших (т.е. русской армии и флота. – А.О.) побед, и наши (т.е. либеральные. – А.О.) политические вожди опасались, что победы могут его развратить, примирить с нашей (т.е. государственной, самодержавной. – А.О.) властью. Я помню свои встречи с крестьянами и откровенные разговоры с ними, они не понимали, зачем мы (т.е. Россия. – А.О.) воюем за «арендованную землю», но зато хорошо чувствовали, что наших (т.е. русских. – А.О.) бьют, оскорбляются и огорчались нашим (т.е. русским. – А.О., везде подчеркнуто мной. – А.О.) неудачам; злорадствующих слов при них никто произнести не решился бы»¹⁵⁷.

Впрочем, поначалу русское общество видело в Японии слишком слабого противника, чтобы испытывать воодушевление по поводу неизбежной, казалось бы, победы над ним. Но шапкозакидательские настроения в январе 1904 г. разделялись и частью высшего командования. 12(25) февраля 1904 г. командующим Маньчжурской армией был назначен военный министр А.Н. Куропаткин. В высочайшем рескрипте, данном на его имя, были отмечены успехи в руководстве министерством, достигнутые с момента назначения генерала на этот пост в 1898 г., и он награждался бриллиантовыми знаками ордена Св. Александра Невского. «Труд ваш еще не закончен, – гласил рескрипт императора. – Но пробил час, когда мне суждено было призвать часть моей доблестной армии на защиту чести и достоинства России и ее державных прав на Дальнем Востоке. Зная ваши блестящие военные дарования, стратегическую подготовку и выдающуюся боевую опытность, я признал за благо верить вам ответственное командование моею армиею, действующею в Маньчжурии против японцев, освободив вас для сего от обязанностей военного министра»¹⁵⁸. Выбор Николая II казался почти безупречным – это был храбрый офицер, прославившийся во время туркестанских походов, русско-турецкой войны и ахалтекинской экспедиции, во время которой он был начальником шта-

ба у М.Д.Скобелева. Тень популярности последнего касалась и Куропаткина. Он заботился о солдате, делал это умело, заметно, что нравилось многим¹⁵⁹.

Куропаткин, как отмечал французский атташе в 1897 г., был «очень умным, очень амбициозным человеком с хорошей репутацией, мечтавшим поставить свое имя в один ряд с Суворовым и Скобелевым и готовым на все, чтобы добиться этого»¹⁶⁰. Армейские офицеры видели в нем выходца из своей среды, добившегося всего благодаря исключительно личным качествам. «В должности военного министра, – отмечал Мартынов, – Куропаткин проявил знание военного быта и заботливость об офицере и солдате, чем еще более увеличил свою популярность в армии¹⁶¹. Войска генерала любили и долго верили ему. М.В.Грулев, прошедший во главе полка всю войну, отмечал: «А генерал-адъютанта Куропаткина долго и упорно любила армия, – любила и верила не менее упорно, не переставая верить даже после Мукденской катастрофы. А когда любишь – так легко простить»¹⁶². Уже на молебне о даровании победы, проходившем в Зимнем дворце 27 января 1904 г., взоры и надежды многочисленных офицеров столичного гарнизона, собравшихся там, были обращены именно на него. Один из них вспоминал: «Его репутация стояла высоко, гораздо выше репутации военного министра – военного администратора»¹⁶³.

И не только среди русских военных. Назначение Куропаткина, последовавшее 8 (21) февраля 1904 г., застало группу немецких офицеров во главе с Теттау на пограничной станции в Вержболово по пути в Петербург, оно показалось им естественным: «Нам этот выбор полководца казался очень удачным; генерал Куропаткин считался не только в России, но и за границей одним из способнейших русских генералов»¹⁶⁴. На этом имени сходилась абсолютное большинство, как справедливо отмечал один из корпусных командиров: «Куропаткину, когда его посылали на войну, верила почти вся Россия. Все надеялись, что, командуя славными русскими войсками, он нанесет японцам поражение. Он верил в свою счастливую звезду и заявил, что мир будет заключен в Токио»¹⁶⁵. Исключением был, пожалуй, только М.И.Драгомиров. В разговоре с французским атташе полковником Муленом за несколько месяцев до своей смерти он назвал командующего Маньчжурской армией «Ташкентцем», добавив: «Ташкентец – это офицер, который, с точки зрения техники, был испорчен опытом маленьких экспедиций в Центральной Азии, где противная сторона не была представлена серьезными воинами, где тактика уступала по важности проблемам снабжения, санитарной службы и гигиене войск, которые были очень важны и трудны ... Наш Туркестан – это быстрая фабрика по подъему наверх»¹⁶⁶. Справедливости ради, необходимо отметить, что

Куропаткин был еще не самым плохим продуктом этой фабрики. Видимо, прав был А.И. Деникин, когда утверждал: «Надо признать, что в выборе Куропаткина ошибся не только государь, но и вся Россия»¹⁶⁷.

Военный министр отличился на проводившихся в 1902 г. Курских маневрах. Это были масштабные учения, где был использован целый ряд экспериментов – воздушные шары для наблюдения, полевые телефоны. Новый вид связи был использован довольно эффективно: всего было проложено 29 верст телеграфных и 20 верст телефонных линий, установлено 9 телеграфных и 11 телефонных станций. Кроме того, при штабах армий использовали несколько почтовых автомобилей. Был сделан опыт (правда, неудачный) по использованию дорожных паровозов для снабжения войск продовольствием. 6-ти и 10,5-тонные паровые машины тянули за собой по три платформы соответственно по 3 и 4 тонны каждая. Русские дороги, и особенно мосты, оказались непригодными для такой техники. Новшеством было и то, что учебные бои и передвижения войск не прекращались и ночью¹⁶⁸. Командуя Южной, «австрийской», армией, Куропаткин достиг успеха в действиях против Московской армии во главе с великим князем Сергеем Александровичем. Необходимо отметить, что существовала другая оценка этих действий. Уже во время этих учений среди узкого круга высокопоставленных военных начало формироваться весьма скептическое отношение к способностям военного министра. Офицер штаба «Южных» М.Д. Бонч-Бруевич вспоминал о том, что успехом своим эта армия во многом была обязана не Куропаткину, а начальнику его штаба генералу В.А. Сухомлинову, умело наладившему руководство войсками, в то время как командующий занимался мелочами, выезжал к войскам, проверял караулы и т.д.¹⁶⁹. Сухомлинов считал, что таким образом Куропаткин добивался популярности в войсках. Эти данные подтверждаются и Редигером, который упоминает о том, что сразу после маневров Сухомлинов «жаловался, что Куропаткин на маневрах всех засуетил и замучил»¹⁷⁰. Генерал Г.А. Леер, непревзойденный авторитет в русской военной теории, считал, что развитие европейских армий привело к необходимости перепоручения ответственности в принятии решения на младший командный состав, к отстранению высшего командования от прямого управления войсками на поле боя¹⁷¹.

Придя в Военное министерство, Куропаткин дал следующую характеристику состояния русской армии: «Достоинства ее единственные (т.е. уникальные. – А. О.), а недостатки поправимы»¹⁷². Этим принципом он и вдохновлялся до поражения в войне, после которого взялся за сочинения, обвиняя всех, кроме себя, в случившемся. Наверное, по-другому он и не мог действовать. Административным стилем Куропаткина был энергичный и мелочный контроль, не допускавший инициативы у под-

чиненных. Министр при этом, по свидетельству хорошо его знавших людей, предпочитал внешнюю, парадную сторону дела серьезной, вдумчивой работе¹⁷³. В 1903 г., после поездки во Владивосток и Порт-Артур, Куропаткин отправил генералу Драгомирову письмо, в котором сообщал, «что во время поездки во Владивосток и обратно его все время беспокоил вопрос о возможности войны на западном фронте и что он, пользуясь тем, что с ним была карта Австро-Венгрии, планы окрестностей Львова и Перемышля и описание Австро-Венгрии, составленное русским Генеральным штабом, в свободное время, в вагоне, изучал по этим данным окрестности Львова и Перемышля и составил проект, как лучше их брать, нанеся на карту параллели, которые придется заложить на месте, и выбрал места для артиллерии. Генерал Куропаткин просил генерала Драгомирова срочно поручить генерал-квартирмейстеру штаба округа проверить его соображения и, по составлении подробного взятия этих пунктов, таковой ему прислать»¹⁷⁴. Командующий Киевским военным округом весьма неодобрительно отозвался тогда о непроизводительной работе военного министра. Действительно, даже во время своего пребывания на Дальнем Востоке Куропаткин стремился выполнить работу, за которую отвечал штаб армии, в лучшем случае – округа. Получая возможность действовать самостоятельно в качестве командующего, военный министр стремился растянуть свои войска в кордонную линию и выходил из кризиса по привычке, унаследованной им от туркестанских походов, когда он командовал отрядами, численность которых не превосходила тысячи человек.

Это было тем легче сделать, что эти привычные методы были в какой-то степени традиционны и для маневров, и не только для Куропаткина. Так, например, Московская армия осуществила удачный, но абсолютно неприменимый в реальной обстановке кавалерийский рейд на продовольственные склады и полевые хлебопекарни «Южных»¹⁷⁵. В целом, несмотря на попытки инноваций, маневры проходили по какому-то совершенно устаревшему сценарию, как будто их участники играли в войны наполеоновской эпохи. Казаков разворачивали в одношереножную лаву, всадники занимались джигитовкой, пехота наступала густыми цепями под музыку и барабанный бой, батареи ставили на открытые позиции, где они стояли, «выровненные, как на картинке»¹⁷⁶. В этой красивой постановке противникам Куропаткина не везло, как отмечал один из участников этих учений: «Неудачи преследовали Северную армию, да и неудивительно, что в конечном итоге военный министр «победил» великого князя. Куропаткин сам составил план маневров, подобрал себе лучшие войска и назначил себя командовать Южной армией»¹⁷⁷. На финальном этапе двухнедельных маневров ему удалось затмить всех. Московская ар-

мия отступала на подготовленную позицию в окрестностях села Касторное – там были отрыты окопы полного профиля, замаскированы батареи. Ее атаковали силы Южной армии.

Вот как выглядела эта картина глазами начальника штаба Сергея Александровича: «Заключительный акт маневров, бой на Касторной позиции, у самого Курска, показал, что Куропаткин не обнаружил ясного представления о том, что такое атака укрепленной позиции при современных условиях ведения войны и при новом оружии, да при том – позиции, занятой целой армией. Слабо обстреляв расположения противника артиллерией, Куропаткин собрал в кучу около 20 батальонов, построенных в колонны с жидкими цепями впереди, лично выехал вперед со своею многочисленную свитой и значком и повел атаку»¹⁷⁸. Когда весь этот отряд во главе с военным министром появился на опушке леса, главный посредник вел. кн. фельдмаршал Михаил Николаевич отказался поверить собственным глазам¹⁷⁹. Последнее удивительно. Необходимо отметить, что штаб Сергея Александровича расположился на высоком холме на фронте главной позиции и тоже был хорошо виден, тем более что на холме был установлен его значок – стяг с изображением св. Георгия Победоносца. Тем не менее, пехота, которую вел Куропаткин, шла на незамеченную, хорошо замаскированную батарею, расположенную под этим холмом. Она была еще далеко, когда неожиданно для штаба Московской армии в 2,5–3 километрах в тылу появилась конница «южных», которая шла в атаку на него¹⁸⁰. Это произвело впечатление.

Военный корреспондент в штабе великого князя вспоминал: «Вместе с большинством офицеров этой армии восхищался он (т.е. В.А.Апушкин, автор. – А.О.) планами Куропаткина, энергией, с которою велся им маневр, и той верностью глаза, с которою он соображал и наносил нам удары в наиболее чувствительные места. Помню, как энергично, как быстро велась им атака в сражении под Касторной, закончившем маневр. Как быстро мы, штаб Московской армии, должны были рассыпаться с пригорка, с которого наблюдали за ходом боя и который оказался, неожиданно для нас, центром стремления атакующего»¹⁸¹. Это был далеко не безопасный прием, который, кстати, вызвал панику далеко не у всех на пресловутом «пригорке». Орудия замаскированной батареи тотчас были развернуты и открыли по кавалерии беглый огонь. В боевых условиях кавалерийская атака со столь далекой дистанции на артиллерию не обещала ничего хорошего. Но тут маневры были прекращены, и вскоре войска уже приветствовали императора, выезжавшего к ним со стороны Южной армии¹⁸².

Интересно, что в октябре 1902 г. большие маневры были проведены и в Японии, и тоже в присутствии императора. 6-я и 12-я дивизии отраба-

тывали на них высадку и отражение десанта и встречный бой. Японская армия прежде всего отрабатывала фланговые обходы и контрудары, а ее артиллерия действовала так, что трудно было бы надеяться на успех приемов в стиле атаки под Касторной. Это также не было секретом для русской армии. «Я стоял на батарее впереди д. Нанден и видел, – писал в очерке, опубликованном в «Военном сборнике», наблюдатель, – как работали артиллеристы: спокойно, не суетясь, в полной тишине, словно все, что происходило вокруг, их мало интересовало, и как будто все люди, находившиеся на батарее, не знали друг друга. При таком порядке легко управлять и батареей, и огнем»¹⁸³. Конечно, и на маневрах японской армии проявлялись свои проблемы, но ничего подобного тому, что произошло под Курском, там не было.

После атаки на Касторную победа была присуждена «южным». Генерал Л.Н. Соболев, начальник штаба Московской армии, прямо указывал, что высокая оценка действий Куропаткина рядом генералов (среди которых, кстати, был и его будущий начальник штаба генерал В.В. Сахаров, и его будущий подчиненный, командующий армией генерал А.В.Каульбарс) объяснялось исключительно его высоким служебным положением. Великий князь, прочитав панегирический отчет о результатах маневров, даже зарекся впредь принимать участие в подобного рода состязаниях с военным министром¹⁸⁴. Гораздо более удачными были действия Куропаткина по саморекламе. «Искусность» руководства армией на маневрах, безусловно, добавила Куропаткину популярности. Одной цели он все же добился – журналист из штаба Московской армии вспоминал: «А когда, по окончанию маневра, мы стали обмениваться впечатлениями, мы слушались немало рассказов о той простоте, с которой жил Куропаткин на маневрах, о том неусыпном труде, который он нес, подавая пример всему штабу»¹⁸⁵. Показательно, что один из этих людей стал потом одним из самых жестких критиков своего бывшего «кумира».

А между тем и в Маньчжурии Куропаткин действовал почти так же: всегда выезжал со своей довольно многочисленной свитой, конвоем, с Георгиевским желто-черным значком, под Ляояном лично повел в атаку свой последний резерв – полк¹⁸⁶. «За исключением казаков конвоя, – вспоминал офицер его штаба, – одетых однообразно и по форме, все остальные поражали пестротой одежды, в основе которой лежала личная импровизация. Сам командующий был неизменно одет в генеральскую серую «тужурку», подпоясанную серебряным шарфом, что представляло неожиданное сочетание домашней внеслужебной формы с парадной. В свите мелькали сюртуки, кожаные куртки разных оттенков, кителя, рубахи. Долговязый полковник Н.А.Данилов, так называемый «рыжий», занимавший в штабе самую небоговую должность начальника полевой кан-

целярии, облекался в мундир со всеми орденами. Казалось, он воображал себя одним из героев батальной картины эпохи 1812 г.»¹⁸⁷. Очевидно, именно этот стиль имел в виду весной 1905 г. М.И. Драгомиров, когда обсуждалось его назначение главнокомандующим в Маньчжурии, сказав: «Теперь главнокомандующему не нужно гарцевать на коне; не только можно, но и должно управлять войсками издали»¹⁸⁸.

Стилем полководческого руководства Военного министра был мелочный контроль, доходящий до проверки караулов – внешне это выглядело эффектно. «Увлекаясь исключительно деталями, – отмечал Мартынов, – упуская из-за них главное, Куропаткин и ближайших помощников своих старался набрать из числа людей с таким же складом ума; насколько от него зависело, он тщательно избегал совместной работы с людьми самостоятельными и широкими, склонными к смелой творческой деятельности»¹⁸⁹. Неудивительно, что Сухомлинов негативно оценивал Куропаткина и отказался принять его предложение возглавить штаб Маньчжурской армии. По мнению Сухомлинова, Куропаткин все равно не дал бы ему реализовать управление войсками во время военных действий и сделал бы все по-своему¹⁹⁰. «Сухомлинов, – вспоминал служивший под его началом с 1900 по 1907 г. А. С. Лукомский, – бесспорно, был чрезвычайно способным и даже талантливым офицером Генерального штаба»¹⁹¹. Его авторитет тогда стоял достаточно высоко – он был помощником командующего Киевского военного округа генерала М.И. Драгомирова, также, кстати, присутствовавшего на Курских маневрах и относившегося к полководческим талантам Куропаткина скептически¹⁹². Сухомлинова же высоко ценил не только военный министр. Когда в августе 1903 г. Куропаткин стал отстаивать высокие качества Сухомлинова в разговоре с императором, тот ответил ему: «Кому Вы это говорите? Я Сухомлинова знаю давно. Он мне читал лекции. Конечно, за ним останется та особая роль, которая ему предназначена на случай войны – быть начальником штаба главнокомандующего Южным фронтом»¹⁹³.

Николай II и Куропаткин доверяли Сухомлинову, но военный министр не испытывал доверия к великому князю Николаю Николаевичу-младшему и потому не торопился в Маньчжурию. Мне представляется, что одной из причин этой враждебности было честолюбие Николая Николаевича. Германский фронт, которым он должен был командовать в случае большой войны, играл в планах второстепенную роль, что отражалось и положение великого князя перед войной. Алексеев знал о причинах колебаний Куропаткина начала 1904 г. – «роль великого князя Николая Николаевича и зловерное влияние его на царя и на дела; очень нелестная характеристика его как человека и как деятеля»¹⁹⁴. 28 февраля 1904 г., то есть через неделю после своего назначения, Куропаткин, сопровожда-

емый овациями и криками «ура!», выехал из Петербурга. Столица провожала его так, как будто он уже одержал победу¹⁹⁵. 15 марта генерал прибыл в Ляоян.

«Японскую войну Куропаткин вел наподобие колониальной войны, – вспоминал Сухомлинов, – а не похода на приграничном сухопутном фронте. Народ не призывался для защиты своей Родины – предпринятый «поход в Маньчжурию» считали чисто военно-технической операцией, – не такой важности, чтоб она требовала мобилизации всей русской армии. Шапками, мол, закидаем! Ограничились собственно мобилизацией сибирских корпусов, – и затем пополняли действующую армию командированием отдельных частей из внутренних корпусов России и добровольцами»¹⁹⁶. Этому способствовало и то, что возможности японской армии в предвоенный период были недооценены, в том числе и самим Куропаткиным, посещавшим до войны Японию¹⁹⁷. В оправдание А.Н.Куропаткина необходимо отметить, что он понимал невозможность для России быть одновременно сильной и в Европе, и на Дальнем Востоке, но свой выбор в пользу западного направления он не отстаивал с необходимой энергичностью, предпочитая подстраиваться под мнение императора. Когда началась война и генерал был назначен главнокомандующим, то сначала он заявил, что обойдется силами Маньчжурской армии, но по приезду на театр военных действий изменил свою точку зрения и прежде всего настоял на переброске туда лучшей русской артиллерии, сосредоточенной на европейской границе.

В русско-японскую войну проявились практически все болезненные точки милютинской системы, с ее первенством администрирования над командованием, при которой военные администраторы привыкли недооценивать или абсолютно не считаться со сложностями штабного руководства армейской массой, системы, при которой ум, характер и душа армии не просто развивались отдельно, но еще и враждовали друг с другом. Символичным кажется мне то, что губернатором Курска в период маневров 1902 г., сделавших имя Куропаткина таким популярным, был сын Д.А.Милютин – Алексей Дмитриевич¹⁹⁸. Одной из традиционных болезней русской реформированной армии была «отрядомания», когда из спянных подразделений и частей выдирались отдельные составные, комплектующие импровизированные отряды. Солдаты, офицеры и даже генералы этих отрядов часто не имели представления о своих подчиненных, начальниках и соседях, что отнюдь не способствовало их эффективным действиям. О том, что Куропаткиным эта болезнь была доведена до невиданных ранее размеров, было сказано много уже современниками. Командир Псковского полка М.В.Грулев вспоминал, что в июле 1904 г. в штабе Куропаткина в Ляояне установилась очень оригинальная точка зрения на раздробление частей,

когда сразу же после прибытия в действующую армию его предупредили, что два батальона его полка останутся в Ляояне, а два – отправятся под Дашичао. По мнению офицеров, излагавших господствующую в этом штабе мысль, подобная практика вводила японцев в заблуждение относительно реальной численности русских частей и их дислокации¹⁹⁹.

Этой участи не избежали и крупные единицы. «Куропаткин постоянно требовал присылки ему из России всего, что в армии было лучшего, – вспоминал А.Ф.Редигер, – а получив требуемое, не умел им распорядиться. Получив из России слаженный корпус, он тотчас разрывал на части, по бригадам и даже по полкам, которые разбрасывались в разные места»²⁰⁰. Справедливость слов Редигера подтверждается многочисленными свидетельствами. Командир VI Сибирского корпуса генерал Л.Н.Соболев отмечал: «Вышло так, что за все время боевых действий, с конца сентября (1904 г. – А.О.) до начала марта (1905 г. – А.О.), я имел под своею непосредственною командою корпус в полном его составе в течение всего сорока минут»²⁰¹. Подполковник Маннергейм, приехавший в Маньчжурию в начале сентября 1904 г., после Ляояна, застал там классическую для русской армии того времени ситуацию. Это, во-первых, слабая обеспеченность продовольствием и боеприпасами, надежды командования на подход подкреплений, чем объяснялся отказ от активных действий, имевший разрушительный эффект на мораль войск. Во-вторых, это была знаменитая отрядомания: «Общей характеристикой русского ведения войны было незапланированное создание больших частей из малых. Казалось, что верховное командование стремилось ободрить себя, когда перед большой операцией они создавали новые формирования за счет старой системы. Это был, конечно, чистый самообман, так как все эти импровизированные части не были притерты друг к другу и не могли действовать координированно, и совершенно ясно, что эта система стала источником слабости. Таким образом, многие командиры, имевшие репутацию храбрых и умелых военачальников, в этих условиях ничего не смогли сделать»²⁰². В какой-то степени отрядомания была логичным продолжением частичной мобилизации, в том виде, в каком она была проведена, однако действия командования усугубляли ошибки, совершенные в период развертывания армии. Все это действовало еще более удручающе на настроения и солдат, и офицеров. Военный администратор не мог понять, что тридцать отдельных батальонов не являются корпусом, будучи формально равными ему по силам. Эти особенности усугубляли и другие, довольно традиционные недостатки военной машины, созданной Милютиным.

Следующей проблемой была переоценка возможностей резервных войск. По сути дела, русско-японская война была первым их испытанием.

Сравнение с русско-турецкой войной 1877–78 гг. абсолютно неприменимо. Во-первых, тогда между мобилизацией армии, ее сосредоточением и началом боевых действий прошла, не считая частичной мобилизации 1876 г., почти треть года. Этого времени хватило для создания боеспособных частей из мобилизованных. При учете качества последних, кстати, необходимо принимать в расчет, что в массе своей они представляли солдат, прошедших значительный срок службы под знаменами и действовавших знакомым оружием. В 1904–1905 гг. положение действующей армии было другим. Важность этого демонстрирует простой факт: процент запасных в возрасте от 35 до 40 лет в армии постоянно повышался, достигнув ко времени Мукдена 75%²⁰³. Призывной возраст в России начинался с 21 года, в то время как срок действительной службы равнялся 5 годам. Это означает, что значительная часть призванных для войны с Японией проходила службу под знаменами с винтовкой системы Бердана, так как перевооружение магазинной винтовкой системы Мосина прошло в 1893–95 гг. Ян Гамильтон, британский военный агент в армии маршала Куроки, отмечал: «Видимо, многие из пленных европейцев незнакомы с магазинным ружьем, будучи сорока лет от роду и недавно вновь призваны под знамена»²⁰⁴.

Русские артиллеристы получили новое полевое скорострельное орудие, ни в чем не уступавшее японскому, но их так и не обучили стрельбе с закрытых позиций. Между тем подобные предложения прозвучали почти за 10 лет до начала войны, но они встретили суровый отпор со стороны будущего критика Куропаткина и Сухолинова: «Полагаем, что автор рассматриваемой заметки (о перекидном огне. – *А. О.*) сделал свои выводы под влиянием практики мирного времени; но то, что гладко сходит на военном поле (т.е. на учениях. – *А. О.*), едва ли даст те же результаты на полях сражений»²⁰⁵. В результате новые методы боя начали осваивать после Тюренчена. Под руководством великого князя Сергея Михайловича в кратчайшие сроки была налажена подготовка вновь формируемых для Маньчжурской армии батарей, и в результате уже под Вафаньгоу русские батареи неприятно удивили своего противника. Под Дашичао 76 русских орудий 1-го Сибирского корпуса смогли даже подавить огонь 186 японских и не дать возможность японской пехоте атаковать русские позиции²⁰⁶. Никто не уделял должного внимания этим проблемам до войны. Но менее всего думали о боевом слаживании вновь созданных частей.

«Мобилизация, проведенная в военных округах государства, – вспоминал безусловный авторитет в этой области А.С.Лукомский, – указала, что подготовка к ней была хороша в округах Киевском и Варшавском; удовлетворительная в округах Виленском, Петербургском и Московском и

совсем неудовлетворительна в прочих военных округах»²⁰⁷. 4-й Сибирский армейский корпус начал мобилизацию в Москве в июне 1904 г. С первых же ее дней проявились многочисленные недостатки в обмундировании, обуви, конской упряжи и т.п.²⁰⁸ При мобилизации резервные бригады разворачивались в дивизии, увеличиваясь по меньшей мере в два раза. Сразу же возникала проблема оружия, а также подразделений, отсутствовавших в мирное время в бригадах. Из четырех полков 72-й пехотной дивизии, мобилизованной в Московском военном округе, один – 285-й Мценский – получил оружие (винтовки, револьверы, шашки, тесаки) с местных складов в Маньчжурии в «удовлетворительном состоянии», в то время как три остальных – 286-й Кирсановский, 287-й Тарусский, 288-й Куликовский – приняли оружие или от полков, оставшихся в России, или из Московского артиллерийского склада. Оно оказалось в «исправном состоянии». Кроме того, 10-я артиллерийская бригада, приданная дивизии, получала вооружение из Варшавского артиллерийского склада. Дивизионный обоз формировался в окружном складе в Москве²⁰⁹.

Совершенно очевидно, что даже на среднем уровне мобилизация вызвала значительные организационные сложности. Пехота и артиллерия дивизии не могли сразу же считаться слаженными и готовыми к немедленной борьбе. Однако этим проблемы не ограничивались. В 10-м Армейском корпусе, например, при мобилизации на роту в 60 срочно служащих, 30 из которых были еще молодыми, недостаточно обученными солдатами, приходилось до 150 резервистов старших возрастов²¹⁰. Боевая ценность этих частей была невелика. Командир одной из таких дивизий генерал М.С.Столица в письме, отправленном после Ляояна, отмечал: «Неправильная организация войск дала себя чувствовать: наши резервные войска оказались весьма плохи. Одною из причин отступления к Мукдену было беспорядочное отступление дивизии генерала Орлова; с такими войсками наступать невозможно»²¹¹. Для того чтобы преодолеть этот недостаток, в Петербурге приняли решение: не ослабляя западной границы и не снимая оттуда наиболее готовые к выступлению корпуса, из них брали артиллерию, офицерские, унтер-офицерские кадры, солдат-старослужащих. В результате ослаблялась готовность и первоочередных, и второочередных частей²¹².

Ценность войск из различных частей империи была неравнозначной. Резервисты, прошедшие службу под знаменами 10 и более лет раньше, по данным японской разведки, проходили обучение сроком не более 3 месяцев, иногда этого не хватало для подготовки запасных. Цитируемый выше Гамильтон отмечал: «Хагано (полковник, начальник разведотдела 1-й армии. – А.О.) энергично доказывает, что сибиряки более выносливы и имеют больше природных и военных качеств, которых совершенно не-

достаёт людям европейских батальонов. Самые лучшие войска – это войска Туркестанской армии, второе занимают сибирские и третье – войска Европейской России. Имея за собой семь лет службы в России и все данные японского разведывательного отделения, Хагано должен был знать, что говорит»²¹³. На самом деле 10-й армейский корпус, мобилизованный в мае 1904 г., имел на подготовку только 10 дней, 17-й армейский и 5-й Сибирский, мобилизованные в начале и конце июня того же года – две недели²¹⁴. По ходу войны эти сроки постепенно увеличивались. 16-й Армейский корпус начал мобилизацию 10(23) октября 1904 г., а движение на фронт – 14(27) ноября, то есть чуть более чем через месяц. Дорога 98-го пехотного полка, входившего в этот корпус, от Двинска до Мукдена заняла 52 дня²¹⁵. Столь длительное пребывание в дороге не использовалось командованием должным образом. Корпусные учения и штабные игры не проводились, большое количество вновь прибывших офицеров, от ротного до бригадного уровня, вынуждены были знакомиться с войсками по пути на фронт. Генерал Д.С.Шуваев был одним из немногих командиров дивизий, который использовал время пути до Маньчжурии для того, чтобы проводить решение тактических задач со своими бригадными командирами. Как справедливо отмечал генерал-лейтенант А.Ф.Редигер, это был «факт редкий, если не единственный в своем роде»²¹⁶. Если командование не находило, чем занять подчиненных, то ничего не делавшие люди сами находили себе занятия по пути на фронт. Игра в карты, употребление спиртных напитков – все это имело место в воинских эшелонах²¹⁷.

Иногда прибывающих запасных по прибытию в действующую армию сразу же рассылали на линию фронта, в полки. Большой пользы они не приносили, скорее наоборот. В бою под Мукденом 3-й и 4-й стрелковые полки за сутки отразили исключительно винтовочным огнем 12 японских атак, без поддержки своей артиллерии. Наступавшая японская бригада понесла огромные потери. Прибывавшие для поддержки стрелков запасные разбежались в тылу при первых взрывах шимозы. «Весьма плохая была мера укомплектовывать полк накануне боя, – вспоминал участник боя. – Успеха можно ожидать только в том случае, если люди сплочены, если их знают начальники и сами они знакомы с таковыми. С уверенностью утверждаю: лучше сплоченная рота, чем сборный батальон»²¹⁸. Но к гораздо более худшим результатам приводило использование целых полков и дивизий, целиком необстрелянных и состоявших из призванных запасных. Вступая в бой «с колес», эти части не могли проявить хороших результатов. Классическим образцом такого рода может послужить история с «орловскими рысаками» – 54-й дивизией генерал-майора Н.А. Орлова, профессора Николаевской академии, дрогнувшей в сражении под Ляояном.

Перед прибытием подкреплений шли непрерывные ливни, поля гаоляна превратились, по воспоминанию участника боев, «в какое-то сплошное болото, настолько топкое и грязное, что двигаться по нему без дорог, кроме самого медленного шага, решительно не было ни малейшей возможности»²¹⁹. В эти болота и была спешно отправлена дивизия Орлова. «Необстрелянных и немолодых резервистов этой дивизии, – вспоминал Б.В. Геруа, – прямо из поездов направили от станции Янтай для контратаки обходивших японцев в лес гаоляна; здесь наши пензенские бородачи, дети открытых полей и широкого обзора, совершенно потерялись и дрогнули при первых японских шрапнелях. Дивизия рассеялась и с трудом собралась позже к Янтаю»²²⁰. Были потеряны янтайские угольные копи и важные позиции в горном районе. Отряд понес значительные потери, сам Орлов ранен. Станцию Янтай удалось отстоять лишь благодаря усилиям 1-го Сибирского армейского корпуса генерала Штакельберга²²¹. Неподготовленной дивизии поручили весьма сложную задачу, и последствия этой ошибки переросли по важности масштабы простого поражения. «Толпы запасных постепенно разбрелись, – отмечал другой свидетель произошедшего, – и начатое сравнительно в порядке движение некоторых частей назад скоро получило характер полного развала. Японцы потеряли в схватке с отрядом генерал-майора Орлова только 181 человека; наши потери достигали 1502 человек и объясняются главным образом стрельбой по своим. Войска совершенно потеряли ориентировку и, отступая, отстреливались во все стороны ... Не так важно было исчезновение с поля сражения 12-батальонного отряда генерала Орлова, как тяжело было моральное впечатление, произведенное этим эпизодом на войска всей Маньчжурской армии»²²².

Если в начале войны в русском тылу были склонные недооценивать противника, то такие истории порождали слухи и завышенные представления о качествах японского солдата. «У японских генералов много настойчивости, – вспоминал защитник Порт-Артура, – но войска качеством нисколько не лучше наших ... те же японцы бегали не раз под Артуром, а на высокой горе, нарвавшись на хороший гарнизон, руководимый отличным начальником, прямо-таки оскандалились. По-моему, «оскандалились» потому, что, обратив гору в груды развалин, имея громадное превосходство в артиллерии и пехоте, не взять гору – стыдно, а взяв, еще отступить перед горстью бойцов – скандал! Нет! Японские войска отличные, но ничего особенного, ничего непобедимого для русских они не представляют. Им тоже не чужды ошибки и малодушие. Все зависит от того, с кем они имеют дело»²²³.

В конце войны это начал понимать и Куропаткин. После Мукдена в разговоре с корреспондентом «Русского слова» полковником в отставке

И.А.Ладыженским он признался: «Многое должно быть отнесено на счет неудачного комплектования войск, присылаемых из России благодаря не менее неудачной мобилизации их. Вместо живого, цельного организма, части по приходе их на войну долгое время представляют собой лишь плохой механизм, слаженный на скорую руку. Вследствие этого части нашей армии далеко не однородны, а общая гармония действий недостижима»²²⁴. Для того чтобы дух и боевая ценность этих войск изменились к лучшему, нужно было время. После Ляояна Куропаткин отправил генерала Столицу наводить порядок в 54-й пехотной дивизии. Тот поначалу ужаснулся. В конце августа 1904 задача показалась ему почти неразрешимой: «Я думаю, что подчиненные говорят: вот собаку прислали! Но могу уверить, что не быть собакой прямо невозможно: офицеры ничего не знают и знать не хотят; нижние чины почти все запасные и притом старших сроков службы; одним словом, это не русские войска ... Понемногу начинаю приводить в христианскую веру, но очень трудно»²²⁵. Но чуть более чем через месяц слаженная, хорошо подготовленная и привыкшая к необычным для себя условиям борьбы дивизия оказалась способной наступать, не считаясь с потерями²²⁶. Это были те самые резервные войска, с которыми «наступать невозможно». Более 54-я пехотная командование не подводила. Итак, для того, чтобы резервисты стали настоящими частями, на них нужно было потратить время и силы. Но проблемы армии не ограничивались неоднородностью ее составных...

Неоднородным был и высший командный состав. Во всяком случае, по образовательному цензу. Из трех верховных главнокомандующих высшее военное образование имел лишь Куропаткин. Генерал от инфантерии, генерал-адъютант Н.П.Линевич окончил Черниговскую гимназию, а военное образование получил уже на службе. Адмирал генерал-адъютант Е.И.Алексеев высшего военного образования не имел. Из командующих армиями Академию Генерального штаба закончили генералы от кавалерии барон А.В.Каульбарс и барон А.А.Бильдерлинг. Генерал от инфантерии М.И. Батьянов имел среднее военное образование, он окончил в 1852 г. Морской кадетский корпус. Генерал от инфантерии О.-Ф. К. фон Гриппенберг в 1854 г. в 16-летнем возрасте вступил юнкером в ряды армии, действовавшей в Крыму, и военного образования не имел.

Более полную картину может дать опубликованная информация о 101 генерале, принимавшем участие в войне на Маньчжурском театре военных действий. 45 из них окончили Николаевскую академию Генерального штаба (включая 6 генералов, не внесенных в список – фон Флуга, Эверта, Рузского, Эйхгольца, Орлова и Засулича); 3 – Николаевскую Инженерную академию, 1 – Военно-Юридическую академию. 49 генера-

лов имели среднее военное образование, 1 – гимназию и 1 имел высшее гражданское образование (по остальным информации нет)²²⁷.

В ослаблении боевого духа армии особую роль играл тыл. В русском образованном обществе начала XX века антивоенные настроения приобретали весьма оригинальный характер. Полковник Б.Н.Сергеевский, окончивший в 1901 г. в Санкт-Петербурге гимназию с золотой медалью, вспоминал, как отреагировали старшие на его желание поступить в военное училище: «Все преподаватели меня отговаривали; дважды вызывался я на квартиру директора для убеждения отказаться от моего «некультурного» желания. «Это позор для гимназии,» – говорил мне директор. «Ведь кто идет в офицеры? Только идиоты и неудачники,» – говорили другие. Воинская повинность рассматривалась как что-то дикое, неприемлемое для культурного человека. Это была не почетная обязанность, а тяжелая кара, почти каторга. Так думали либералы, так часто думал простолюдин, и, что всего удивительнее, – соответственно поступало и правительство. Студентов за участие в беспорядках сдавали в солдаты. Учителей всех категорий освобождали от отбывания воинской повинности. Офицеры были обречены на полунищенское существование»²²⁸. Роль тыла в событиях 1904–1905 годов была мастерски, со знанием дела, описана А.И.Гучковым в его речи в Государственной Думе в мае 1908 г.: «Но если правительство, хотя в конце несчастной войны, поняло свою ошибку и в пределах своих сил и разумения ее исправляло, то второй виновник наших неудач – наше общество – так до конца и остался в этом своем ослеплении. Общество оказалось в этом отношении несколько не выше и не прозорливее правительства. Оба друг друга стоили. Непопулярность самого повода к войне заставила общество наше закрыть глаза на то, какая жизненная ставка разыгрывалась там вдалеке. И все то, что лилось отсюда в армию, наша пресса, письма родных и знакомых, приезжие люди, все это отнимало последнюю бодрость, остаток энергии, остаток веры в себя и в успех. Наше общество действовало во все время войны деморализующим образом на нашу армию»²²⁹.

Прочитавший в июле 1904 г. перед Ляоянским сражением в номере «Таймс» длинное пацифистское письмо Л.Н.Толстого Ян Гамильтон отметил в своем дневнике: «Я вижу, что он считает возможным умиротворить, или устыдить, или утомить агрессивные народы, постоянно подставляя им другую щеку для удара. Я сомневаюсь, оценил ли вполне великий писатель ту ненасытную жажду бить по щекам, которая как ржа впиалась в плоть и кровь некоторых частей рода человеческого. Если бы русский обладал тем смиренным бесстрастным характером, которым Толстой желает его видеть наделенным, то русская империя очень скоро бы раздробилась и была бы поделена более воинственными расами»²³⁰.

После Мукденского сражения, уже на сыпингайских позициях, М.В.Алексеев невольно ответил на этот вопрос Гамильтона: «Состарился, измельчал русский народ; нужно готовиться ему к тому, что соседи начнут разбирать по частям его достояние, собранное предками»²³¹. Но британский генерал при штабе Куроки точно заметил и признаки болезни государственного старения – противоречие между реалиями и умозрительными представлениями о ней при первенстве вторых над первыми.

Для излечения русского общества, по мнению Е.И.Мартынова, нужен был новый 1812 год, чтобы «наши космополиты на собственных боках испытали практическую приложимость проповедуемых ими утопий»²³². Отрицание необходимости военной мощи государства формировалось в русском обществе благодаря отсутствию чувства опасности. Далекая, во всяком случае для Европейской России, война не воспринималась как угроза. Это бросалось в глаза и иностранным наблюдателям в русской армии – Э. Теттау сравнивал высоко патриотичный настрой японского общества с тем, что он наблюдал на русской стороне фронта: «Не то было на стороне русских: война не пользовалась симпатией, в самых высоких кругах к ней относились по меньшей степени равнодушно, если не с большой антипатией. А в народе ее совершенно не постигали. Солдаты, в особенности принадлежавшие к частям войск, расквартированным в Европейской России, – зачастую не знали, за что они воюют: в каждом письме близкие спрашивали, скоро ли они возвратятся, чего им нужно в Маньчжурии? Нельзя поэтому и винить русские войска, что у них энергия оказалась парализованной»²³³.

В верхах русской армии явно не хватало храбрых и умелых военачальников. Один недостаток военной структуры накладывался на другой. А.Ф.Редигер отмечал: «Во все царствование императора Александра III военным министром был Ванновский, и во все это время в военном ведомстве царил страшный застой. Чья это была вина, самого ли государя или Ванновского, я не знаю, но последствия этого застоя были ужасны. Людей неспособных и дряхлых не увольняли, назначения шли по старшинству, способные люди не выдвигались, а двигались по линии, утрачивали интерес к службе, инициативу и энергию, а когда они добирались до высших должностей, они уже мало отличались от окружающей массы посредственностей. Этой нелепой системой объясняется и ужасный состав начальствующих лиц, как к концу царствования императора Александра III, так и впоследствии, во время Японской войны!»²³⁴ Это определение абсолютно верно, но оно традиционно воспринимается как оценка всей деятельности Военного министерства при Ванновском и Обручеве. Вне внимания при этом остается колоссальная работа, которая не велась ранее – окружные маневры, сборы резервистов (их начали впервые проводить

в 1887 г.) и ратников государственного ополчения (впервые проведены в 1890 г.), которыми были охвачены свыше 1 600 000 чел. Конечно, их продолжительность – 2 недели в год – была недостаточной, но раньше с запасом армии вообще не велось никакой работы²³⁵. Редигер верно описал последствия подчиненности администрации военно-ученой и штабной работы, приводившей к застою. В результате командование не могло распорядиться даже тем, что имело в распоряжении. Но была еще одна особенность стиля Куропаткина, весьма типичная для милютинской системы – это создание импровизированных сборных штабов с несработанным личным составом. Своего штаба Куропаткин, считавший возможным лично руководить всем, не ценил и не уважал – ему платили взаимностью²³⁶. Единство доктрины, единство метода действий в этом случае было недостижимо. Был ли это личный стиль? Я попытаюсь доказать ниже, что эта была система.

Численность штаба армии по «Положению о полевом управлении войск в военное время» от 1890 г. определялась в 15 офицеров собственно штаба, 4 офицера для поручений и 9 для донесений, всего 28 человек. Для сравнения, германский армейский штаб в войну 1870–71 гг. составлял 25 офицеров, а штаб Большой армии Наполеона в 1812 г. – 127 офицеров²³⁷. Увеличение численности армии, ее огневой мощи, усложнение снабжения и руководства армейской массой уже накануне войны заставляло задуматься о том, будет ли достаточен такой штаб для эффективного управления современной армией. «Во всяком случае, – писал в 1899 г. сослуживец М.В. Алексева по Казанскому полку и будущий его сотрудник в Ставке В.Е. Борисов, – главная задача перемен в «Положении» должна состоять в переработке штата Штаба главнокомандующего армией (ст. 37), чтобы в горячее время мобилизации не заставить главнокомандующего тратить время на формирование штаба, соответствующего по деятельности Наполеоновскому управлению войсками»²³⁸. Недостаточность этих штатов быстро оказалась очевидной, но главное было даже не в этом. Во-первых, с самого начала Штаб главнокомандующего был обречен на импровизацию во время мобилизации и сосредоточения армии, а во-вторых, даже и то, что имелось, нужно было эффективно использовать, или, как минимум, использовать по назначению.

«Штаб генерал-адъютанта Куропаткина в войне 1904–1905 гг., – вспоминал М.Д. Бонч-Бруевич, – был подобран им в Петербурге, как говорится, – с бору да с сосенки, по признакам протекционизма; если бы был назначен генерал-адъютант Драгомиров, – он прибыл бы на театр военных действий со штабом Киевского военного округа, им же самим выработанным – и в оперативном, и в административном отношении»²³⁹. Генерал Владимир В. Сахаров – командир 1-го Сибирского корпуса и родной брат

Виктора Сахарова, ставшего преемником Куропаткина на посту военного министра, был выбран начальником штаба Маньчжурской армии. Он принимал участие в подавлении «боксерского» восстания (командовал войсками в Северной Маньчжурии), но знал регион гораздо хуже начальника штаба генерала Н.П. Линевича – генерал-майора И.В. Холщевникова (до войны он возглавлял штаб Приамурского военного округа), который оказался ненужным для штаба армии – его сделали военным губернатором Забайкалья. На своей должности Сахаров, по свидетельству Алексева, был «безличен, незаметен, влияния не имел»²⁴⁰.

Генерал-квартирмейстером стал начальник военных сообщений Виленского военного округа генерал-майор В.И. Харкевич, известный своими исследованиями о войне 1812 г. Харкевич был поклонником М.Б. Баркляя де Толли. Дежурным генералом, ведающим личным составом армии, был назначен генерал-квартирмейстер Киевского военного округа генерал-майор А.А. Благовещенский, специалист по военным перевозкам, слабо разбиравшийся в других вопросах. Узкий формалист, он не пользовался уважением сослуживцев²⁴¹. Начальником канцелярии стал профессор Николаевской академии полковник Н.А. Данилов. В штабе Маньчжурской армии не было ни одного старшего офицера, хорошо знакомого с театром будущих военных действий, как, впрочем, и друг с другом. «Стратег не может обойтись без помощников (офицеров Генерального штаба); он должен предоставить им все подготовительные работы, – писал за десятилетие до войны один из немецких военных, – ... Стратегия более чем когда-либо стала наукой, но и более чем когда-либо она подвержена опасности породить бюрократическое чудовище с обширным, сплоченным в одно целое механизмом, воспитать и образовать начальников канцелярий вместо офицеров генерального штаба (разрядка автора. – А.О.)»²⁴². У Куропаткина не было таких помощников, в сущности, они ему были не нужны.

При таком подходе к делу штаб Маньчжурской армии действовал в режиме службы по поручениям, канцелярии. Как отмечал в своем исследовании русской армии преподаватель германской Военной академии: «Штабы не находились на надлежащей высоте, так как занимались мелочами, а не настоящей работой»²⁴³. Собственно штабная работа не велась, что обрекало сотрудников «мозга армии», по словам очевидца, на «узаконенное безделье»: «Как и подобает важному управлению, оно было разукрашено соответствующими штатами, и в результате – томились бездельем около десятка генералов и штаб-офицеров Генерального штаба; от нечего делать изощрялись, например, такими канцелярскими затеями: для докладов главнокомандующему устанавливаются по внешнему виду двоякого рода форматы – большой и малый, а в отношении распространенности изложения тоже две порции – большой доклад и малый доклад;

затем эти форматы с порциями комбинируются следующим образом: «напишите большой доклад на большом формате, – малый доклад на большом формате, – малый доклад на малом формате и большой доклад на малом формате» (везде подч. авт. – А. О.)»²⁴⁴.

В своих письмах с театра военных действий, которые весьма близки к детальному дневниковому описанию, Алексеев постоянно отмечал отсутствие у этого штаба какой-нибудь общей идеи и последовательности в распоряжениях: «Это указывает только на тот печальный для нас факт, что у наших господ, с позволения сказать, руководителей, нет общих идей, которыми управлялись бы их действия. Есть какие-то вспышки, обрывки мыслей. Отсюда – неудачи тяжкие, трепка войск и полное отсутствие у них веры в то, что говорит главнокомандующий и командующие. Это отражается на всем»²⁴⁵. Чем это кончалось, можно судить по словам генерала Столицы, написанным примерно в то же время: «И странное дело – во всех незначительных стычках мы всегда имеем успех, чего нельзя сказать относительно крупных операций»²⁴⁶. И то, и другое свидетельство относятся ко времени так называемого «Сыпингайского сидения», и они, на мой взгляд, довольно точно описывают результаты работы импровизированного штаба Куропаткина, который, впрочем, не сразу потерял доверие своих подчиненных.

Начальник этого штаба считал, что, как такового, плана у главнокомандующего в начале войны не было. Для победы над японцами он считал необходимым собрать армию величиной приблизительно в шесть корпусов. Отсюда и вытекал общий замысел Куропаткина, идея кампании, которую он излагал Николаю II. По свидетельству Вл. И. Гурко, которым он явно обязан своему брату – генералу В. И. Гурко, главнокомандующий предлагал постепенное отступление без стычек вглубь Маньчжурии, потом, после накопления сил, переход в контрнаступление, которое должно было завершиться высадкой десанта в Японии и даже пленением японского императора²⁴⁷. На самом деле в общих чертах русский план действий сложился примерно за десятилетие, предшествующее войне. Его основы были заложены еще в 1895 г., во время ультиматума о пересмотре условий Симоносекского мира. Японцы находились тогда на юге Маньчжурии, лишенной современных путей сообщения. Русскую армию в случае начала военных действий предполагалось собрать на севере, в районе Гирина. В случае, если бы противник углубился на север, он сразу же потерял бы преимущество в численности и снабжении. Вслед за успехом железнодорожного строительства эти планы изменялись несколько раз. Сначала планировалось сосредоточить в Маньчжурии 6 резервных корпусов, так как ожидалось, что Япония сможет выступить только в случае войны России с Германией и Австро-Венгрией. Вслед за «боксерским»

восстанием и успехами японской программы модернизации и увеличения армии, два резервных корпуса было решено заменить на два армейских – 10-й и 17-й. Во время войны количество резервных корпусов сократилось еще на два. Их перевозка и сосредоточение требовали времени. В первый период войны русская армия уступала японцам в живой силе – она имела от Владивостока до Порт-Артура до 133 тыс. человек. За вычетом гарнизонов этих двух крепостей, полевая армия составляла всего 73 тыс. человек, рассредоточенных по побережью от Инкоу до Ялу, под Ляояном находилось только 30 тыс. человек. Это предполагало возвращение к привычной логике действий – отступлению вглубь страны для того, чтобы выиграть время. Во второй период войны, по русским расчетам, должен был наступить перелом. Эти расчеты исходили из недооценки японских мобилизационных возможностей. Японцы же недооценили возможности Транссиба. И тех, и других ожидали неприятные сюрпризы²⁴⁸.

Неудивительно, что у Куропаткина не было плана операций, но был контур развития ситуации, общий план действий, который, по его мнению должно было быть «весьма простым»:

- Борьба флота за господство на море;
- Воспрепятствование высадке японцев;
- Оборонительные действия, широкое развитие действий Малой войны до сосредоточения достаточных сил;
- Переход в наступление, а именно:
  - Вытеснение (это слово было заменено потом на «уничтожение») японцев из Маньчжурии, затем
  - Вытеснение японцев из Кореи.
  - Высадка наших войск в Японии. Подавление японских территориальных войск. Овладение главными городами Японии и взятие в плен Микадо²⁴⁹.

О том, как Куропаткин представлял свой проект действий, вспоминал В.А.Сухомлинов. По его мнению, после окончания сосредоточения план отличался логичностью и большой продуманностью деталей: «Последовательно, шаг за шагом, он двигался вперед, переносил операции на Японские острова и кончал лаконичной эффектной фразой: «Пленение Микадо!»²⁵⁰ Один из русских критиков Куропаткина сравнил его с Суворовым, который перед началом Итальянского похода отверг план австрийского Гофкригсрата со словами: «Я начинаю действия переходом через Адду и закончу поход там, где это угодно будет Богу». Он отмечал следующее: «Главная разница между операционными планами Куропаткина и Суворова заключается в том, что Суворов отлично знал, где и как

он начнет действия, но не знал, где он их кончит. Куропаткин же отлично знал, как он закончит войну, но не знал, как ее начать»²⁵¹.

Внешне все было логично. Главной проблемой была транспортировка войск и продовольствия. В русской армии перед войной было 20 армейских корпусов и два кавалерийских²⁵². Расстояние от Сызрани, где начиналась Сибирская железная дорога, до Ляояна равнялось 6968 верстам. Экспресс от Москвы до Владивостока шел тогда 14 дней. Для перевозки армейского корпуса требовалось 96 составов, армейский состав от Москвы до Харбина добирался 30 дней, в теории для переброски корпуса по однопутной железной дороге требовалось 45 дней, на практике выходило от 50 до 60 и даже 69 дней. Эшелоны снабжения находились в пути еще дольше – до 2–2,5 месяцев. Длительные переезды не действовали положительным образом на мораль и подготовку войск. При этом в начале войны по Транссибу ежедневно на восток можно было отправлять всего лишь 4 воинских поезда, включая перевозку военных грузов (в конце войны это число увеличилось в 4–5 раз).

Свои проблемы оставались и на КВЖД – в мае 1904 г. ее пропускная способность равнялась только 9 парам поездов, из которых на воинские эшелоны приходилось 5 пар. К 1(14) июля она была доведена до максимума, составив соответственно 8 и 12 пар поездов. Кругобайкальская железная дорога еще не была готова. Крупные ледокольные пароходы «Байкал» и «Ангара» делали по 2,5 рейса за сутки, перевоза по 28 груженных вагонов и 2300 человек за рейс. Навигация по озеру была возможной 7 месяцев в году, с середины апреля до середины, в лучшем случае конца декабря. При нормальной погоде переход занимал 7 часов, но осенью, при сильных ветрах, навигация могла быть невозможной в течение 3–4 дней. Сильнейшие морозы января-февраля 1904 г. привели к тому, что даже ледоколы вмерзли в лед. Перевозка эшелонов специально оборудованными пароходами исключалась, проводить поезда по временной ветке, положенной в феврале 1904 г. прямо на лед, также было невозможно – проваливались паровозы. Для облегчения тяжести с них снимались паровые котлы, и в таком виде локомотивы переводились по льду Байкала. В нем несколько раз образовывались трещины и полыньи – временную ветку пришлось переносить. В результате прибывавшие эшелонами войска выгружались и следовали частично пешим порядком, частично в теплушках на конной тяге, следовавших одна за другой на расстоянии нескольких десятков метров. Часть людей и грузов перевозилась санями. Для питания и согрева войск прямо на льду озера была организована станция Середина – огромный теплый барак с бесплатным кипятком и закусками. Тем не менее до 1(14) марта 1904 с западного на восточный берег озера было переведено 1300 вагонов.

С мая по специально прорубленному во льду каналу стал ходить «Байкал», после ледохода к нему присоединились практически все пароходы на озере. В августе 1904 г. был сдан значительный участок Кругобайкальской дороги – разрыв между ее конечными точками сократился до 80 верст, что давало возможность переводить части этапным путем. Однако дорога была закончена лишь поздней осенью 1904 г.²⁵³. Безопасность движения в этих условиях не была полностью обеспечена. М.В. Алексеев, добравшийся из Тулы до Харбина в конце 1904 г. специальным поездом, упоминает о двух авариях, одна из которых была, по видимости, серьезной – она задержала движение на 6–7 часов²⁵⁴. Так как Генеральный штаб недооценил возможности Сибири и Маньчжурии в качестве продовольственной базы, основное количество продовольствия и фуража ввозилось из европейской России. Эта задача потребовала около 12 тысяч вагонов, которые были задействованы на линии от Волги до Харбина²⁵⁵, что весьма осложняло перевозку войск и было еще одной причиной того, что русский главнокомандующий постоянно требовал терпения от тыла и подчиненных ему войск.

К концу 1904 г. военные поражения и все более нарастающая критика общественности привели к тому, что война стала непопулярной и среди офицерского корпуса, некоторые его представители даже старались избежать мобилизации и отправки на Дальний Восток²⁵⁶. К чести офицеров русской армии, эти случаи не были часты. В Академии Генерального штаба около сотни слушателей сразу же подали прошение о переводе на театр военных действий. Четыре профессора Академии и два штаб-офицера постоянного ее состава были отправлены в Маньчжурию, двое из них так и не вернулись оттуда. Одним из четырех профессоров был М.В. Алексеев²⁵⁷. Возглавляя в 1904 г. Оперативное отделение, он не разделял ни шапкозакидательские настроения в начале войны, ни упадочнические в ее разгаре. Им был подан доклад на имя военного министра и на высочайшее имя, в котором Алексеев предостерегал против недооценок противника и довольно точно предсказал развитие событий на Маньчжурском фронте. Доклад остался без последствий. Алексеев рвался в действующую армию, однако его не хотели отпускать из штаба, так он вел большую организационную работу, связанную с частичной мобилизацией. 10(23) и 13(26) октября 1904 г. последовали распоряжения Николая II о назначении генерала Куропаткина главнокомандующим, Маньчжурская армия разворачивалась в три, командование которым было поручено генералам Н.П. Линевицу (1-я армия), О.К. Гриппенбергу (2-я армия), А.В. Каульбарсу (3-я армия). Это были командующие Приамурским, Виленским и Одесским военными округами. Линевиц выехал из Хабаровска в армию в конце октября²⁵⁸. Остальные задержались – шел процесс формирования штабов.

Он также носил импровизационный характер, и результат этого не замедлил сказаться «на сопках Маньчжурии». 11(24) октября полковник Ф.П. Рерберг, назначенный начальником полевой канцелярии 2-й Маньчжурской армии, прибыл в Вильно. Он застал там работы по созданию штаба армии, который не существовал даже на бумаге. Необходимо было создать следующие управления: генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, инспектора артиллерии, инженеров, начальника военных сообщений армии, полевого интенданта, начальника санитарной части, полевого хирурга, инспектора госпиталей, этапов армии, военно-дорожное, почт и телеграфов и т.д. Кадров для них не было, в мобилизационных планах ничего подобного 2-й Маньчжурской армии не существовало. «Нормально полевые управления должны были формироваться из тех же управлений военных округов, – вспоминал Рерберг, – для чего в каждом окружном штабе имелся разработанный мобилизационный план не только полевых управлений данной армии, но даже тыла армии, каковой план каждые два года представлялся военному министру в форме огромнейших и подробнейших, так называемых «отчетных работ», представлявших собой работу целого штаба округа в течение чуть ли не целого года. Из этого видно, насколько был сложен план мобилизации полевых управлений. И вот для 2-й Маньчжурской армии никогда никакого мобилизационного плана составлено не было, и Гриппенбергу и Рузскому приходилось «поднять» эти учреждения, не имея в своем распоряжении ни единой строчки заранее подготовленных планов. Работа была почти сверхчеловеческая! Тем более, что жизнедеятельность штаба Виленского военного округа нужно было не нарушать. Ни на одну должность, конечно, не имелось заблаговременно предназначенного кандидата, ибо не было мобилизационного плана. Кандидатов приходилось «изобретать» по книжкам Генерального штаба, спискам генералов и полковников. При нахождении желательного кандидата ему посылалась телеграмма – чуть ли не на другой конец России (Тифлис, Кишинев, Самара и т.п.), и получали ответы, что такой-то уже получил назначение туда-то, или: такой-то болен, или: такой-то мобилизует полк и т.д., а время шло, и приходилось отыскивать новых кандидатов»²⁵⁹.

15(28) октября 1904 г. Алексеев выехал из Петербурга в Москву. Он был исполнен самых лучших надежд, в письме к семье через день после отъезда он писал: «Да будет над вами благословение и милость Господня, и да даст Он нам пережить хорошие минуты свидания тогда, когда наше русское дело получит решение, отвечающее интересам нашей Родины»²⁶⁰. Часть этих надежд вскоре оправдалась. 22 октября (4 ноября) был издан высочайший приказ о назначении генерала А.В. Каульбарса. Штаб 3-й Маньчжурской армии собирался таким же образом, что и штаб

2-й. 30 октября (12 ноября) последовал приказ о назначении генерал-квартирмейстера штаба Варшавского военного округа генерал-майора Ф.В. Мартсона начальником штаба 3-й армии с производством в генерал-лейтенанты. Тем же приказом Алексеев получил назначение на пост генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии с оставлением других должностей. Пунктом формирования полевых управлений армии была назначена Варшава. Начало частной мобилизации для удовлетворения их потребностей было назначено на 17 (30) ноября²⁶¹. Алексеев был приглашен по личному выбору Каульбарса, следовательно, его поездка в Одессу перед войной не прошла даром – подающего надежды генштабиста запомнили²⁶². 10 (23) ноября 1904 г. временно исполняющий обязанности начальника Главного штаба генерал-лейтенант П.А. Фролов вынес ему благодарность в приказе по Главному штабу: «В лице уезжающего на днях на Дальний Восток генерал-майора Алексева Главный штаб лишился выдающегося деятеля. Важнейшее, по характеру работу, отделение Главного штаба – Оперативное, – потеряло в нем опытного, беззаветно преданного труду руководителя; Николаевская академия Генерального штаба рассталась с даровитым профессором; сослуживцы лишились товарища редких душевных качеств»²⁶³.

Командующие недавно образованными новыми армиями – 2-й и 3-й, генералы О.К. Гриппенберг и А.В. Каульбарс отправлялись в Маньчжурю на отдельных поездах, двигавшихся по специальному графику по Транссибу²⁶⁴. Штаб 3-й армии мобилизовался не одновременно и в двух разных пунктах – в Варшаве и Одессе. Ввиду полной неопределенности сроков окончания этого процесса (мобилизация была объявлена не 17 (30) ноября, а 7 (20) декабря 1904 г.) и просьбы Куропаткина ускорить выезд командующего, Каульбарс решил составить «первый эшелон штаба». Его формирование началось 1(14) ноября 1904 г., сразу же после возвращения вновь назначенного командующего из Петербурга в Одессу. Он торопился к войскам и выехал 15(28) ноября, сопровождаемый всего одним генералом, четырьмя офицерами Генерального штаба, военным инженером, тремя младшими офицерами, двумя чиновниками, врачом, тремя писарями и 21 нижним чином²⁶⁵. Поезд шел через Киев, Курск, Тулу на Челябинск, где начинался Транссиб. Алексеев присоединился к этому эшелону в Туле 17 (30) ноября 1904 г. Таким образом, основу штаба Каульбарса составили два генерал-майора, три полковника и подполковник. Этого, по его мнению, было достаточно. Особым доверием командующего армией пользовались его подчиненные из Одесского военного округа – генерал для особых поручений Эйхгольц, полковники Бабилов и Парский, подполковник Кортацци²⁶⁶. Офицеры штаба располагались по двое в купе, генералы, в том числе Алексеев – по отдельному, в распоряжении

командующего был вагон. Свободного времени было много, но сводный штаб мало занимался подготовкой к исполнению своих прямых обязанностей. Больше всего времени они тратили, некоторые из них – вынужденно – в вагоне-столовой, выслушивая речи своего командующего. Алексеев писал: «В вагоне жарко, а в столовой душно, особенно при продолжительном сидении. А такое сидение Каульбарс очень любит ... бесконечно рассказывает из воспоминаний о своих Туркестанских и Маньчжурских походах и экспедиций. Одесситы говорят, что все это они слышат уже далеко не в первый раз»²⁶⁷. В штабе не хватало офицеров для занятия штабных должностей, мобилизация полевого управления армии началась приблизительно с двухнедельным опозданием, но никто не топился с работой – после завтрака, обеда и ужина Каульбарс приглашал к себе и начинались долгие разговоры за чаем. Алексеева вскоре стали угнетать привычки командующего, которые он использовал, по словам Михаила Васильевича, «для убийства собственного времени»: «Генерал Каульбарс любит говорить; тема неиссякаемая – он сам, его служба, его жизнь, его подвиги. Правда, что служба прошла разнообразно, забрасывала его и в горы Тянь-Шаня, и в Китай, и в Маньчжурию, и в Сербию, но и любовь к разговорам немалая»²⁶⁸.

22 ноября (7 декабря) 1904 г. поезд командующего прибыл в Омск, где Каульбарс встретился с Н.Н. Сухотиным – недругом Алексеева по Академии, который в 1901 г. был назначен командующим Сибирским военным округом. Между ними произошел весьма показательный разговор. Сухотин якобы поздравил Каульбарса с назначением командиром роты, а на его удивление объяснил, что в Маньчжурии будет три ротных командира – Каульбарс, Линевиц и Гриппенберг, с батальонного уровня начинается командование Куропаткина²⁶⁹. Неизвестно, присутствовал ли при этой сцене Алексеев, но он встречался с Сухотиным и генералом Н.П. Бобырем. Последнее особенно важно, так как это первое свидетельство личного знакомства с этим человеком, которого в 1915 г. Алексеев пошлет оборонять крепость Новогеоргиевск. Настроение офицеров штаба было бодрое, они были полны надежд на самое лучшее будущее²⁷⁰. Генерал-квартирмейстер 3-й армии был уверен в успехе, который ждет их впереди: договариваясь с женой в переписке об условных телеграммах для быстрой информации о положении дел на фронте, он предусмотрел такие для боя, наступления, состояния здоровья. Для отступления условного знака он не предлагал²⁷¹. Настроение было наступательным.

1 (14) декабря 1904 г. поезд Каульбарса прибыл в Харбин и сразу же отправился дальше – в штаб действующей армии. В Харбине Алексеева ждали первые неприятные сюрпризы. В русской армии почти не было переводчиков не только с японского, но даже и с китайского, и это не-

смотря на войну с Китаем в 1900 г., как, впрочем, и на то, что недостатков в людях, во всяком случае, знающих китайский, на русско-китайской границе не было²⁷². Прежде всего, генерал-квартирмейстеру пришлось искать переводчиков для штаба армии, почти за год войны не удалось обеспечить не только войска, но и высшие штабы достаточным количеством надежных специалистов. С трудом нашли четырех русских студентов, владеющих только разговорным китайским и японским и двух китайцев, знавших письменность. Картины Харбинского вокзала также не настраивали столичного генерала на положительный лад. Он с удивлением отмечает: «Разнообразие формы, дошедшее до отрицания формы; кто во что горазд»²⁷³.

2 (15) декабря на вокзале Мукдена Каульбарса встречали начальник Штаба главнокомандующего генерал-лейтенант Сахаров, командир 17-го армейского корпуса генерал от кавалерии барон А.А.Бильдерлинг, была собрана рота почетного караула 140-го Зарайского полка, целиком составленная из георгиевских кавалеров. Командующий был доволен – следующие несколько дней он посвятил знакомству с частями и позициями вверенной ему армии. На солдат и офицеров он производил благоприятное впечатление²⁷⁴. В Мукдене штаб начал работать, вернее, пытался это сделать. Среди части немецких офицеров во время Мировой войны бытовал шуточный ответ на вопрос, чем занимается генерал-квартирмейстер: всем тем, что не может или не хочет делать начальник штаба²⁷⁵. Он как нельзя лучше подходит к тому, что вынужден был делать по приезду в армию Алексеев, да, впрочем, и его сотрудники. Обязанности начальника штаба исполнял генерал-квартирмейстер, дежурного генерала – генерал для особых поручений, инспектора инженеров – инженерный штаб-офицер, приехавший в первом эшелоне. Обеспечить нормальную деятельность полевого управления армии они не могли, несмотря на привычку Алексеева брать большую часть работы на себя. По приказу Куропаткина в штаб 3-й армии были направлены 3 и командировано 7 офицеров. Тем не менее, в течение 5 недель в нем отсутствовали артиллерийская, интендантская и военно-медицинская части²⁷⁶. Помощник Алексеева вспоминал: «Одним словом, наш слабый эшелон, руководясь почтенным стремлением командующего армией скорее попасть к войскам, очутился в тяжелом положении и, главное, не был бы в состоянии выполнить, как следует, свои обязанности в случае серьезного боя. Случайность – спокойное время – избавила нас от такого положения; но, ведь, это была чистая случайность, да и тяготела она над нами в течение целого месяца»²⁷⁷.

Дело двигалось медленно, и значение этой работы постепенно стал понимать и командующий армией. 9(22) декабря 1904 г. Алексеев отме-

тил: «Весьма немного и очень условно признал это и Каульбарс, выразившийся на днях, что если еще раз придется воевать с Японией, то он не будет торопиться к армии и без штаба окончательно сформированного не поедет»²⁷⁸. О сложности управления говорит тот факт, что состав 3-й армии к началу января 1905 г. равнялся 72 батальонам, 18 эскадронам и сотням, 3 саперным батальонам, сведенным в три корпуса – 1-й и 17-й Армейские, 6-й Сибирский и отдельный отряд генерала Мищенко. Она имела 294 полевых и 56 осадных орудий, 54 мортиры, 12 пулеметов и находилась в центре позиций, занимаемых русскими армиями, прикрывая кратчайший и самый удобный путь на Мукден. Город находился всего лишь в 30–40 километрах позади русских позиций. Состав 2-й армии был гораздо больше – 120 батальонов, 92 эскадрона и сотни, 3 саперных батальона, 412 полевых и 4 осадных орудия, 24 мортиры, 20 пулеметов²⁷⁹. Никто из новых командующих не управлял еще на поле боя такой массой войск. Это приводило к срывам. 22 декабря 1904 г. (4 января 1905 г.) Куропаткин принял решение о создании в течение 10 дней двух линий снабжения – передовой, на высоте штабов корпусов, и интендантской, которая относилась несколько глубже в тыл. На них должны были быть созданы склады продовольствия и фуража с запасом на 8 дней в каждой. Вскоре выяснилось, что для этого потребовалось бы 1540 вагонов (660 с продовольствием и 880 с фуражом), что равнялось 4,5 поездов в день. В то же самое время без ущерба для доставки войск железная дорога могла выделить ежедневно не более 3 поездов. Пришлось идти на значительные коррективы планов²⁸⁰. У всех командующих последний опыт активных военных действий ограничивался русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Однако перед ними был совсем другой противник. Это уже было очевидно для многих. «Да, это не турки! – отметил в своем письме от 24 октября (6 ноября) 1904 г. генерал Столица. – Думаю, что никакая европейская армия не сравнится с японцами!»²⁸¹

Каульбарс начал знакомство с вверенными ему войсками с посещения передовой – появление начальства в окопах ободряюще действовало на солдат. Самым слабым участком 3-й армии был 6-й Сибирский корпус, почти сплошь укомплектованный запасными. Для превращения его в реальную силу нужно было время. Желая проявить с первых шагов заботу о солдате, Каульбарс первым же приказом по армии распорядился, что горячая пища должна вариться три раза в день. Выполнить это распоряжение было невозможно, так как истощились местные запасы скота и крупы, и к 10(23) декабря для армии пришлось делать закупки мороженого мяса в Сибири. Кроме того, в трехразовой варке не было необходимости – солдатам постоянно обеспечивали чайное довольствие²⁸². Еще в начале декабря главнокомандующим была отправлена в войска группа офицеров

для ознакомления с бытовыми условиями на позициях. Выводы подводил в газете «Вестник Маньчжурских армий» штаб-ротмистр П.А.Половцов: «Несмотря на тяжелые условия, жизнь войск сложилась сравнительно хорошо, благодаря заботливости начальствующих лиц и умению нашего солдата легко применяться ко всякой обстановке»²⁸³. Настроение среди солдат было неплохим, снабжение – хорошим. С линии передовых окопов части сменялись раз в 3–4 дня, и люди неоднократно высказывали нежелание уходить в резерв. «Пища войск всюду хороша, – отмечал Половцов. – Везде солдат получает дважды в день горячую пищу, и только порядок ее приготовления бывает разный»²⁸⁴.

Неизвестно, успел ли ознакомиться с положением дел в армии Каульбарс, но забота о солдате была проявлена, и новый командующий армией уже 14 (27) декабря смог отправить первую свою телеграмму на высочайшее имя: «Всепопданнейше доношу Вашему императорскому величеству, что сегодня окончил объезд всех передовых позиций 3-й армии. Лично объявлял каждой роте и батарее всемилостивейшую благодарность Вашего величества за службу, что вызвало неописуемый восторг, и грозное русское «ура» за здоровье и благоденствие нашего верховного вождя оглашало боевые позиции. Дух войск превосходный; переходить в тыл с боевых позиций никто не желает; люди имеют бодрый, здоровый вид, потому что пища хороша, а землянки достаточно теплые, общее впечатление отрадное»²⁸⁵. Таков был весьма типичный стиль генерала, который, очевидно, главной своей задачей считал воодушевление подчиненных. Безусловно, она была чрезвычайно важна, но отнюдь не исчерпывала обязанностей командующего.

«Вообще наши начальники малообразованны в своем специальном военном деле, – отмечал уже в январе 1905 г. Алексеев, – и совершенно не подготовлены к управлению боевыми силами. Каульбарсовское «я делаю шестую кампанию» надоело. Движение с двумя сотнями казаков в Туркестане, поход с 10 ротами и двумя сотнями, все везущими на верблюдах с собою, он имеет дерзость называть кампаниею и мечтать предерзостно, что имеет опыт управления армией»²⁸⁶. Учиться пришлось на практике, проблемы обеспечения шанцевым инструментом, забота о десятках тысяч раненых – все это было в новинку для Каульбарса, и он постепенно утратил скептическое отношение к штабной работе. В начале пути в Маньчжурию он любил повторять, что в штабе вообще много лишних офицеров, которым нечего будет делать²⁸⁷. А начальник штаба 3-й армии генерал Ф.В.Мартсон ждал в Варшаве окончания мобилизации. Так как начало ее было перенесено на 7(20) декабря, он выехал из Варшавы только 12 (25) декабря 1904 г.²⁸⁸ Некоторые офицеры разных отделов полевого управления армии прибыли только после Мукденского сражения, а

последняя составная – жандармский полуэскадрон – непосредственно перед заключением Портсмутского мира²⁸⁹. Примерно также обстояло дело и со штабом 2-й армии генерала Гриппенберга, также формировавшегося с большим трудом. Полевые управления армией были готовы к 4 (17) ноября 1904 г., то есть через 54 дня после высочайшего распоряжения об их создании, и еще через три недели Гриппенберг с основным составом штаба прибыл в Мукден. Гораздо хуже дело обстояло со штабами корпусов, некоторые из которых по приказу Куропаткина создавались уже на театре военных действий²⁹⁰. Часть состава штаба 2-й армии прибыла на фронт только после Мукденского сражения²⁹¹.

Безусловно, на моральное состояние армии оказывало мощное влияние и неудачное водительство войск Куропаткиным. Особенно сильно это проявилось после сражения под Ляояном, где победа над японцами, казалось, была так близка. Как отмечал П.А.Половцов, «наша победа под Ляояном превратилась в поражение. Никогда больше у него (Куропаткина. – А.О.) не было такой возможности, и никогда больше Маньчжурская армия не воевала так же хорошо, как она это сделала под Ляояном. Армия потеряла веру в своего главнокомандующего»²⁹². Вообще, это свидетельство показательно прежде всего для понимания настроений офицерской среды. Более всего подвержена панике была наиболее образованная часть армии. При отступлении от Ляояна один из офицеров Генерального штаба, глядя на необозримую вереницу обозов, уходившую до горизонта, постоянно твердил: «Посмотрите, посмотрите.. Ведь это Седан...»²⁹³ Эта же часть армии была в первый период войны наиболее сильно подвержена влиянию тыла. «Такое отношение образованных классов общества (к армии. – А.О.), – писал перед войной Мартынов, – пока еще не успело испортить русского солдата, хотя и в народные массы начинает уже проникать яд «толстовства», но оно оказывает очень вредное влияние на офицерскую корпорацию»²⁹⁴.

Но главнокомандующий был полностью уверен в своих войсках, которые демонстрировали высокий уровень дисциплины. 3 (16) сентября 1904 г. он докладывал: «Вполне спокоен на самоотверженную работу войск и на будущее время. Отход от Ляояна при тех условиях, при которых он был совершен, действительно являлся необходимым, хотя и выдающимся по сложности делом»²⁹⁵. В последнем не приходится сомневаться. Действительно, почти все мемуаристы одновременно отмечают и прекрасную мораль русского солдата, рядового, его удивительную способность стойко переносить поражения. Подполковник фон Лауэнштейн, наблюдавший отступление от Ляояна, удивлялся порядку и самообладанию русской пехоты, два часа стоявшей у мостов, пропуская перед собой артиллерию и обозы. Немецкие войска были, по его мнению, неспособны на это²⁹⁶. Другой

германский офицер – Теттау – впервые отметил это качество, наблюдая награждение войск после Тюренчена: «Нужно сознаться, они не производили впечатления разбитого войска. Здесь впервые было замечено то, что впоследствии наблюдалось часто, а именно, что русский солдат скоро справляется с впечатлениями и влиянием поражений: он обладает способностью быстро оправляться от понесенного удара. Через неделю после потерянного сражения все шло своим порядком, точно ничего не случилось»²⁹⁷.

То же самое, по свидетельству Теттау, произошло и после Ляояна: «Нравственный дух русской армии, по-видимому, очень скоро воспрянул снова. Прошла всего какая-нибудь неделя после отступления русской армии от Ляояна, а между тем она успела оправиться настолько, что трудно было сказать, что эта армия так недавно избежала катастрофы»²⁹⁸. Командир Псковского полка М.В.Грулев вспоминает: «Не прошло и несколько дней на новом месте расположения, как армия наша после отступления от Ляояна быстро оправилась; оправилась не только физически – что было само собою: подкрепились новыми двумя корпусами, 1-м и 6-м, прибывшими из России, пополнила боевые припасы и проч., – она оправилась, главным образом, морально, она быстро забыла только что пережитое отступление от Ляояна и сама себе не поверила бы, что пережила катастрофу, – что ведь, в конце концов, японцы спихнули-таки нас с Ляоянской позиции и сами стоят на нашем месте»²⁹⁹. То же самое можно было сказать и о настроениях в конце 1904 г., после неудавшейся операции на Шахэ. Морали русской армии угрожало только одно – неверие в собственную руководящую силу, и укрепляла это неверие непонятная многим активность главнокомандующего.

Германский генерал, и также воспитанник Берлинской Академии, уже после Мировой войны так суммировал свой опыт руководства армией: «Важнейшим вопросом является действие. Действие имеет три этапа: решение, рожденное мыслью, приказ или подготовка к исполнению и само исполнение. Все три этапа управляются волей. Воля коренится в характере, и для человека действия характер имеет гораздо большее значение, чем интеллект. Интеллект без воли ничего не стоит, воля без интеллекта опасна»³⁰⁰. Эти слова Ганса фон Секта как нельзя лучше подходят к описанию того, к чему вела неумная активность Куропаткина и чем она заканчивалась. Один из офицеров 2-й армии вспоминал: «Воля, направлявшая события, пребывала в неустойчивом, колеблющемся состоянии. Так, вместе с многочисленными распоряжениями, относившимися к наступательным замыслам, побуждавшим войска к стремлению вперед, направлявшим их замыслы к стороне неприятеля, шли настойчивые указания о мерах пассивно-оборонительного характера, об укреплении позиций,

о необходимости быть готовыми к отражению противника. И все это вносило в деятельность войск что-то тревожное и суетливое, сильно усложняло и запутывало работы по подготовке к наступлению»³⁰¹.

МУКДЕН

К ПРИЕЗДУ Алексеева со штабом 3-й армии под Мукден русские войска ждало еще одно испытание – новость о падении Порт-Артура. «Падение Порт-Артура произвело на нашу армию сильное впечатление, – вспоминал командир 6-го Сибирского корпуса, – хотя для всех было ясно, что это падение неизбежно»³⁰². Крепость капитулировала 2 января 1905 г., имея еще возможность для сопротивления. Объективности ради, необходимо отметить, что резервы обороны были невелики. «Доблестные защитники Порт-Артура, – писал один из его создателей в начале 1905 г., – сделали больше того, чего можно было от них требовать, на что можно было рассчитывать, даже чего можно было желать. Крепость пала, сослужив добрую службу интересам нашей полевой армии»³⁰³. Она продержалась 328 дней со дня первого выстрела с ее батареей, японцы потеряли при осаде около 100 тыс. чел. убитыми и ранеными. Русские потери убитыми и умершими от болезней составили 13 тыс. чел., а с учетом потерь флота – 17 тыс. чел. Гарнизон был обречен – в строю к моменту сдачи находилось 13,5–14 тыс. человек, причем около 40% из них были больны. Примерно столько же больных и раненых в госпиталях. Японцы захватили в Порт-Артуре 546 орудий, не считая корабельных, 32 252 винтовки, 82 670 снарядов (из них много старых китайских, не подходивших к русским орудиям), 3000 кг пороха, 2,5 млн. патронов, 1920 лошадей, 80 тыс. тонн угля и продовольственных запасов на 2 месяца³⁰⁴. 25 декабря 1904 г. (6 января 1905 г.), накануне Рождества, Алексеев с группой офицеров отправился осматривать позиции одного из корпусов. «По приезде домой узнали, – писал он, – как факт, невыразимо тяжелую и грустную весть о падении Порт-Артура. Тяжелые минуты, тяготеющая над всеми нашими делами незадача, усложняющая и без того нелегкое положение ... Невесело мне было за этим обедом. Гнела мысль о тяжелой русской године, об утратах, о наших слабостях: об отсутствии могучей воли-таланта, силою которого перевернулось бы в своем течении»³⁰⁵. Каким бы высоким ни было качество русского солдата, но и на него нельзя было рассчитывать бесконечно.

«Но и чудный материал, – вспоминал Тетгау, – становится негодным, если его систематически портят! Я утверждаю, что отступление нашего

корпуса (Теттау находился в том самом 10-м армейском корпусе, роты которого были так щедро разбавлены слабо подготовленными резервистами. – А. О.) от Анпина до Мукдена не содействовало, конечно, поднятию духа войск. Каждый задает себе вопрос, к чему были все жертвы, если все же приходится отступить? Моральные силы войск ослабевали, потому что войска утратили доверие к своим начальникам»³⁰⁶. Начальники тем временем продолжали импровизировать, переоценивая силы войск, а в результате действий неслаженных новых соединений и они утрачивали веру в войска. После падения Порт-Артура внезапно возникла идея вывести из строя железную дорогу, по которой проходило снабжение японской армии, и задержать таким образом подход армии Ноги. В случае успеха можно было рассчитывать на разгром японцев до подхода высвободившихся из-под Порт-Артура сил. Конечно, при условии, что русское командование само перейдет в наступление, которое, впрочем, оно не торопилось начинать. Сама идея диверсии в таком случае теряла смысл при самом благоприятном развитии событий. Армию Ноги можно было задержать на несколько дней, но не навсегда. 23 декабря (3 января) начальник штаба Куропаткина генерал-лейтенант В. В. Сахаров известил командующего 2-й армией: «Генерал-лейтенанту Мищенко главнокомандующий поручает предприятие особой важности. Для сего в его распоряжение, по приказанию его высокопревосходительства, собирается отряд»³⁰⁷.

Отряд Мищенко был причислен ко 2-й армии всего за два дня до этого, но сразу после приказа началось спешное формирование из состава всех трех армий сводного конного отряда силой в 71 эскадрон и сотню, имевших поддержку 22 орудий и 4 пулеметов «Максим». Обращает на себя внимание то, что командующий армии не был извещен о цели операции, которую уже активно обсуждали в подчиненных ему частях. За четыре дня были созданы новые дивизии практически из всего, что было под рукой, включая отдельные сотни пограничной стражи и команды конных добровольцев³⁰⁸. Во все это активно вмешивался Куропаткин. «В дополнение к упомянутому выше распоряжению, – отмечал генерал Новицкий, – из штаба главнокомандующего было получено, в течение 23–25 декабря, несколько распоряжений, касавшихся различных частных вопросов по организации и снабжению различных конных частей, отправлявшихся в состав конного отряда генерал-адъютанта Мищенко: о выделении конницы из отряда генерал-майора Косаговского, о вьючном обозе, о запасах продовольствия и о картах района Хайчен-Гайчжоу и Инкоу. Читая эти документы, поражаешься этой непостижимой склонности человека, стоявшего во главе 250 000 массы войск, углубляться в мелкие распоряжения административного характера, пугаться в распределение батальонов, сотен и охотничьих команд, навязывать таким круп-

ным начальникам, как командующие армиями и командиры корпусов, свои соображения по самым пустяжным вопросам»³⁰⁹.

Уже 27 декабря (7 января) этот отряд под командованием генерала Мищенко выступил в набег. За четыре дня ни он, ни многие начальники этого отряда не успели познакомиться со своими войсками, они вынуждены были делать это на марше. Это никак не способствовало облегчению управления кавалерией. К тому же по приказу Куропаткина отряд взял с собой вьючный обоз в 1500 вьюков, а каждый всадник вез с собой еще и запас продовольствия на два дня. В результате отряд проходил в сутки 31 версту, то есть столько же, сколько и пехота ускоренным маршем, в то время как его разъезды – до 70–80 верст. Снабжение японской армии велось по линии Дальний–Дашичао–Ляоян. Но отряд Мищенко был нацелен на порт Инкоу, лежащий в стороне от нее и к тому же замерзший. В результате путаницы в управлении набег превратился, по словам одного из его участников, в «наполз». Русская кавалерия не смогла взять Инкоу, не разрушила ни одного моста, успехи ее свелись к уничтожению нескольких тыловых команд, 600 арб с припасами, организации крушения двух поездов, порче железнодорожного полотна и телеграфных столбов, которые были исправлены японцами максимум за 6 часов. Единственной удачей рейда было отступление, во время которого русской кавалерии удалось ускользнуть от пытавшегося перехватить ее противника. Приведя с собой 19 пленных, Мищенко потерял в рейде 40 офицеров и 361 рядового³¹⁰. В телеграмме на высочайшее имя от 1 (14) января 1905 г. Куропаткин значительно занижил свои потери (3 убитых и 10 раненых офицеров, 15 убитых и 59 раненых рядовых) и дал более радостную картину результатов набega: «Сегодня мною получено два донесения о действиях нашей конницы. 28 декабря вечером изрублены полторы роты пехоты и пол-эскадрона драгун; только наступившая темнота дала возможность небольшой части японцев уйти вразброд. В ночь на 29 декабря нашими разъездами испорчено полотно железной дороги, порваны телеграфные провода, произведено крушение поезда с двумя паровозами»³¹¹. Однако таким образом обеспечить благоприятные условия для перехода в контрнаступление не удалось, результаты набega повлияли на моральные силы русских войск и на их доверие к командованию далеко не самым блестящим образом.

Очередное испытание этим силам и доверию предстояло пройти под маленькой деревушкой Сандепу. То, что произошло там, было прямым следствием работы импровизированных штабов 2-й и 3-й армий, в которую постоянно вмешивался со своей мелочной опекой Куропаткин. Личный состав трех русских армий вырос количественно с 210 000 человек в ноябре 1904 г. до 300 000 в январе 1905 г. Увеличились и качественные по-

казатели – в армиях находилось 5 600 офицеров, приблизительно по 15 на батальон, на вооружении состояло 1186 полевых и 60 осадных орудий, 90 мортир (из них 30 осадных), 44 пулемета³¹². Санитарное состояние армий было неплохим. При тяжелых местных условиях и большой скученности людей удалось избежать эпидемий. Наметившаяся в конце 1904 г. вспышка брюшного тифа была остановлена и к началу 1905 г. пошла на спад – с 1062 заболевших до 898. Невысокими, но неизбежными были общие показатели заболевших: 1983 на вторую половину декабря и 1709 на начало 1905 г.. Самым распространенным заболеванием после брюшного тифа оставался грипп – 284 и 266 заболевших³¹³. Тенденция к снижению заболеваний была прочной. На середину января 1905 г. общее количество заболевших в армиях составило 1425 человек (из них 665 случаев брюшного тифа), на конец месяца – 1210 человек (из них 460 случаев брюшного тифа)³¹⁴. Состояние оружия в армиях было также вполне удовлетворительным. Например, в упоминаемой выше 72-й пехотной дивизии в ремонт на 1 января 1905 г. было сдано мизерное количество единиц; 28 винтовок (из 12 523), 9 револьверов (из 544), 8 шашек и тесаков³¹⁵.

В результате возникла идея перехода в контрнаступление до подхода к Ойяме армии генерала Ноги из-под Порт-Артура. Предложивший ее командующий 2-й армией генерал О.К.Гриппенберг был против фронтальной атаки укрепленного японцами фронта. С его точки зрения, значение имела только японская армия, а не деревня Сандепу, через которую он и предлагал начать глубокий фланговый обход силами до 7 корпусов. Куропаткин отказывался выделять для операции резервы, а А.В. Каульбарс не хотел поддерживать соседнюю 2-ю армию за счет своей. Больше всего, по свидетельству самого Гриппенберга, он боялся, что вместо смелой операции получится бой за первую линию японских окопов, который завершится их отступлением на вторую линию³¹⁶. Возражения командующего 2-й армией энергично пресекались. Куропаткин, по свидетельству Рузского, «никаких советов ни у кого не спрашивал, а почти все время говорил сам. Цель его поведения была ясна: заставить генерала Гриппенберга под влиянием лившихся из уст генерала Куропаткина лекций и при поддержке остальных присутствовавших согласиться на наступление согласно плану, предложенного Куропаткиным»³¹⁷. Это подтверждается дневником Н.П. Линевича, который 31 декабря 1904 г. (12 января 1905 г.) так описал совещание у Куропаткина, в котором участвовали все командующие армиями с начальниками штабов и начальник штаба главнокомандующего: «Гриппенберг начал было свою речь с того, что в лоб ныне атаковать нельзя, потому что японцы отобьют атаку, что у японцев, кроме окопов, портов и опорных пунктов, везде проволочные заграждения в несколько рядов, волчьи ямы, фугасы и проч., и что следовало бы сде-

лать дальний обход. Но Куропаткин не дал ему договорить, объявив, что необходимо начать атаку с фланга, и указал на Сандепу. Каульбарс то же самое начал было говорить о невозможности атаки с фланга в лоб; у меня же (т.е. у командующего 1-й армией. – А.О.) и не спрашивали [мнения]»³¹⁸. Совещания следовали одно за другим.

Присутствуя в качестве исполняющего обязанности начальника штаба на подобных совещаниях, Алексеев убедился, что веры в успех у руководителей будущей операции нет. 5 (18) января 1905 г. он пишет: «Идеи, положенные в основу предстоящих действий, лично мне не симпатичны и от них нельзя ожидать широкого успеха. Размениваемся на мелкую монету, задаемся целями крошечными, мизерными, будем гордиться взятием деревни»³¹⁹. В тот же день Линевиц, посетивший Гриппенберга и Каульбарса, отметил в своем дневнике: «Оба вздыхали о предстоящем тяжелом переходе в наступление; особенно этого побаивается Гриппенберг, не надеясь на удачу»³²⁰. Штабы накануне наступления никак не могли начать организованную работу. Сделать это было непросто даже в масштабе одной армии. Куропаткин, не доверяя Гриппенбергу, начал обращаться через голову командующего армией к начальнику его штаба. «Русский, – вспоминал Ф.П. Рерберг, – сразу ему поддался, потерял всякое гражданское мужество и импульс, и начал работу (а с ним и его штаб) – на двух «богов»: на Куропаткина и Гриппенберга. Он оказался между двух огней, был в ужасном состоянии, но не решился выйти из этого положения»³²¹. Положение было действительно сложным, так как в армии создавалась система двоевластия и взаимоисключающие приказы следовали один за другим. А главнокомандующий в это время находил время на смотры прибывших частей. 5 (18) января в Мукден прибыл 98-й Юрьевский пехотный полк. В составе 16-го армейского корпуса он был выделен Куропаткиным в резерв. 9 (22) января генерал лично на белом коне явился на полковой смотр. «Поздоровавшись с полком, – вспоминал один из офицеров, – он его объехал, говоря, что армия рада прибытию дорогих гостей, что иначе как побив японцев, нечего и думать о возвращении домой и что отступления больше не будет. Затем, собрав всех офицеров, генерал Куропаткин объяснял им, как следует вести наступление, обращал внимание на важное значение самоокапывания и закончил заявлением, что отступления не будет и что мы скоро побьем японцев»³²². В эти дни готовились к наступлению, но нерешительно и неудачно. Слабым звеном прежде всего было управление. Штаб 1-го сводно-стрелкового корпуса, который должен был принимать участие в операции, был сформирован за четыре дня до начала наступления и только приступал к нормальной работе³²³.

10 (23) января 1905 г. прибыл начальник штаба 3-й армии генерал Мартсон. С ним приехало 19 офицеров, а вскоре еще 3, но основные потреб-

ности полевого управления армии в кадрах были удовлетворены только к 1 (13) февраля. Генерал-квартирмейстерская часть получила с 8 (21) января четырех подполковников³²⁴. Однако штаб не смог сразу начать работу в нормальном режиме. Старший адъютант управления генерал-квартирмейстера (помощник начальника оперативного отдела. – А.О.) полковник Парский вспоминал: «Прибывшие вновь офицеры Генерального штаба были из другого округа, нежели приехавшие с первым эшелонном; кроме того, еще ранее, для усиления штаба было командировано несколько офицеров из числа бывших уже в кампании. В результате получился состав офицеров крайне смешанный и почти не знакомый друг с другом; то же было и относительно начальства: нас, ранее прибывших, знал генерал-квартирмейстер, генерал-майор Алексеев, но, назначенные по желанию командующего армией, мы явились совершенно незнакомыми людьми для начальника штаба, который хорошо знал только прибывших с ним офицеров; в свою очередь, эти последние были неизвестны квартирмейстеру и попали не по его выбору. Разумеется, все это было не в пользу необходимой сплоченности офицерского состава: обжившиеся офицеры, к тому же старшие по службе, чувствовали себя аборигенами, и были хорошо известны командующему армией; зато вновь прибывшие, составлявшие большинство, являлись сослуживцами начальника штаба и были более сплочены. Вскоре, благодаря личности начальника штаба и генерал-квартирмейстера, обладавших удивительным умением ровно обращаться со всеми и крайне располагавших других к себе, все это уладилось, но вначале, вследствие холодности некоторых товарищей, принятой другою стороной за невнимание, отношения грозили сделаться нежелательными. Впоследствии наш штаб сжился настолько хорошо, что представлял из себя действительно дружную семью товарищей и в этом отношении мог служить образцом для других»³²⁵.

Отношения между Мартсоном и Алексеевым на самом деле были далеки от этой идеальной картины, но они не демонстрировали их. Во всяком случае, с приездом начальника штаба генерал-квартирмейстер смог сосредоточиться исключительно на своей, то есть на оперативной, работе. Однако для того, чтобы эта работа смогла стать эффективной, нужно было время – Алексеев срочно отправил прибывших для знакомства с войсками и местностью. Его очень беспокоила сложившаяся ситуация: «Неладно лишь то, что вся эта публика съехалась накануне важных дней, в ход которых они должны будут вступить с малым знакомством»³²⁶.

Наступление началось всего через два дня после того, как были написаны эти слова. «Ни одно из всех предшествовавших сражений в эту войну, – отмечал Теттау, – не показало с такой ужасающей ясностью полней-

шую несостоятельность русского командования, как сражение под Сандепу. Огромная армия в 100 000 человек оказывается бессильной побороть сопротивление нескольких эскадронов и пять дней стоит прикованной к какой-то несчастной деревне только потому, что в командовании этой массой не было достаточной решительности, чтобы поставить себе надлежащую цель и направить все силы для достижения этой цели»³²⁷. Можно сказать, что Теттау был не совсем прав – русское командование в самый важный, начальный период наступления или отсутствовало, или действовало как в тумане, слабо представляя себе даже район действий. «Управление войсками и техника штабной службы на всей иерархической лестнице штабов, – считал полк. В. Новицкий, – были поставлены неудовлетворительно: все начальники хотели командовать войсками, а не управлять ими, потому что непривыкшие к управлению и в мирное время, совершенно не умели пользоваться услугами штабов»³²⁸. Более того, работу штабов старались заменить личным руководством. Постоянное вмешательство Куропаткина в распоряжения командующего 2-й армией буквально парализовало управление ею. Как отмечал один из сотрудников Гриппенберга: «Штаб главнокомандующего связывал нашу деятельность по рукам и ногам»³²⁹.

О взаимодействии войск в этой ситуации говорить и не приходилось. «Хуже то, – писал 14 (27) января Алексеев, – что нет той стройности, строгой последовательности во всех распоряжениях, без чего воевать более чем трудно. 12 января меня посылали верст за 20 к Гриппенбергу, который высказал, что до взятия сел. Сандепу атак на деревни, прилегающие к позиции нашей армии, не будет»³³⁰.

12 (25) января 1905 г. началось наступление, на позициях стоял сильный туман, потом резко похолодало, шел снег с сильным ветром – наблюдение было затруднено. 1-й Сибирский корпус генерал-лейтенанта барона Г. К. Штакельберга начал наступление. Он тоже прибыл на театр военных действий не имея ни опыта, ни обозов, почти без горной артиллерии, и под Ляояном понес большие потери. Однако благодаря своему энергичному командире он стал одним из самых надежных в армии. Штакельберг был «слабого здоровья, но железной воли и энергии»³³¹. Наступление корпуса развивалось успешно, но медленно. Из 120 батальонов, 92 эскадронов и 436 орудий Гриппенберга в бой было введено 40 батальонов, 14 сотен, 140 орудий, то есть около 30%, на следующий день количество задействованных сил возросло до 64 батальонов, 4 сотен, 220 орудий, то есть до 50%. Остальные войска практически полностью бездействовали³³². «Сказать, что 12 января вторая армия перешла в наступление, – не без оснований отмечал полковник Рерберг, – будет ошибка: 12 января развернулся и перешел в наступление только 1-й восточносибирский стрелковый корпус ба-

рона Штакельберга»³³³. Впрочем, и этих сил было достаточно для значительного перевеса над японцами, но они вводились в бой частями, без должной координации. Утром 13 (26) января на станцию Суятун, где находился штабной поезд 3-й армии, для осмотра госпиталя и ближайших двух полков резерва прибыл Куропаткин.

Алексеев так описал дальнейший ход событий: «По-видимому, он ничего не знал, ожидая лишь действий у Сандепу. Около 12 час. дня по телефону от начальства всей артиллерии начинают получаться сообщения, что возле нас начинается атаку 10-й корпус и просит поддержать его огнем нашей артиллерии. Насколько это сообщение было и важно, и неожиданно, видно уже из того, что, по условию, одновременно с 10-м корпусом, должен был атаковать и наш правый фланг, что для производства удара нужно многое было раньше сделать, а главное – сильно обстрелять, и притом в течение продолжительного времени, артиллерийским огнем те пункты, против которых имеют вести войска»³³⁴.

Между тем артиллерийскую подготовку атаки на Сандепу и Бейтайзы трудно назвать удачной. В течение 2,5 суток ее готовил полковник А.А. Маниковский – уже в это время один из лучших русских артиллеристов. Орудия были пристреляны по фронту наступления длиной всего в 1,5 версты. Но как только начался обстрел, кроме готовившего ее офицера и командиров артиллерийских бригад, появилось еще два командира – начальник артиллерии 8-го армейского корпуса, присутствие которого еще более или менее объяснимо, и генерал Н.И. Иванов, присланный Куропаткиным. От главнокомандующего и командующего армией посыпались взаимоисключающие указания, результатом которых, естественно, была дезорганизация огня и срыв всей проведенной Маниковским работы³³⁵.

Против деревень было задействовано 72 орудия, из них 48 – скорострельных трехдюймовых, практически бесполезных против полевых укреплений, 8 поршневых, 12 мортир и 4 осадных орудия. По Бейтайзы было выпущено 450 трехдюймовых шрапнелей, 62 поршневые гранаты, 84 мортирные бомбы и 12 шрапнелей. По Сандепу и Бейтайзы – 1448 трехдюймовых шрапнелей, 207 осадных и 106 мортирных бомб. Это объясняется тем, что 50 орудий действовало против обеих деревень, 22 – только против Бейтайзы³³⁶. Погодные условия также не благоприятствовали успеху действий русской артиллерии. «Пыль ... такая, – сообщал в задержанной военной цензурой телеграмме корреспондент «Русского слова», – что парализует артиллерийскую стрельбу совершенно. Вследствие круто навесной стрельбы под Сандепу очень портятся компрессоры у мортир, чем задерживается взятие этого пункта»³³⁷. Мортиры, сделавшие только 190 выстрелов, быстро вышли из строя, основная тяжесть борьбы с укреплениями легла, таким образом, на 8 поршневых и 4 осадных ору-

дия. При этом рекогносцировка Сандепу не была произведена, и деревня изображалась схематически в виде улицы, вытянутой в длину на 1,5 версты. Обстрел велся по площади две версты на одну – большой, и даже достаточной плотности огня не было³³⁸.

Операция с участием двух армий вырождалась в штабе 3-й армии в изолированное наступление 14-й дивизии. Все это происходило на глазах у Алексеева: «Бросились к главнокомандующему. Тот сначала совершенно спокойно и благодушно ответил, что он посылает приказание Гриппенбергу ничего не предпринимать, кроме атаки на Сандепу. Но уже через 5 минут картина изменилась. С минуты на минуту можно было ожидать атаки 10-го корпуса, изолированной, не поддержанной. Полетели телеграммы, телефонограммы и притом помимо прямого начальства. Куропаткин развенчал сразу свое звание главнокомандующего и стал всем – если бы можно – до ротного командира включительно. Атаку успели приостановить»³³⁹. 10-й армейский корпус и 15-ю дивизию Куропаткин запретил трогать кому бы то ни было, а взять Сандепу силами одной дивизии, по мнению Гриппенберга, было нельзя³⁴⁰. Однако наступление началось – о том, какой была работа штабов, свидетельствует тот факт, что с окончательной диспозицией по 2-й армии Куропаткин познакомился в штабе 3-й армии, уже после того, как он отменил в ней решительно все через голову командира армии. «Когда она была получена, почему сразу не попала в руки по адресу – не знаю», – отмечал потрясенный этой картиной Алексей³⁴¹. В результате наступление 14-й дивизии началось, не поддерживаемое и не руководимое никем. Вдобавок в результате тяжелого боя с 10.00 до 18.00. она, как выяснилось, взяла не Сандепу, а соседнюю деревню. Дело в том, что подробной карты Северной Маньчжурии не было³⁴². Повторялась картина начала осады Никополя в 1877 г., где, кстати, начальником штаба 8-ой кавалерийской дивизии был полковник А.В. Каульбарс. И тогда обеспечение артиллерией было налажено из рук вон плохо, а плана крепости не было³⁴³.

Топографические съемки трех провинций Северо-Восточного Китая начались в 1901 г. С 1899 г. начались съемки территорий Ляодунского полуострова, продолжались работы по созданию карт Приморской и Амурской области. Таким образом, картографически осваивалась собственно русская территория на севере и побережье Маньчжурии на юге. От них шло движение внутрь страны, прежде всего по путям сообщения. Так, например, в том же 1899 г. началась съемка реки Сунгари и прилегающей к ней трехверстной полосы от Харбинской пристани на север. В результате была подготовлена подробная топографическая карта Южной Маньчжурии, обширной территории к югу от Ляояна, от Ляодунского полуострова до устья реки Ялу. Японцы даже переиздали ее, переведя на свой язык. Но для территорий к северу от Ляояна в русской армии не

было ничего, кроме схематических маршрутных карт с огромными белыми пустырями между нанесенными линиями дорог. Средства на окончательную картографическую съемку Маньчжурии были выделены только в 1907 г.³⁴⁴ Насколько сложна была ситуация, можно судить по тому, что в штабе 2-й армии немедленно по прибытию на фронт началась работа по картографической съемке собственного тыла. За две недели до начала наступления было распечатано 2500 карт, которые собирались разослать в части армии. Для координации действий со штабом главнокомандующего несколько экземпляров было отправлено и к Куропаткину, который, к удивлению Гриппенберга, приказал изъять и сжечь новые карты. Приказ не был выполнен, так как иначе войска остались бы вообще без карт³⁴⁵. Результатом штабной неразберихи становились ошибки вроде той, которая произошла под Сандепу.

Тем не менее, поначалу было объявлено о том, что цель наступления была достигнута. «Поразительно быстро по всей армии разнеслась весть о захвате Сандепу, – вспоминал Теттау. – Но вслед за радостной вестью вскоре наступило горькое разочарование»³⁴⁶. Настоящее Сандепу находилось к юго-востоку от занятой деревни. Еще одним неприятным сюрпризом было японское укрепление – ханшинный завод, окруженный по местной традиции валом и прочной глинобитной стеной с бойницами. Японцы добавили к этому окопы, засеку и проволочную сеть. В результате и возникло то, что называли «редутом», который был абсолютно не разрушенным и благодаря которому Сандепу вклинилось между позициями 2-й и 3-й русских армий³⁴⁷.

Потеряв 24 офицера и 1600 солдат, русские войска выяснили, что наступление было бессмысленным. «В северо-восточном районе этой обширной деревни, – сообщала армейская газета, – оказался сильный редюит с тройным рядом искусственных препятствий, почти не потерпевший повреждений от нашего артиллерийского огня и вооруженный полевыми орудиями и пулеметами. Убедясь в невозможности овладеть редюитом без предварительной подготовки, войска наши были выведены из Сандепу, к тому же совершенно охваченному сильным пожаром, где оставаться было невозможно»³⁴⁸. Время было потеряно. Маршал Ойяма начал перебрасывать сюда свежие силы – сражение вылилось, как и опасался Гриппенберг, во фронтальное столкновение на укрепленных японцами позициях. Уже 15 (28) января Куропаткин признал наступление неудавшимся. Алексеев сделал из этого верные выводы: «Но уже и теперь можно сказать, что нам недостает очень многого, кроме ранее высказанного: необходимости давать всякому действовать в пределах его обязанностей, но под ответственность. Мало у нас умения, знания; много в мирное время тратится труда на показную сторону. Конечно, мы одолеем. Но

цель эта, как и в 1877 г., будет достигнута усилиями крайними, сбором массы войск. Будут больше, чем тогда, жертвы: иное оружие, иной неприятель»³⁴⁹. Через десять лет он, оказавшись в положении куда более ответственным, чем Куропаткин, пойдет тем же самым путем мелочной регламентации действий подчиненных.

Единственным человеком, который по-прежнему проявлял решимость и настойчивость в продолжении операции, по мнению Алексева, был Гриппенберг. Однако, связанный по рукам и ногам опекой главнокомандующего, он ничего не мог сделать. На позициях установилась тишина. Действовала она тем более гнетуще, что из России в армию начали проникать, поначалу весьма смутные, слухи о событиях в Петербурге. «Мне кажется она тишиною могилы, – пишет Алексеев 16 (29) января, – в которую зарывается русский успех, русские победы. Дай же, дай нам, Россия, человека веры в себя, в силы твоих сынов, человека твердой воли и таланта! Но не пришлет Россия такого человека!! С тяжелым гнетущим чувством прочел в «Маньчжурском вестнике» о творящемся в Петербурге. Здесь льется кровь в борьбе с врагом; непонятна для теперешнего поколения цель войны, но ее поймут и оценят потомки. А там льется кровь как очистительная жертва за наши грехи; льется при этом исключительно русская кровь к радости наших врагов и сомнительных друзей»³⁵⁰. Информация в «Вестнике Маньчжурских армий» о том, что творилось в России, была достаточно безрадостной. 11(24) января газета сообщила о несчастном случае в Петербурге в день Богоявления, 6 (19) января, когда рядом с императором взорвался боевой снаряд. В том же номере сообщалось, что в столице империи не выходят даже газеты, а всего в городе закрылось 174 предприятия и типографии, в забастовке участвуют 92 859 человек. Первой реакцией главнокомандующего было ограничение доступа в район расположения войск «лицам, не принадлежащим к армиям или к составу служащих Китайско-Восточной дороги». Для этих лиц по приказу Куропаткина вводился особый пропускной режим³⁵¹.

Уже 13 (26) января в армейской газете был опубликован подробный отчет о событиях 9 (22) января 1905 г. в Петербурге. Количество жертв – 76 убитых и 223 раненых – свидетельствовало о масштабе волнений. Виновником их безусловно назывались революционеры и гапоновская организация, которая выдвинула требования, неприемлемые для русской промышленности, а с утра 8 (21) января перешла к «пропаганде явно революционной»³⁵². Начавшаяся революция порождала у Алексева мысли, как мне представляется, весьма важные для понимания той роли, которую он сыграл через 12 лет. Россия, по его мысли, была кораблем без руля, опытного капитана и разумных «лейтенантов». Пожалуй, это было

первое критическое замечание в адрес императора и его политики: «Трудно судить по информации телеграмм о том, что происходит в России, но мне рисуется внутреннее наше положение опасным. Брожение ищет выхода. Этот выход может быть дан мерами предупредительными, но силы накопившиеся могут и не дожидаться этих мер, а прорвать все преграды и вылиться в форму, образцы которой нам дает история. Для мирного выхода опять же нужен человек, нужно, чтобы не упущено было время. Но человека нет, а сколько пропущено времени»³⁵³.

После окончания боев под Сандепу Гриппенберг, считавший, что Куропаткин своими распоряжениями не дал ему возможности одержать победу, заболел, или, во всяком, случае, подал рапорт о своей болезни. В своем донесении императору он просил об отставке с занимаемого поста, мотивируя просьбу полной невозможностью управлять армией в условиях, в которых он был лишен инициативы³⁵⁴. Это была чистая правда – Куропаткин вмешивался в управление войсками не только во время, но и перед этим неудачным наступлением, не останавливаясь даже перед указаниями младшим командирам. Командующего армией, естественно, об этом не информировали. Во время боя Куропаткин твердил о своем «стратегическом резерве», считая наличие нетронутых сил главным своим достижением³⁵⁵. Главнокомандующий сначала попытался уговорить Гриппенберга остаться, тот, будучи уверенным, что все останется по-прежнему, отказался³⁵⁶. Тогда Куропаткин решил поддержать версию отъезда по причине болезни. В разговоре с Каульбарсом он заявил, что не думал раньше, что человек в 67 лет может так разрушиться. Алексеев прекрасно понимал причины решения командующего 2-й армией, но отношение к этому поступку у него, и, как мне представляется, не у него только, было не столь однозначным, как это принято считать в исторической традиции: «Я не могу согласиться с этим решением Гриппенберга вполне – оставить армию в критические минуты, но я не могу не преклоняться перед его шведскою настойчивостью, не остановившеюся перед уходом, не пожелавшего стать игрушкой в чужих руках. У нашего (имеется в виду Каульбарс. – А. О.) этого не будет, и он будет плясать под дудку, в которую ему будут дудеть»³⁵⁷.

20 января (2 февраля) Гриппенберг покинул войска, отказавшись от встречи с Куропаткиным. Это произвело сильнейшее впечатление на армию – разногласия среди высшего генералитета стали очевидны даже рядовому. «Все это, – вспоминал один из офицеров, – вызывало полное недоумение; разного рода предположениям и суждениям не было конца»³⁵⁸. Уезжая, генерал надеялся на скорое возвращение, никаких распоряжений относительно своего штаба он не сделал. 18 (31) января временно исполняющим должность командующего 2-й армией был назначен старший

из корпусных командиров – командир 8-го армейского корпуса генерал-лейтенант Мылов³⁵⁹. Это породило массу проблем. Генерал Гамильтон очень верно отмечал, что японская система организации обеспечивает им успех в действиях против посредственности «В Западной Европе, как и у русских, – отмечал он в своем дневнике, – положение начальника важнее дарований, и если начальник не завоевал себе уважения и поклонения войск, то они не будут и не могут проявлять всей своей силы. С другой стороны, если бы русский Скобелев мог теперь появиться на театре войны, блестящий, быстрый, смелый, обожаемый своими войсками и обладающий военным инстинктом, – тогда, я думаю, японцы убедились бы, что в Европе есть элемент, с которым им еще не приходилось считаться»³⁶⁰. С уходом Гриппенберга решался именно такой вопрос.

В штабе Куропаткина Алексеев узнал, что главнокомандующий предложил императору несколько кандидатур на выбор: В.А.Сухомлинова, Н.Н.Сухотина, М.И.Батянова, Н.И.Гродекова и А.А.Бильдерлинга. В перспективу назначения Сухомлинова Алексеев не очень верил, так как думал, что выбор Куропаткина будет сделан в пользу такого же, как и он, нерешительного деятеля. Но все же реакция на эту новость была характерной: «Хорошо, если первый, сносно при назначении второго: Батянов будет будировать и строить шута, никуда не годное назначение Гродекова»³⁶¹. Популярность Сухомлинова была неслучайной. На Курских маневрах 1901 г., в которых так хорошо проявил себя в качестве главнокомандующего Куропаткин, в качестве его начальника штаба действовал именно генерал Сухомлинов. Неудивительно, что перед отправлением в Маньчжурию Куропаткин рекомендовал его на пост начальника Главного штаба³⁶².

Пост командующего 2-й армией был в конце концов предложен А.В.Каульбарсу. 30 января (12 февраля) он принял армию и сразу же начал повышать свой авторитет привычными методами во время долгих утренних и вечерних чаепитий. «Зная генерала Каульбарса с 1892 г., когда я был бригадным командиром во вверенной ему 15 кав. дивизии, – вспоминал генерал по поручениям при штабе армии П.Н.Баженов, – я всегда замечал в нем склонность к хвастовству; но я никак не предполагал, что эта черта могла бы развиться до такой степени, до какой она достигла в то время, когда он сделался командующим армией. За каждым обедом и завтраком он неизбежно рассказывал нам о подвигах не чьего-либо, а непременно своего молодчества и нередко, в этом отношении, просто зарепортовался, воображая, что слушатели принимают его рассказы за чистую монету и вполне ему верят»³⁶³. На своих новых подчиненных он все же пытался воздействовать ободряюще: «Насколько Гриппенберг не обладал даром слова, настолько Каульбарс любил говорить ... Он был человек немоло-

дой, но легкий, порывистый и честный, как корнет. Единственным его недостатком, как высокого начальника, – был излишний оптимизм, с которым он относился к обстановке, безусловно веруя в будущую победу»³⁶⁴. Впрочем, это поведение вызывало такую уверенность не у всех. На Теттау новый командующий произвел очень хорошее впечатление, наверное, генерал не рассказывал немецкому офицеру о своих приключениях, и тот отметил: «Мне показалось, что он не питает доверия к дальнейшему ходу войны, что он эту армию (т.е. 2-ю. – А.О.) не считает способной дать иной оборот военному счастью»³⁶⁵. Очевидно, эта неуверенность была причиной решения Каульбарса взять с собой часть штабных работников, прежде всего офицеров из Одесского военного округа. Алексеев получил такое же предложение³⁶⁶.

Это породило массу проблем и конфликтов, один из которых затянулся на много лет. Начальником штаба армии при Гриппенберге был генерал-лейтенант Н.В.Рузский, теперь ему и его сотрудникам, прибывшим в Маньчжурию из Вильно, предлагали поменяться местами с сотрудниками генерал-квартирмейстерского управления 3-й армии. «Следствием японской дисциплины, – писал Гамильтон, – является, по-видимому, странная способность обезличивания. Я глубоко уверен, что если бы Куроки поменялся с Ноги, каждая из армий была бы в восторге получить себе отличившегося начальника другой»³⁶⁷. В русской армии царили другие нравы. Перемещение в меньшую по численности и по значению армию и на менее значимую должность было бы для Рузского, как признавал Алексеев, «своего рода дисциплинарным наказанием». По возвращению в Россию они могли быть выведены за штат офицеров Генерального штаба. К чести Алексеева, он не стремился занять должность Рузского, но в этом конфликте, в который он втягивался помимо своей воли, проявилась особенность стиля поведения этого человека³⁶⁸. Алексеев не любил конфликтных ситуаций, но одновременно он и не брал на себя инициативу их разрешения. Он надеялся, что Каульбарс не утвердит Петербург и проблема разрешится сама по себе³⁶⁹.

Каульбарс был официально назначен командующим 2-й армией 28 января (10 февраля) 1905 г. и вступил в командование 30 января (12 февраля). До 8 (21) февраля он знакомился позициями и частями³⁷⁰. Его армия вновь готовилась к наступлению на Сандепу, а ее штаб вновь подвергся импровизационной реорганизации. Что же касается штаба 3-й армии, то он, начав работу в полном составе 10 (13) января, уже через 20 дней подвергся изменениям. Получив от Куропаткина приказание оставить Рузского, Каульбарс собирался взять с собой 4 полковников Генерального штаба и начальника штаба генерала Мартсона. Последний, как выходец из Варшавского округа, лишился, таким образом, ближайших сотрудни-

ков. Временно командующим 3-й армии назначался командир 17-го армейского корпуса генерал барон А.А.Бильдерлинг. Он тоже был очень недоволен медлительностью своего назначения³⁷¹. Был весьма недоволен и Рузский. Алексеев вяло пытался сопротивляться планам этой перестройки штабов в разговорах с Каульбарсом. Сотрудник штаба 3-й армии отмечал закономерность этой войны – русские взводы, роты и батареи ни в чем не уступали на поле боя японским, но чем крупнее было подразделение, тем хуже оно было по сравнению с японским. Сказывалось качество управления³⁷². Как генерал-квартирмейстер, Алексеев абсолютно правильно понимал значимость системы управления войсками: «Ведь не могут вести войну ротные и батальонные командиры; нужна сила направляющая. А у нас она слаба, и в этом важнейшая причина того тяжелого хода дел, который отражается на всем и здесь, и в России»³⁷³.

Каульбарс взял с собой двух полковников – Бабикова и Краснокутского, и генерал-майора Эйхгольца³⁷⁴, то есть наиболее близких ему людей, которых он выбрал для «первого эшелона» штаба еще в Одессе. Первый из них, об уходе которого жалел Алексеев, был старшим адъютантом управления генерал-квартирмейстера, то есть его помощником и первым заместителем. Его сменил полковник П.Д.Парский. Таким образом, и Гриппенберг, и Каульбарс, и ряд их ближайших сотрудников проработали на своих должностях около двух месяцев, после чего начались перемены. Пришлось привыкать к новым людям и отношениям. Бабиков, судя по всему, был действительно знающим офицером. Оказавшись среди незнакомых ему людей, на новой должности, Каульбарс доверял ему больше, чем Рузскому, которого хотел сменить. В результате Бабиков, как доверенное лицо командующего, стал действовать в обход начальника штаба и генерал-квартирмейстера армии. Работа штаба в этих условиях была парализована³⁷⁵.

В это время 2-я армия вела подготовку к повторному штурму Сандепу – там собирали осадную артиллерию, 28 шестидюймовых, 4 сорокадвухлинейных орудий, 28 шестидюймовых мортир, 8 восьмидюймовых мортир, имевших 20-кг пироксилиновые бомбы. Каждое осадное орудие имело запас в 156 снарядов, восьмидюймовые мортиры – 40 пироксилиновых бомб. К батареям была подведена переносная сетка узкоколейной железной дороги. Руководство артиллерией было поручено командиру 3-го Сибирского корпуса генералу Н.И.Иванову. «На основательную артиллерийскую подготовку на этот раз вполне можно было рассчитывать, – отмечал генерал П.К.Ренненкамф, конный отряд которого находился на правом фланге 2-й армии. – В 8-м, 10-м и сводном стрелковом корпусе от 6 до 12 часов дня позиции противника с точно измеренных расстояний должны были громить 278 скорострельных, 40 поршневых орудий, 40 по-

левых мортир и 38 осадных орудий. По глубокому убеждению артиллерийского начальника, шестичасового огня этой массы артиллерии должно быть достаточно, чтобы снести все деревни на позиции противника, и пехоте оставалось бы только занять таковые, удержать и дать возможность артиллерии выехать на новые позиции»³⁷⁶.

Прорыв фронта был основан на «артиллерийском кулаке», нечто подобное тому приему, который через десять лет начнут применять против русских армий австро-германцы в Галиции. Разница была в том, что решимости и единства в выполнении решений у русского командования не было. Одно за другим шли совещания. 8 (21) февраля в них принял участие и Алексеев. В этот день Куропаткин отдал приказ о переходе 2-й армии в наступление через четыре дня с целью охвата левого фланга армии Оку. Армия Ноги еще не успела подойти из-под Порт-Артура. Для русских армий оставался слабый шанс добиться перелома ситуации в свою пользу. Но их командование по-прежнему не соответствовало уровню стоящей перед ним задачи. Так, например, при смене командования именно Алексеев, а не командующий 3-й армией и не начальник штаба, обещал Каульбарсу помощь в наступлении³⁷⁷. Причину этого объясняет Алексеев, по свидетельству которого, 4 (17) февраля на совещании у Куропаткина произошла размолвка: «Каульбарс с Мартсоном настолько круто потолковали, что, расставаясь, руки друг другу не протянули, связующей нитью между штабами, пожалуй, буду лишь я»³⁷⁸. Повторялась история первого наступления. «Все настаивают на скорейшем наступлении русских армий на японцев, – отмечает в своем дневнике от 5 (18) февраля Линевич, – но Куропаткин все медлит и медлит»³⁷⁹.

Но медлил не только главнокомандующий. На 10 (23) февраля, воскресенье, Каульбарс назначил армии отдых. Так как начинать наступление в понедельник командующий не хотел, считая это плохой приметой, он перенес начало операции на 12 (25), вторник. В какой-то степени суеверные опасения Каульбарса оправдались – 11 (24) февраля Куропаткин отказался выделять из резерва для поддержки какие-либо силы, а в ночь с понедельника на вторник, минуя командующего 2-й армией, вывел из его подчинения 1-й Сибирский корпус³⁸⁰.

Войска этого, конечно, не знали, и готовились к атаке. Она должна была начаться в 06.00 12 (25) февраля. Вместо артиллерийской подготовки на позициях установилась мертвая тишина. Штаб армии получил приказ об отмене в 02.00 и успел известить штабы корпусов и отрядов в 05.30. До недоумевающих частей и младших командиров этот приказ дошел приблизительно в 07.30. В качестве объяснения предложили версию об утере секретности. Вслед за приказом последовала перетряска части командования³⁸¹. Примерно то же самое происходило и в 3-й армии.

«Около 11 часов вечера 11 февраля была получена диспозиция 3-й Маньчжурской армии, – вспоминал офицер штаба 4-го Сибирского корпуса, – в коей, между прочим, указывалось, что 3-я армия, сохраняя занимаемое ею ныне оборонительное расположение, должна быть готовой к оказанию содействия 2-й армии, которая 12 февраля начнет наступление против левого фланга расположения противника. Соответствующие распоряжения уже были начаты, но около 2 часов ночи приостановлены, ввиду телефонограммы штаба армии, что наступление 2-й армии отложено»³⁸². Зато с утра 12 (25) февраля Куропаткин начал выдергивать части из плацдарма на Хуньхе³⁸³.

Версия главнокомандующего о потере внезапности была малоубедительной. После первого боя под Сандепу говорить об этом здесь уже не приходилось. «Как бы все распоряжения по переходу в наступление ни держались в секрете, – с недоумением отмечал генерал Ренненкампф, – армия представляет из себя настолько сложный механизм, что она не может неожиданно для противника проявить свое наступательное действие, и при безусловной готовности противника неожиданности и ожидать трудно, тем более при условии основательной подготовки и атаки днем, а не ночью»³⁸⁴. Колебания высшего командования действовали на войска удручающим образом, они все более теряли веру в тех, кто распоряжался судьбами русских армий в Маньчжурии. Между тем Куропаткин в своем абстрактно-механистическом отношении к ним не готов был усвоить, что под его командованием находятся уже далеко не те люди, как в последнюю большую войну. «Солдат очень двинулся за последние двадцать пять лет: он уже очень и очень рассуждает, – писал после окончания боев под Шахэ доктор полевого госпиталя, – ему мало исполнять приказания, ему нужно понимать, для чего он должен делать то или другое. Видимо, он задается даже вопросом, можно ли воевать вообще ... Различные сектантские и политические агитаторы тоже посеяли свое семя. Наконец, и огромный процент запасных в войсках является большим злом. Все это люди, отставшие от своего дела, часто уже пожилые или болезненные, окончательно осевшие на землю, или занимающиеся каким-нибудь промыслом, привыкшие к покойной семейной жизни и постоянно, разумеется, о ней мечтающие»³⁸⁵. С таким запасом настроений армии подходили к последнему сражению русско-японской войны. Сомнения охватили даже генералитет.

«Колебание и боязнь – вот наши недуги и болезни, – утверждал в эти дни Алексеев, – мы не хотим рисковать ничем и бьем и бьем лоб об укрепленные деревни. Мелкие цели, крупные потери, топтание на месте, противник остается хозяином положения, а быть хозяином положения должны были бы и могли бы быть мы (подч. Алексеевым. – А.О.). Нет,

не нужно было бы увеличивать в нашем командовании того, что служит источником наших невзгод, которым пока не предвидится и конца»³⁸⁶. От наступления пришлось отказаться – инициатива окончательно перешла к японцам. С таким запасом русские армии подошли к финальному сражению этой войны. Импровизированные штабы, отсутствие единой системы действий, конфликты между высшим генералитетом, постоянные изменения главнокомандующим им же утвержденные планы. Незадолго перед Мукденской операцией, 5 (18) февраля 1905 г., Алексеев так оценил Куропаткина: «Полководцу нужны: талант, счастье, решимость. Не говорю про знание, без которого нельзя браться за дело. Оценку таланта делать еще не время. Военного счастья нет, а решимость прямо отсутствует, а между тем на войне нужно дерзать и нельзя все рассчитывать»³⁸⁷. Своего мнения о качествах полководца Алексеев не изменил, но после Мукдена он уже не сомневался в оценках Куропаткина. Оснований для этого было более чем достаточно. Суетливая система управления привела в полное расстройство и Штаб главнокомандующего, и управление некоторыми армиями – в любом случае, это можно было сказать о штабе 2-й армии³⁸⁸. Надежная система оповещения так и не была налажена.

В начале войны русская армейская разведка действовала весьма неэффективно. Целая конная бригада, действовавшая в Корее в феврале и марте 1904 г., не могла установить, какие японские части в каком количестве она имеет перед собой. Точная информация в штаб армии не поступала³⁸⁹. Через год ситуация почти не изменилась. Почти на каждую угрозу, реальную и воображаемую, главнокомандующий реагировал по привычке – суетливо и сумбурно. До подхода армии Ноги из-под Порт-Артура японцами был распушен слух о ее возможном движении к Владивостоку. Немедленно последовало решение Куропаткина создать сводную бригаду, сняв по роте из каждого полка 1-й армии. Новая импровизированная часть была направлена во Владивосток для создания там новых частей³⁹⁰. Перед самым началом сражения два японских эскадрона по 100 отборных кавалеристов в каждом совершили из района Ляояна рейд в глубокий тыл русской армии. Один из них 12 февраля взорвал настил железнодорожного моста недалеко от станции Фанцзянтунь (отремонтирован через 17 часов), приблизительно в 120 километрах севернее Сыпингяя, другой 18 февраля совершил набег на станцию Яомынь, в 270 километрах от Сыпингяя. Заметить или разбить эти мизерные силы войска, охранявшие тыловые коммуникации, не смогли. Японцам удалось уйти от довольно энергичного преследования. Зато в Штаб главнокомандующего поступили панические сообщения – один из японских эскадронов был оценен как отряд в 4 эскадрона, 4 роты пехоты, посаженные на коней, 3000 хунхузов. Хунхузы

действительно постоянно нападали на русские железные дороги, иногда их небольшие, как правило, отряды действительно собирались в значительные по численности банды. Однако они никогда не выдерживали столкновения с частями русской армии, пусть и уступавшими им по количеству. Всего за время боевых действий было отражено 110 нападений на КВЖД. В штабе общая угроза коммуникациям была оценена в 30 000 человек. В результате к охранявшим железную дорогу 25 000 солдат и офицеров Заамурского округа пограничной стражи Куропаткиным были прибавлены еще 25 000 при 36 орудиях. Вообще, перед Мукденом Транссиб охранялся вплоть до мостов через Волгу. В Маньчжурии на версту железной дороги приходилось по 28 человек охраны, эта численность постепенно сокращалась по направлению на запад, доходя до 2–3 человек у Волги³⁹¹.

Значительная часть армии, таким образом, была фактически выведена из строя импровизирующим главнокомандующим. В ближайший тыл была выведена Донская казачья дивизия и 2-я бригада 41-й пехотной дивизии 16-го армейского корпуса. «Таким образом, – справедливо отмечал исследователь японской кавалерии, – 300 всадников отвлекли в решительную минуту от решительного пункта по крайней мере 8000 бойцов, а, чего доброго, и 20 000. Японская конница имела полное право гордиться таким блестящим результатом»³⁹². К этому можно добавить – как и японское командование, которое управляло своими войсками по-другому. По свидетельству генерал-лейтенанта Танаки, бывшего во время войны адъютантом маршала Ивао Ойяма, во время битвы под Мукденом в японском штабе не было никакого возбуждения. К началу сражения штабная работа в основном была закончена, и большую часть битвы маршал и начальник его штаба Кодама Гентаро играли в крокет, отрываясь на несколько минут для небольших изменений. Также спокоен был и Куроки во время Ляоянского сражения. Разговаривая после Мукдена с британским журналистом, попавшим в японский плен вместе с русскими, он высоко отзывался только о качестве русского солдата. Ни один из генералов армии противника не вызвал его интереса: «Они все на одном уровне»³⁹³.

Не зря рейд Гилленшмидта силой в 4 сотни в тыл японцам, совершенный в ответ на действия японской кавалерии, не привел ни к каким последствиям в японской дислокации. Необходимо отметить, что, вопреки уничтожающей критике русской кавалерии, которая вообще распространилась после набега на Инкоу, этот рейд продемонстрировал ее неплохие возможности. Гилленшмидт командовал своей частью, которая смогла пройти за 5 суток 375 верст, то есть по 75 в сутки. Правда, русские кавалеристы, так же как и их собратья по оружию с противоположенной стороны, добились мизерных результатов – был незначительно поврежден же-

лезнодорожный мост, но японское командование продемонстрировало большую выдержку, чем Куропаткин и его ближайшие сотрудники³⁹⁴.

Японское командование и правительство оказались более гибкими и в вопросах обеспечения армии техникой. Перед русско-японской войной военные практически всех армий не смогли по достоинству оценить такую новинку, как пулемет. Между тем первое его применение русскими войсками в боевых условиях при подавлении «боксерского» восстания оказалось очень эффективным³⁹⁵. Кроме того, горная артиллерия русской армии была сконцентрирована на Кавказе, в Одесском и Киевском военных округах. Эта дислокация объяснялась предполагаемыми театрами военных действий – Малая Азия, Карпаты, Босфор. В начале боевых действий на Дальнем Востоке находилась одна пулеметная команда из 8 пулеметов в 3-й восточносибирской бригаде. Уже первые столкновения показали обеим сторонам, насколько эффективно это оружие в обороне. В 1904 г. русское Военное министерство заказало 246 вьючных пулеметов (получило только 16), 411 пулеметов на лафетах (получило 56). Несколько лучше обстояло дело с горными орудиями – из заказа в 240 стволов было получено 112³⁹⁶. В 1905 г. на театре военных действий было сформировано еще 10 команд, включая 2 из 12 крепостных пулеметов крепости Владивосток. В кавалерийских полках было сформировано несколько конно-пулеметных команд, вооруженных ружьями-пулеметами (ручными пулеметами) системы Мадсена³⁹⁷. Это был в высшей степени неудачный выбор – система Мадсена имела, по сути дела, только одно преимущество – легкость (8,2 кг). Все остальное было недостатками: ружья-пулеметы были очень сложными в сборке и разборке, имели большое количество незаменимых частей, постоянно заклинивали и были ненадежны при интенсивной стрельбе³⁹⁸.

Японская армия впервые получила пулеметы системы «Максима» в конце японо-китайской войны, но не успела их использовать. Однако японцы заметили эффективность этого оружия, несколькими образцами которого владели китайские части. В период между 1895 и 1904 гг. шли испытания, в ходе которых японское командование стало склоняться в пользу системы Гочкиса. В части эти пулеметы стали поступать уже в ходе войны³⁹⁹. В результате японцы, почти не имевшие этого оружия в начале войны, резко увеличили его количество, к концу войны в каждом японском полку была уже пулеметная рота – 7–8 пулеметов.

По мнению Алексеева, недостаток горной артиллерии делал русские войска беспомощными в горах, а значение пулемета при обороне уже тогда проявилось во всей силе: «Это грозное оружие временами сметает нашу атакующую пехоту»⁴⁰⁰. Японские отчеты говорят о высокой эффективности использования этого оружия как для отражения русских контратак, так и для подготовки собственных наступлений⁴⁰¹. Все это так-

же сказалось в мукденском сражении: японцы обладали превосходством в средствах обороны, что позволяло им экономить силы на второстепенных участках для концентрации на важных направлениях. Русская армия занимала фронт длиной в 150 километров (с охраняющими отрядами). Ее левый фланг на протяжении 45 километров прикрывала 1-я армия Линевица – 107 000 чел., 370 орудий и 22 пулемета. На правом фланге длиной 25 километров – 2-я армия Каульбарса – 100 000 чел., 439 орудий и 24 пулемета. В центре стояла 3-я армия, имевшая на 20 километров фронта 68 000 чел., 266 орудий и 10 пулеметов. Им противостояли пять японских армий общей численностью 270 000 чел., 1062 орудия и 200 пулеметов⁴⁰². Моральное значение преимущества в автоматическом оружии тоже было велико. «Во время Мукденских боев, – говорит японский отчет, – армия наша уже получила в достаточном количестве пулеметы, что увеличило ее силу. Офицеры и нижние чины глубоко верили в силу огня этого оружия, когда начинался бой, все с нетерпением ждали треска пулеметов со своей стороны, как крестьяне ждут шума капель дождя в знойное лето»⁴⁰³.

Мукденское сражение вначале походило на все крупные сражения этой войны – японцы осуществляли излюбленный прием окружения, пытались отсечь русские армии от железнодорожной артерии. Маршал Ойяма, поклонник прусской стратегии, бывший во время франко-прусской войны представителем японской армии при германском командовании, настойчиво пытался реализовать идею «Седана», но только на этот раз путем не одностороннего, как под Ляояном, а двустороннего обхода. Русская стратегия долгое время приучалась на примере европейского театра военных действий к мысли о необходимости действия из польского выступа, от внутренней коммуникационной линии. Нечто подобное происходило и в Маньчжурии. Главнокомандующий русскими армиями полностью подстраивался под волю противника, диктовавшего ее многочисленными демонстрациями, и постепенно терял контроль над войсками. Так Куропаткин действовал с самого начала двухнедельного сражения.

Как только обнаружилось наступление противника против армии Линевица, так все приготовления 2-й армии к атаке были отменены и часть ее войск, выполняя приказание главнокомандующего, по словам Алексева, «как угорелые овцы шарахнулись... к левому флангу»: «Общее убеждение, что силы там у японцев скромные, что действия их там, хотя, как всегда, и энергичные, имеют характер демонстративный. Но они знают, по-видимому, характер нашего главнокомандующего: усиленными переходами все, что было возможно, направлено туда, в эти горы, где и развернуть такие силы трудно. Словом, там, на перевалах, узких путях, собрана половина всех наших сил»⁴⁰⁴. Войска вынуждены были совершать тяжелые и абсо-

лютно непонятные для них марши. «На каждом лице был такой толстый слой пыли, – вспоминал английский журналист о стрелках 1-го Сибирского, которым приказали перейти на левый фланг армий, – что проходящие солдаты походили на трупы, покрытые страшной серой маской, их рты и глаза казались глубокими шрамами. Сами глаза впалые и отсутствующие ... Солдаты и офицеры были настолько уставшими, что с трудом могли говорить»⁴⁰⁵. В армии перебрасывались не только войска, но и их командиры. Например, 12 (25) февраля генерал Ренненкампф вместе с частью офицеров своего штаба был снят с командования своим конным отрядом и отправлен на формирование нового отряда у Линевича. Его заменил генерал Эйхгольц. Но ненадолго – любимец Каульбарса не смог справиться с ситуацией в условиях боя и начал отходить. В результате Куропаткин, минуя командующего 2-й армией, распорядился вернуть Ренненкампфа назад. Последнему пришлось восстанавливать управление над своим отходящим отрядом. Все это произошло всего лишь за сутки⁴⁰⁶. Подобные действия вызывали раздражение и у командования, и у рядовых. Когда в 3-й Сибирский корпус генерала Н.И.Иванова была прислана на помощь бригада Болотова, то первой реакцией командира корпуса были слова: «Зачем только Куропаткин растрчивает свои резервы? Это не главная атака, ему не стоит волноваться за меня. Хотя Куроки яростно атакует каждый день, он все же несет огромные потери; некоторые из его полков почти полностью уничтожены. У меня хорошие позиции, у япошек нет ни единого шанса, когда дойдет до штыковой с моими доблестными сибирскими стрелками»⁴⁰⁷. Это происходило уже 11–13(24–26) февраля.

Еще за неделю до катастрофы армия верила в благополучный исход сражения. 16 февраля (1 марта) П.Н.Краснов заявлял в армейской газете: «Новый год начался счастливо. Грозная, под ружьем стоит Маньчжурская армия в сознании скорой победы. И ее не смутят и не потревожат ни японские прокламации, ни жалкое нытье людей тыла, которым все надоело, которые все готовы бросить и во всем видят неудачу. В передовых окопах наших позиций твердо уповают на то, что «на зачинающего Бог!»⁴⁰⁸

Однако именно в это время армию потревожили далеко не японские прокламации или козни готового сдать тыла. Главнокомандующий фактически вмешался в руководство 2-й армией, еще больше усложняя управление ею. Вмешательство Куропаткина носило мелочный, дезорганизирующий характер. Через несколько дней после переброски 1-го Сибирского корпуса его солдаты снова вынуждены были совершать марш-бросок, теперь уже в обратном направлении, на крайний правый фланг армий, и, как писал тот же британец, который наблюдал их тяжелое движение ранее, «несмотря на всю усталость и деморализацию, которую несло с собой это бессмысленное шатание, они сопротивлялись ужасному напору Ноги

с бросающейся в глаза храбростью и упорством»⁴⁰⁹. Нельзя забывать, что все эти передвижения русские войска совершали при довольно холодной погоде. Температура колебалась от $-17,1$ градусов по Цельсию в семь утра до $-2,8$ в полдень и $-8,1$ в девять вечера⁴¹⁰. Силы солдат были не безграничны.

С началом японского наступления русская осадная артиллерия снималась с позиций и отправлялась в тыл. Прок от ее присутствия был невелик – главнокомандующий запретил даже обстреливать работы противника по установке 11-дюймовых орудий, без разрешения его штаба распорядиться тяжелой артиллерией не мог даже командир корпуса, на позиции которого она находилась⁴¹¹. Однако это было очевидное указание на подготовку к будущему отступлению. Особенно удручающе действовал на солдат этот отвод, потому что сразу же за ним начался обстрел русских позиций японской тяжелой артиллерией. Русская полевая артиллерия не могла бороться с 11-дюймовками противника. Уже 13 (26) Алексеев понял: Куропаткин готовится отходить. По настоянию генерал-квартирмейстера Бильдерлинг написал главнокомандующему письмо, оно осталось без ответа⁴¹². Переброска войск с правого фланга на левый ослабила армию Каульбарса, и на нее навалились японцы. Куропаткин уже 15(28) февраля предупредил командующего 3-й армией, что большая часть его общего резерва израсходована на поддержку 1-й и 2-й армий⁴¹³. Для укрепления угрожаемых участков теперь ему оставалось лишь прибегнуть к излюбленному средству – созданию импровизированных отрядов. Результатом этого была такая путаница в расположении частей, что даже командующие армией-ми теряли представление о составе войск, им подчиненных.

«Отрядомания» под Мукденом достигла пика: «Бывали случаи командования корпусными командирами такими тактическими единицами, в состав которых не входило ни единого даже батальона вверенных им корпусов, что, например, в одном отряде, силою в 51 батальон, имелись войсковые части всех трех армий, из 11 корпусов, 16 дивизий и 43 различных полков»⁴¹⁴. Это был отряд генерала от кавалерии Генерального штаба Михаила Васильевича фон дер Лауница, который должен был прикрывать фланг отступавшей русской армии; в его состав входили, кроме этих батальонов, $20\frac{3}{4}$ сотен и эскадронов, и 132 орудия (из 5 артиллерийских бригад). Мало этого, этот отряд еще делился на четыре отдельных отряда. Более мелкие соединения также формировались по принципу калейдоскопа. Так, например, сводная дивизия Гершельмана состояла из частей 3 корпусов и 5 дивизий. Для формирования этих новых единиц командование выдергивало из частей отдельные роты, взводы и даже отделения. Смешение войск достигло уровня хаоса, войска не знали своих командиров, командиры – войска, все вместе – соседей.

В штабе Лауница (если этот термин применим к тому, с чем он вынужден был начинать руководство своим отрядом, а именно одного полковника Генерального штаба и двух адъютантов генерала) эффективно действовала только лишь связь с главнокомандующим, которая поддерживалась по телефону. Командиры вновь прибывавших частей не могли получить ни информацию об общей ситуации, ни точных указаний к действию, нельзя было представить, где именно расположен отряд Лауница. Даже организация нормального снабжения таких отрядов была почти невозможной, управлять ими было очень трудно, активно использовать – нельзя. В этом состоянии они могли лишь обороняться порознь⁴¹⁵.

Очевидно, по этой причине на правый фланг с левого была переброшена бригада Болотова, так ничего и не сделавшая в корпусе Иванова⁴¹⁶. Постепенно сокращалась и боеспособность частей-доноров. Они сокращались, в той же третьей армии вскоре осталось около 40 батальонов, то есть из трех корпусов остался приблизительно один. «Но если бы это был корпус! – писал Алексеев. – Нет, это были клочки трех корпусов, а остальные клочки пошли по батальону во 2-ю армию. Что там была за организация! Это лоскутное одеяло; забвение всех основ всех правил и законов организации»⁴¹⁷. Каульбарс не предпринимал ничего без санкции Куропаткина. 17 февраля (2 марта) было абсолютно непонятно, кто командует 2-й армией. «В эти дни 17–22 февраля, – отмечал офицер ее штаба, – исчезли растворенные в различных отрядах не только корпуса, но и дивизии нашей 2-й армии»⁴¹⁸.

В задержанной военной цензурой телеграмме корреспондент «Нового Времени» Ольгинский (Березовский А.А.) сообщал: «Начать с того, что к 22 февраля у нас не было ни одной цельной комплектной боевой части. Целые полки, батальоны, даже отдельные роты вырывались из своих тактических единиц и усылались то на правый, то на левый фланг, нередко на 70–80 верст расстояния ... Менялись, смешивались, перепутывались не только части, но и начальники их ... Никто, говорю убежденно, никто не знал, у кого он находится, кто у него справа или слева, где его начальник. Ординарцы, посылавшиеся передать приказания, были самыми несчастными людьми, и вот, когда неожиданно началось отступление, естественно, что разрозненная армия пошла вразброд»⁴¹⁹. Неразрозненными оставались только 1-й Сибирский корпус и 25-я пехотная дивизия⁴²⁰. Каульбарс без штаба отправился к дер. Салинпу, чтобы организовать контрудар обходящему его противнику. На посту командующего его временно заменил фон дер Лауниц, незнакомый ни с войсками, ни со штабом армии. Кроме того, в управление тем, что еще поддавалось руководству, постоянно вмешивался Куропаткин. Полупарализованное управление не смогло обеспечить действенную связь между частями.

Тем не менее, оставались надежды на победу. Армии Линевица и Бильдерлинга твердо держали оборону. В контратаку перешел отряд Топорни-на под Салинпу. Она имела успех до тех пор, пока в руководство ею не вмешалось несколько инстанций. Японское командование осознавало свою слабость в центре, и чрезвычайно опасалось того, что русская армия перейдет здесь в наступление. По ночам русские позиции освещались прожекторами противника, его пехота оставалась начеку, обстреливая даже одиночек⁴²¹. Вспоминая 17 февраля 1905 г. через месяц, Алексеев писал: «Думалось лишь о том, что вступаем во вконец разоренную страну и питание будет более или менее случайным. Думалось ... да думалось многое, что из нашей 1-й армии, с левого фланга пойдут полки, с этими полками составятся грозные силы и с ними мы будем опрокидывать все на пути своем и разобьем японцев»⁴²². Наступления этих полков, однако, так и не последовало. Зато шестью днями позже самую дурную услугу 3-й армии составила забота ее штаба о питании частей во «вконец разоренной стране» – на плацдарме на реке Хуньхе были сконцентрированы многочисленные склады. Их располагали поближе к передовой для того, чтобы облегчить бесперебойное снабжение армии после перехода в наступление⁴²³. Именно поэтому Алексеев считал, что если Куропаткин не решился наносить удар силами 1-й армии, то наступала минута для эвакуации Мукдена, чего не было сделано. 19 февраля (4 марта) правый фланг русских армий отходил уже с горячим боем⁴²⁴. Объективности ради отметим, что именно в этот день Куропаткин отдал приказ об эвакуации дивизионных обозов, но из-за штабной неразберихи он дошел до командиров корпусов с пятидневным опозданием⁴²⁵.

Оценивая результаты последнего сражения Маньчжурских армий, А. И. Деникин писал: «Я не закрываю глаза на недочеты нашей тогдашней армии, в особенности на недостаточную подготовку командного состава и войск. Но, переживая в памяти эти страдные дни, я остаюсь в глубоком убеждении, что ни в организации, ни в обучении и воспитании наших войск, ни, тем более, в вооружении и снаряжении их не было таких глубоких органических изъянов, которыми можно было бы объяснить беспримерную в русской истории мукденскую катастрофу. Никогда еще судьба сражения не зависела от причин не общих, органических, а частных (подч. авт. – А. О.)»⁴²⁶.

С этим утверждением можно согласиться, если считать частным систему управления войсками, неработоспособность армейских штабов. В начале сражения в них не было единого взгляда на происходившие события. Если Куропаткин не мог определиться, какой из двух фланговых ударов противника наиболее опасен, то в штабе 3-й армии ожидали решающего удара в центре, на собственных позициях⁴²⁷. Взаимное непонимание приводило

к взаимоисключающим приказам. Действия армий были плохо скоординированы. В той же 3-й армии хорошо работала связь (были приобретены немецкие телефоны, которые прекрасно передавали звук на 8–10 км)⁴²⁸. Соседние армии не имели таких аппаратов. Когда днем 19 февраля (4 марта) на правом фланге русских армий обозначился успех наступающих японцев, в штаб 3-й армии позвонил Куропаткин и попросил послать кого-нибудь туда, то есть во 2-ю армию Каульбарса, для того, чтобы навести порядок. К вечеру японцев остановили, но отбросить их назад не удалось – противник установил на занятых позициях 5 пулеметов. Кроме потерь и усталости, на наступательном порыве русских войск сказывалось и то, что в их тылу уже поджигали склады и землянки⁴²⁹. В такой ситуации трудно было ожидать от солдат безусловной готовности идти вперед.

12-часовое отсутствие Алексева в штабе способствовало потере контроля над управлением войсками армии. 20 февраля (5 марта) командир 6-го Сибирского корпуса генерал Л.Н. Соболев получил от М.В. Алексева приказ отступить на чрезвычайно невыгодные позиции. Этот отход мог поставить соседний 1-й Армейский корпус из 1-й армии в тяжелое положение. Соболев отказался выполнять этот приказ, тем более что его корпус, на который так мало надеялись перед боем, хорошо держался. Генерал-квартирмейстер звонил и настаивал, ссылаясь на решение главнокомандующего, но потом оставил вопрос на усмотрение командира корпуса⁴³⁰. Дело в том, что, вернувшись от Каульбарса, Алексей получил приказание об отходе на невыгодные позиции. Телефоны работали до 2 часов ночи 20 февраля (5 марта). Заснув после тяжелого дня, генерал-квартирмейстер обнаружил, что к 6.30 утра распоряжения войскам не были отправлены, а офицеры его штаба спят!⁴³¹

После этого генералу Соболеву позвонил начальник штаба армии генерал Мартсон и сообщил, что произошла ошибка. 6-й Сибирский должен был оставаться на месте, где 20–22 февраля (5–7 марта) он блестяще отразил 12 атак противника⁴³². Однако все попытки русских войск перейти в контрнаступление были неудачными – не удавалось наладить совместную работу штабов 2-й и 3-й армий, издававших взаимоисключающие приказы. Когда же удары наносились силами частей 3-й армии, они натыкались на японские пулеметы. Подавить их шрапнельным снарядам русская пушка не могла. Начала сказываться утомленность войск. По свидетельству Алексева, во время одной из атак 22 февраля (5 марта) солдаты кричали: «Нас расстреливают пулеметами; где же наши пулеметы; дайте нам пулеметы!»⁴³³ Об уровнях потерь можно судить по Бугульминскому полку – после контрудара он лишился 91% офицеров и 74% рядовых. Нельзя не отметить, что войска сделали все, что могли. Требовать от них большего было невозможно⁴³⁴.

Ухудшающееся положение на правом фланге требовало от главнокомандующего принятия решения, и он решил сузить фронт 3-й армии, вывести ее из плацдарма на Хуньхе за реку. Таким же образом выводились и части 2-й армии. Потери ее солдат в контратаках оказались бесполезными – японцы также были утомлены и не пытались преследовать отступавших, они отходили без единого выстрела. Сокращением протяженности линии обороны Куропаткин надеялся получить экономию в силах для формирования будущих отрядов. Это был очень поверхностный расчет, так как «мукденские позиции» были очень слабо укреплены, замерзшая река не представляла серьезного препятствия. Еще хуже было то, что внезапное отступление в ночь с 22 на 23 февраля носило импровизационный характер. Подготовленными были только переправы – пять мостов обеспечивали отступление двух русских корпусов, находившихся на плацдарме⁴³⁵. Причину этого объяснил Алексеев: приказ главнокомандующего об отходе он получил вечером 22 февраля. «Удручающе действует всегда то, что приказание его (т.е. Куропаткина – А.О.) получается уже тогда, когда нужно его исполнить. Какое-то полное забвение расстояния, времени, сил людей. Чисто сказка»⁴³⁶. Эвакуировался и штаб 3-й армии, он переводился к восточным воротам Мукдена.

Армия уходила, бросая огромные склады с обувью, продовольствием – зерном, сухарями, мороженой рыбой и мясом. Первоначально их запретили поджигать, так как боялись, что дым потянет на позиции за Хуньхе и тем облегчит японцам наступление. С территории складов были сняты караулы, и некоторые командиры разрешали солдатам «попользоваться» этими запасами. Их оставление в неприкосновенности многим было непонятно и, казалось, еще более ухудшало моральную обстановку внезапного отхода. Однако то, что за этим последовало, было ужасно. «Огромное количество водки, хлеба, консервов и прочих съестных продуктов и напитков было выброшено к солдатам, поскольку спасти это было невозможно, – вспоминал очевидец одной из таких сцен, – легко представить себе, что случилось, если вспомнить, что вокруг были тысячи людей, не евших за последние дни ни крошки. Яростные человеческие потоки одновременно вливались в этот грабеж с севера, востока и запада. Многие из них немедленно уносили тяжелые ящики с продуктами, большую часть из которых они без сомнения вынуждены были бросить раньше, чем сумели пройти милю. Тем не менее, они яростно огрызались на каждого, кто пытался освободить их от банки другой консервов. Кто-то сидел на земле и открывал банки шашками и штывками, вываливая их содержимое на месте ... Другие открывали их больше, чем могли бы съесть за неделю. Их голод, казалось, рос при простом виде пищи, и возбуждение было таким, что иногда люди резали себе пальцы, не замечая того. Но еще более худшие сцены разыгрались у бочек с водкой. По

ним били штыками, их рубили ножами, тесаками, топорами, пока они не начали истекать от множества ран. Неистовая толпа людей боролась вокруг этих отверстий, пытаясь подставить рты под драгоценную жидкость или поймать ее шапками, банками, пустыми упаковками от сардин, даже осколками японских снарядов, которые лежали рядом»⁴³⁷.

Наличие армейских запасов в ближайшем тылу сыграло самую злую роль в при отступлении – практически повсюду возникали одни и те же картины. При отходе войск 2-й армии и они столкнулись со своими складами. До последнего момента там поддерживался почти идеальный порядок – стоял караул и даже подъезды к большим деревянным баракам были аккуратно подметены. Но как только был отдан приказ об уничтожении имущества, немедленно началась вакханалия его «спасения от неприятеля». Сказалось отсутствие надежной военной полиции, немногочисленные часовые были сметены отступавшими. «В то время как невидимые люди поджигали высокие ометы чумизной и гаолянной соломы, – вспоминал офицер штаба 2-й армии, – солдаты и казаки начали грабить – «разбирать» склад. Ящики варварски разбивались с большой торопливостью шанцевым инструментом или ружейными прикладами. Я видел несколько сломанных ружей (были сломаны шейки прикладов) при исполнении этой экстренной операции. Слышались не только удары топоров и прикладов и – треск коловшихся досок и клепки, но было даже отчетливо слышно шуршание сотен пудов кускового сахара-рафинада, сыпавшегося на землю из разбитых бочонков. Солдаты с жадностью хватили сахар и совали его по карманам, белье запихивали себе за пазуху, застегивая полублузки и шинели; поперек ружей повисли одна или две пары новых сапог. Соленую рыбу некуда было запихнуть, так ее натыкали на штыки, и впереди меня образовался как бы целый батальон жалонеров, у которых на штыках, вместо жалонерных значков, болтались огромные розовые рыбы. Участвовавшая в разборке склада войсковая часть моментально разложилась, порядка – как не бывало: офицеры кричали, выбивались из сил, но их не слушали, ибо жажда грабежа (а может быть, чувство ревности и озлобления, чтобы склады не достались японцам) оказались сильнее чувства дисциплины»⁴³⁸.

В 3-й армии вскоре догадались отдать распоряжение поджигать склады, не дожидаясь того, как они станут непреодолимым соблазном для измученных и голодных частей. Оставшемуся наблюдать за отходом Алексееву через каждые 10 минут докладывали о том, что подожжена очередная деревня или склад⁴³⁹. Противоречивые приказы вели к тому, что в тылу среди отступавших стали проявляться грозные признаки разложения частей. Заместитель Алексеева вспоминал: «Переход из Сахетуни в Импань был очень печален: в полной темноте горели подожженные огромные склады и деревни; госпитали и разного рода обозы спешно и в беспорядке двига-

лись к Хуньхе, многие еще продолжали укладываться; от грохота колес по мерзлой земле стоял шум, смешивавшийся с нестройными криками и звуками от лопающихся патронов, в изобилии бросаемых в огонь; кое-где спешно разбирали какие то интендантские склады, слышалась пьяная ругань... Заметны были признаки полного беспорядка... На переправе у Хуньхепу – давка, беспорядок. Как я узнал потом, в подобной обстановке был тяжело ранен своими же солдатами, грабившими какой-то склад, инспектор госпиталей нашей армии, полковник Тимофеев, хороший, жизнерадостный человек, впоследствии скончавшийся»⁴⁴⁰. Тимофеев был братом жены Куропаткина и умер от ран в июне 1905 г. Пытаясь остановить солдат, он угрожал им револьвером и был расстрелян ими⁴⁴¹. Прикрывавшие отход части не имели соблазна в виде оставляемых складов и действовали организованно и четко. Последние 5 батальонов и строители конно-железной дороги отступили в порядке, буквально перед носом японцев вывозя секции переносного железнодорожного полотна. С ними отошел и Алексеев. К счастью, японцы дали русским частям переправиться через реку и только после этого продолжили наступление⁴⁴².

Отход с плацдарма заставил штаб 3-й армии задуматься об обеспечении резерва, который мог бы пригодиться для прикрытия более масштабного отступления, на этот раз от Мукдена. Он был собран на южной окраине этого города, у выхода на Мандаринскую дорогу. Резерв состоял из 11-го пехотного Псковского и 242-го пехотного Белебеевского полков, одного батальона Прагского полка. Из этих 8–9 батальонов уже 23 февраля 2 были взяты Куропаткиным во 2-ю армию, остальные несколько раз поднимались и возвращались им же⁴⁴³. Главнокомандующий постоянно требовал от штаба 3-й армии батальонов для усиления 2-й, а Алексеев хотел использовать часть резерва для прикрытия позиций по покрытой льдом Хуньхе. В результате к вечеру 23 февраля в резерве 3-й армии осталось менее 3 батальонов, так как возвращенные Куропаткиным части резерва еще находились на марше. Еще через сутки сконцентрированного резерва у армии уже практически не было⁴⁴⁴. Последствия этого проявились менее чем через 12 часов, когда ранним утром 25 февраля (10 марта) на Мандаринской дороге Алексеев пытался повторить то, что он сделал с 5 батальонами во время отступления с плацдарма на Хуньхе. «Так как Мандаринская дорога, – вспоминал генерал Баженов, – как впоследствии оказалось, предназначена была для частей и обозов 3-й армии, то и водворение порядка на этой дороге могло быть сделано только начальством этой армии. И, действительно, проехав верст 8 от Мукдена, мы встретили на дороге генерал-майора Алексева, бывшего в то время генерал-квартирмейстером 3-й армии; среди двигавшихся повозок генерал был один, и, как он нам объяснил, он озабочен был составлением арьергарда

и расположением его на позиции для того, чтобы пропустить за себя весь двигавшийся обоз и затем прикрывать общее отступление. Старания генерала плохо осуществлялись, так как не только предназначенных в арьергард двух полков (Псковский и еще какой-то, названия которого не помню) нигде не было видно, но не было видно даже и других каких-либо сплоченных частей, которые можно было бы употребить для составления арьергарда. К тому времени, как мы подъехали к генералу, ему удалось задержать при себе 2–3 роты одного из полков, предназначенных в арьергард; роты эти генерал поставил шагах в 100 в стороне от дороги, чтобы они не были захвачены беспорядочной толпой, двигавшейся по этой дороге»⁴⁴⁵.

«25 февраля, – писал через 10 дней после этих событий Алексеев, – русская армия пережила день бедствия и позора, имея право рассчитывать на победу или по крайней мере на спокойный уход к северу от Мукдена, понеся при этом лишь моральный удар оставления этого важного во всех отношениях пункта! Но наш воевода (имеется в виду Куропаткин. – А.О.) заставил нас пережить горечь поражения, подобного которому давно уже не приходилось испытывать»⁴⁴⁶. Однако виноват в этом был не только Куропаткин. Трудно найти более показательный пример отсутствия штабного руководства армиями, чем организация, или, вернее, дезорганизация отступления от Мукдена. Именно благодаря ей это сражение закончилось такой убедительной победой японцев, а не превратилось, как это было после Ляояна, в простое и довольно неплохо организованное отступление. Даже Линевиц, издавший приказ о его подготовке раньше всех, 24 февраля (9 марта) в 01.00, не смог добиться большого успеха. В армии попросту не хватало необходимого количества вьючных животных и двуклоков для эвакуации имущества. Правильное в принципе решение – отводить обозы, до полковых 2-го разряда, севернее Телина, за ущелья и дефиле, трудно было выполнить по причине отсутствия карт этого района. Однако войска его армии, вовсе не думавшие о дальнейшем отступлении после отхода за Хуньхе, получили выигрыш во времени в подготовке движения на север⁴⁴⁷. Это сыграло очень важную роль через сутки, так как именно войскам Линевица пришлось прикрывать не запланированное никем бегство 2-й и 3-й армий.

Вначале все шло по сценарию, знакомому еще по Ляояну. Интересно, что даже в самое тяжелое время продолжала работать цензура. Вот одна из телеграмм корреспондента «Русского слова», задержанных во второй половине дня 24 февраля (9 марта) 1904 г. Она дает довольно адекватное описание происходившего: «По железной дороге спешно отправляют все, что возможно. Положение не только напряженное, но и небезопасное. В Мукдене масса неблагонадежных элементов, подонки армии, о ко-

торых я сообщал еще в ноябре. Трудно будет предупредить грабежи, мародерство, иные бесчинства. Сегодня около вокзала китайцы уже начали разбирать свои лавки, увозить товары. На беду, сегодня ужасный пыльный ураган. Буря с юго-востока, то есть встречная для нас ... Вообще ничего хорошего ждать нельзя. Главнокомандующий сегодня приказал, чтобы все сестры милосердия немедленно выехали. По слухам, которые я еще не успел проверить, уже последовало объявление об оставлении Мукдена. Китайцы подготовлены к этому декларациями японцев, но если против их ожидания Мукден не будет эвакуирован, сомневаюсь в том, чтобы туземные городские элементы не приняли бы участия в возможных беспорядках при нашем отступлении»⁴⁴⁸. Все эти опасения очень скоро подтвердились. Эвакуировать армейское имущество было невозможно – в районе городского вокзала был расположен армейский магазин, т.е. главный склад интендантства армий. Там было собрано свыше 3600 вагонов зерна и сухарей, свыше 1000 кубических сажень угля, огромное количество фуража. С вечера 24 февраля (9 марта) из Мукдена вывозился подвижной железнодорожный состав. Поезда в составе от 52 до 55 вагонов (в два раза больше нормы!) уходили «пакетами». Это были группы по 8–16 поездов, отходивших с интервалами в 8 минут. Исключительную выдержку и организованность проявили сотрудники железной дороги, благодаря работе которых эвакуация обошлась без несчастных случаев и жертв. В 5 часов 45 минут утром 25 февраля (10 марта) отошел последний «пакет». Крыши вагонов были облеплены людьми – начиналась паника⁴⁴⁹. «И вот началась паника, – вспоминал очевидец, – сперва у нестроевых, обозных, писарских, госпитальных командах, электрическим током передалась и на подходившие измученные, расстроенные боем и обескураженные отступлением строевые части... Правдиво описать ее невозможно. Делалось что-то ужасное, и не только среди солдат, но и среди офицеров и врачей, десятками бросались они в санитарные поезда, стоящие на разъезде, набивались площадки, крыши, тормозы, лезли на трубу паровоза. Сам видел как генералы Шевалье и Церпицкий нагайками сгоняли их оттуда»⁴⁵⁰. Оставшееся имущество поджигалось.

Для отступления 2-й армии была предназначена дорога вдоль высокой (до 10 м) насыпи железнодорожного пути. Однако по ней отступил лишь штаб этой армии вместе со штабным обозом. Ни Рузский, ни Бабиков не справились со своими обязанностями. До войск эта диспозиция не была доведена, и они потянулись на привычную Мандаринскую дорогу⁴⁵¹. Между тем дороги в Маньчжурии были таковыми скорее лишь по одному названию: «Осенью и зимой – когда грунт сохнет и подмерзает – везде дорога; в любом направлении, раз дорога накатана, она представляет как бы естественное шоссе... Лессовая почва на равнине создает

особенно глубокую и вязкую грязь. В горных же лощинах текут быстрые ручьи, которые обращают в промоины дороги, поднимающиеся зигзагом на перевалы по этим лощинам. Шоссированных дорог совершенно не имеется. Большие «мандаринские» дороги отличаются от других своей шириной и особенной глубиной грязи. На мандаринских дорогах (дорога из Гирина на Порт-Артур и из Мукдена на Синьминтин) еще кое-где встречались мосты; на других же дорогах мостов совершенно не было; броды, мелкие в сухое время, при дожде сейчас же являлись серьезным препятствием. Устройство постоянных мостов в Маньчжурии, вследствие стремительности и мощности образующихся при проливных дождях потоков, вообще встречает огромные препятствия. Мосты на козлах, устраиваемые саперами через горные реки, сносились при каждом большом дожде»⁴⁵².

Такая дорога и была предназначена только для войск 3-й армии, отступление которых должна была обеспечить 2-я армия и только после этого уйти на север к Телину вдоль железнодорожной насыпи. В результате на дороге, проходившей частично по теснинам, с крутыми спусками, ручьями и оврагами было собрано свыше 300 000 человек – 370 батальонов, приблизительно 1000 орудий, десятки тысяч повозок⁴⁵³. До того как масса войск 2-й и 3-й армий, уже основательно расстроенная «отрядными импровизациями», перемешалась там, отступление 3-й армии шло в относительном порядке. 24 февраля (9 марта) в 18.00 штабс-капитан А.А. Свечин, обер-офицер для поручений при управлении генерал-квартирмейстера, известил по телефону Алексеева, что японцы перешли Хуньхе на участке 4-го Сибирского корпуса и устремились в тыл армии, за Мукден, к поселку Пухэ. С утра бушевал ураган, несший на русские позиции тучи пыли, под их покровом противник и перешел по льду реку. Главнокомандующий был извещен о прорыве приблизительно в 19.00. В начале девятого вечера в штабе 3-й армии получили приказ Куропаткина об отходе по Мандаринской дороге. Сразу были собраны все офицеры, которые начали писать под диктовку Алексеева диспозицию для отхода корпусов. Приказ был дублирован по телефону, работа была закончена в 22.00. Приказ гласил: «24 февраля 1905 г. Между 9–10 часами вечера. Восточная Импань. 3-й армии предписано с наступлением темноты отойти от предместных укреплений вдоль Мандаринской дороги, не втягиваясь в Мукден. 2-й армии задерживать противника до отхода 3-й армии из предместных укреплений и затем отойти вдоль железной дороги, прикрывая движение 3-й армии от ударов с запада»⁴⁵⁴.

Так как Мукден официально оставался нейтральным городом, русские войска его не занимали и обходили вдоль стен, где дорог и мостов, естественно, не было. Это, а также и продолжавшаяся буря, чрезвычайно осложняло отступление. Часть корпусов смогла выступить только с опозданием

в несколько часов – от 23.00 24 февраля до 01.00 25 февраля. Обозы, артиллерия, войска двигались зигзагообразными колоннами, буквально на ощупь находя себе путь. Связь корпусов со штабом армии и соседями была потеряна⁴⁵⁵. Войска отступали широкой волной, постепенно перемещаясь друг с другом, «вся огромная площадь, которую видел глаз всадника, была сплошь покрыта отступавшими, и все тянулись в одну точку: в Мукден!»⁴⁵⁶ Около 04.00 25 февраля штаб 3-й армии также начал отступление в тыл. Алексеев в это же время выехал на Мандаринскую дорогу и увидел на ней результат слияния обозов, артиллерии и войск 2-й и 3-й армий: «Море-море повозок вливалось потоками с различных боковых дорог. Беспорядочно, в несколько рядов, все это тянулось к северу и тянулось почти до 10 час. утра. Только в 11 час. могли тронуться наши ничтожные по силе войска 3-й армии»⁴⁵⁷. На самом деле, положение ранним утром 25 февраля было гораздо более худшим. Беспорядок приводил к пробкам, в которых колонны больше простаивали, чем двигались. В толкучке все перемешалось.

Генерал из штаба 2-й армии так описал картину, которую он застал около 06.00: «При выходе из Мукдена на Мандаринскую дорогу, мы сразу наткнулись на такой хаос и такой и вопиющий беспорядок, который далеко превосходил самые мрачные представления мои о беспорядочном отступлении. Со всех улиц Мукдена и вообще со всех сторон повозки, пушки, команды, или вернее, толпы людей – спешили на Мандаринскую дорогу, и у самого выхода из города образовалась какая-то беспорядочная масса, которая сама себе не давала возможности двигаться. Тут были и понтоны, которые, неизвестно для какой надобности, держались до последнего времени в Мукдене (самыми бесполезными и громоздкими были похожие на понтоны мостовые парки, которые так и ни разу не были использованы во время войны, так как не было подходящих к ним по ширине (около 220 м), глубине и берегам рек, использовать их можно было бы только на Ялу; тем не менее, они постоянно возились за частями, стесняя их движение. – А. О.⁴⁵⁸), и санитарные транспорты, и повозки артиллерийских парков, и патронные двуколки, одним словом, – повозки обоза всех трех разрядов, артиллерийские орудия и толпа будто бы искавших свои части людей; все это не только не было распределено по родам повозок, но не было даже вытянуто в одну, две, три, хотя бы в 10 линий, а составляло доподлинно какую-то громадную кучу, в которой каждый хотел двигаться сам по себе, нередко даже по пути других повозок. На беду, недалеко от выхода из города дорога имела вид врезанного в высокую гору дефиле; тут образовалась пробка, явно свидетельствующая о том, что весь этот беспорядок произошел вследствие крайней нераспорядительности начальства и полного безначалия в обозе»⁴⁵⁹.

На самом деле, даже в этой ситуации начальство продолжало распоряжаться и вводить бесконечные импровизационные «улучшения». Движение по лессовому глинистому грунту Мандаринской дороги, с ее крутыми спусками и подъемами, для обозных повозок было весьма непростым делом. Осложняла его и разница в ширине дороги (около 17 м) и мостов через овраги и ручьи (около 4–4,5 м)⁴⁶⁰. Примером того, каким образом начальство превращало на «Мандаринке» отступавшие части в перемешанную толпу людей, может послужить отход 1-го восточносибирского понтонного батальона. Он получил приказ о начале движения из города 24 февраля в 21.00 и через час начал отступление обычным порядком, повозка за повозкой, в одну линию. «При первом встречном овраге с одним переездом через него, – отмечал в дневнике командир батальона, – означенный порядок нарушался заездами задних повозок по сторонам основной магистрали, из желания найти по сторонам другой переезд. За неимением же такового, означенные колонны останавливались перед обрывами оврага в 5–6 параллельных линий, имея впереди себя лишь один переезд. Пропуская через овраг обоз одной части, другая ждала своей очереди, заставляла ждать третью и т.д. При таком способе переправы сохранялась целостность обозов частей. Между тем кому-то из распорядителей по переправе обозов через овраги показалось, что такая система переправы ненормальна, почему и сделано было распоряжение пускать из каждой колонны по 1–2 повозки. Пропустив из колонны 2 понтонные повозки, следующие могли проходить за первыми лишь тогда, когда из 5 остальных колонн пройдут по 2, т.е. (2х6=12) двенадцать повозок, после этих шли снова 2 понтонные и т.д. Получалась разрозненность обозов, и тем большая, чем чаще встречались овраги. При этом способе переправы управление обозом начальствующими лицами становилось окончательно невозможным»⁴⁶¹.

Так как резерва, которым можно было попытаться навести порядок среди отступавших, не было, Алексеев послал часть своих офицеров навести порядок в обозах и направить отступавших за дефиле широким фронтом вдоль дороги, благо промерзший грунт позволял это⁴⁶². Впрочем, и это сделать было непросто. «Движение без дорог в Маньчжурии зимой, – вспоминал отступавший из Мукдена офицер, – весьма тяжело; поле все вспахано бороздами и сплошь покрыто срезанными пнями гаюляна до $1/4$ аршина высотой»⁴⁶³. За дефиле на расстоянии километра слева и справа от дороги массами шло то, что раньше было армией. Одновременно генерал-квартирмейстером были сделаны попытки наладить связь с 6-м Сибирским корпусом, потерянным в ходе движения вокруг Мукдена⁴⁶⁴. Когда его головные колонны около 08.00 вышли из предгорья на дорогу, ситуация еще более осложнилась. Командир корпуса вспоминал: «На обширной площади, шириною в 5–7 верст и длиною в

15–20 верст, несколько всхолмленной, почти лишенной растительности и залитой лучами южного солнца, стояли и двигались войска и обозы трехсоттысячной армии. С трех сторон гремела артиллерийская канонада. Картина была грандиозная... Сразу нельзя было разобрать, что именно происходило. Войска двигались, как это мне показалось, большими массами, почти без промежутков. Обозы тянулись вереницею. Движение было очень медленное, так что в первую минуту, когда перед нами открылось отступление огромной армии, мне показалось, что войска не двигаются, а стоят на месте»⁴⁶⁵. Несколько ручьев, оврагов и река с обрывистыми берегами – все это никак не способствовало быстрому движению беспорядочной массы шириной в несколько километров.

Железнодорожный вокзал и окружавшие его склады также находились за городом, как раз на пути отступавших войск. Второй раз за короткое время люди, уставшие за время двухнедельных боев, в февральские морозы, вынуждены были сталкиваться с одним и тем же искушением. Оставляемые запасы разбирались – из-за «пробки» на Мандаринской дороге и медленного движения солдаты перемешавшихся частей вынуждены были простаивать около уничтожаемых запасов продовольствия, обмундирования, спирта. Видя оставление города, многочисленные «вольные» торговцы начали раздавать свои товары, состоявшие прежде всего из спиртных напитков. Появилось большое количество пьяных, часть из них бесцельно бродила между городом и станцией. Значительная часть этих людей на вокзале и при отступлении попала в руки японцев и китайцев. Участь вторых была незавидной – как правило, их убивали⁴⁶⁶. «Страсть к разрушению ради разрушения, – вспоминал английский журналист, – охватила солдат и грозила сделать их неуправляемыми. Допускать войска грабить свои же собственные склады – это как разрешать частично прирученным тиграм попробовать кровь»⁴⁶⁷.

Сделано было практически все, чтобы войска перестали быть войсками. «Расплывшаяся на широком фронте, – писал Алексеев, – эта сволочь повалила назад уже вполне беспорядочной толпой. Ни уведомления, ни шашки, ни угроза револьвером не могла сдержать мерзавцев, потянувших в узкое пространство, еще не замкнутое неприятелем»⁴⁶⁸. Его близкий сотрудник и друг полковник С.К.Добролюбовский, тоже участник этих событий, вспоминал через два года: «Трудно, если не невозможно, было бороться со стихийным потоком повозок и лошадей; поздно было принимать меры здесь, на Мандаринской дороге; все неудержимо лезло бессознательно назад, руководимое общим желанием выбраться скорее из района боя, громовые отзвуки которого и справа, и слева действовали угнетающим образом на нестрелковых и обозных»⁴⁶⁹. Около 9 часов утра несколько японских орудий обстреляли дорогу, началась паника. «Произошло то, – анализировал доктор

Е.С. Боткин, – что происходит в любом театре, когда вся собравшаяся толпа, вследствие действительной или ложной тревоги, должна выйти из здания через его узкие проходы. Произошла давка, паника; люди, находившиеся в крайнем нервном напряжении, совершенно обезумели: забыли родство, чины, душу, Бога и только спасали свой живот. Реакция соответствовала героизму предшествовавших дней»⁴⁷⁰.

В какой-то момент единственной управляемой силой, бывшей в распоряжении Бильдерлинга, Мартсона, Алексеева, был штабной конвой. Один из его младших офицеров предложил отправить этих кавалеристов в атаку на японские орудия. Но кризис был преодолен за счет нескольких полков, отступавших в порядке – их и направили на выстрелы. После этого Бильдерлинг и Мартсон отправились дальше, а руководить или, вернее, пытаться руководить, остался Алексеев⁴⁷¹. В принципе, это руководство уже сводилось к тому, что, находя в отступавшей толпе какую-нибудь часть с офицерами, идущую в порядке, генерал-квартирмейстер армии направлял ее на прикрытие отступления. Беспорядок рос лавинообразно, начиналась полная потеря морали, когда заставлял бежать визуальный контакт с разездом противника⁴⁷². Тем не менее, управляемые подразделения еще встречались. Это мог быть и батальон с батареей и пулеметом, даже команда хлебопеков – все бросалось на укрепление цепи по сторонам Мандаринской дороги. «Недоумевавшие лица солдат этой команды, – вспоминал находившийся при Алексееве полковник Парский, – хорошо запечатлелись в моей памяти»⁴⁷³.

Естественно, что для этого импровизированного заслона, находящегося под обстрелом артиллерии противника, было важно иметь поддержку собственной артиллерии. Но управлять батареями в этом беспорядке было сложно – некоторые из них произвольно снимались с позиций, отстрелявшись по одной, раз указанной цели. При приближении японской пехоты артиллеристы не хотели рисковать своими орудиями и уводили их на дорогу. К часу дня она опять оказалась под перекрестным обстрелом японских пушек⁴⁷⁴. И здесь, в котловине у реки Пухэ, армия окончательно разложилась, именно с этого момента применимы слова Алексева: «25 февраля армия не хотела сопротивляться (подч. Алексеевым. – А. О.)»⁴⁷⁵. В обозе и среди отступавших началась паника, после которой порядок уже навести было невозможно. Офицеры штаба армии собирали бежавших группами по 15–20 человек, но они разбежались при первом же взрыве шимозы. Повозки мчавшихся обозов калечили людей, особенно отличились артиллерийские парки с мощными лошадьми, сметавшими все на своем пути⁴⁷⁶. Находившийся с конницей у западного края «Мукденского горлышка» А.И. Деникин имел возможность наблюдать произошедшее: «Одни части пробивались с боем, сохраняя порядок, другие, расстроен-

ные, дезориентированные – сновали по полю взад и вперед, натываясь на огонь японцев. Отдельные люди, то собираясь в группы, то вновь разбегаясь, беспомощно искали выхода из мертвой петли. Наши разъезды служили для многих маяком ... А все поле, насколько видно было глазу, усеяно было мчавшимися в разных направлениях повозками обоза, лазаретными фургонами, лошадьми без всадников, брошенными ящиками и грудями развороченного валявшегося багажа, даже из обоза главнокомандующего ... Первый раз за время войны я видел панику»⁴⁷⁷.

Обозные обрубали построения и спасались верхом – о масштабах происходившего можно судить по потерям 2-й и 3-й армий в материальной части. Были потеряны 29 скорострельных орудий, 46 лафетов, 44 передка, 547 зарядных ящиков, 9 передних ходов зарядных ящиков, 279 патронных двуклоков, 753 хозяйственных двуклоки, 79 походных кухонь, 489 разных повозок. Теттау говорит о 6000 повозок, потерянных при отступлении от Мукдена⁴⁷⁸. Большая часть этих потерь, без сомнения, выпадает на Мандаринскую дорогу. Гибель обоза завершила разложение еще контролируемых войск. Штаб ничего не мог сделать. Солдаты бросали оружие, грабили брошенное имущество, даже повозки штаба 3-й армии. Алексеев потерял в эти минуты свои ордена и часть бумаг, все это находилось в обозе, и он не сомневался, что это было результатом действий мародеров⁴⁷⁹. Территория в несколько квадратных километров была усеяна убитыми, ранеными и... пьяными. Штаб армии, снова собравшийся у выхода из этой котловины, мог только наблюдать: «Обширное ровное поле было усеяно шедшими и бежавшими врасыпную солдатами, всюду валялись сломанные повозки с выброшенными из них вещами, некоторые из них горели, видны были бежавшие люди и много лошадиных трупов ... Это была картина бегства!»⁴⁸⁰

Русская армия отступала в полном беспорядке. «Японская армия была очевидно истощена, – вспоминал П.А.Половцов, – и не преследовала нас. Если бы они только послали за нами несколько эскадронов хорошей кавалерии, катастрофа могла бы стать ужасной, но они дали нам уйти»⁴⁸¹. К счастью, японцы не заметили сразу отхода русских сил из «мешка» и начали преследование в центре русских позиций, на фронте 3-й армии, около полудня 25 февраля (10 марта). Только тогда армия Оку начала движение и заняла Мукден к четырем часам дня – в результате русские арьергарды были отрезаны⁴⁸². Отряд генерала Ганненфельда втянулся в город и вынужден был сдать. Организованное отступление смог организовать только подполковник Генерального штаба Л.Г.Корнилов – начальник штаба 1-й стрелковой бригады. Под его руководством 17 рот из 3 стрелковых полков не только сумели сохранить порядок, но и присоединить к себе стихийно отступавшие команды. Теснимый и обстреливаемый с трех сторон, отряд Корнилова спас несколько пулеметов и знамя 10-го стрелкового полка и к

семи часам вечера соединился с основными силами армии. Корнилов уходил вдоль насыпи железной дороги. Арьергардный бой шел без всякого руководства высшего начальства. Его и не могло быть, до вечера связи между штабами армий и штабом главнокомандующего не было⁴⁸³. Потери русской армии были огромны. Кроме оставленных 29 скорострельных трехдюймовок, были потеряны 2 полевые мортиры и 2 поршневых орудия. В плен попали почти 30 тыс. рядовых, один генерал, убито и ранено свыше 60 тыс. человек. 5 полков потеряли свои знамена (4 из них, как выяснилось позже, удалось спасти и вернуть, в том числе и из плена)⁴⁸⁴.

После Ляояна, когда Куропаткин сумел отвести войска в порядке, не было ни таких потерь, ни ощущения, что война окончательно проиграна. Один из германских наблюдателей, генерал Кемерер, который находился тогда при русской армии, осенью 1904 г. вспоминал ситуацию, которая сложилась «у Ляояна, где весь мир, по крайней мере, англосаксонский мир, ожидал второго Седана. Этот прерванный бой большого стиля дал японцам лишь выигрыш места, но они не взяли ни одного пленного, ни одного трофея; то была вполне бесплодная, отрицательная победа, купленная, однако, ценою почти 20 000 человек. Япония не в состоянии выигрывать много таких побед, а Россия может перенести еще несколько таких поражений»⁴⁸⁵. Строго говоря, «Седана», то есть окружения и полного уничтожения армии, не было и в этот раз, но потери оказались слишком велики, и уже никто не говорил, что русская армия сможет перенести несколько таких поражений. Дело, конечно, не только в потерях людских и материальных. «Для каждого непредубежденного человека, – отмечал Теттау, – было ясно, что после сражения под Мукденом исключалась всякая вероятность поворота уже определившегося исхода войны. Правда, русские имели полную возможность пополнить свои потери в людях и оружии; они имели возможность получить из дому гораздо больше, чем на это могли надеяться японцы, но нельзя было наполнить потерю нравственного духа войск, их готовность к самопожертвованию, веру в собственные силы, а самое главное – доверие войсковым начальникам»⁴⁸⁶.

Катастрофа под Мукденом, или, вернее, неудачное сражение под Мукденом, закончившееся катастрофой на Мандаринской дороге, интересна по нескольким причинам. Как мне представляется, она имела многоплановые последствия.

Во-первых, поскольку она стала возможна в результате работы импровизированных штабов, генералитет, прошедший это испытание, на полях Первой мировой войны воздерживался от повторения этих ошибок. В случае создания новых армий Алексеев, например, предпочитал использовать уже сложившиеся управления армий. Во-вторых, на Мандаринской

дороге судьба свела людей, отношения между которыми будут иметь огромное значение для периода 1914–1918 годов. Достаточно назвать имена М.В.Алексеева, Н.В.Рузского, Л.Г.Корнилова, А.И.Деникина, С.Л.Маркова. Истоки знаменитой вражды между Рузским и Алексеевым, например, как мне представляется, нужно искать не во время Галицийской битвы 1914 г., а во время Мукденского сражения. Именно ошибки штаба 2-й армии, возглавляемого Рузским, привели к тому, что произошло на Мандаринской дороге. С другой стороны, известно, что Корнилов весьма критически относился к организационным и даже военным способностям Алексеева – в 1917 и 1918 гг. это также имело большое значение, и нельзя не признать, что в глазах младшего поколения генштабистов – того же Деникина и Маркова – авторитет Лавра Георгиевича стоял выше, чем у кого-либо. Конечно, Корнилов стал лидером военной антибольшевистской оппозиции в августе–сентябре 1917 г., но начало его популярности как военного лидера приходится именно на февраль 1905 г. В-третьих, эти февральские дни породили у участников мукденских боев жесткую критику не только армейских, но и государственных порядков. Любое поражение порождает у современников мысль о преобразованиях. Их масштабность измеряется тем, насколько велика, в оценках проигравшей стороны, катастрофа. Цусимское сражение произошло в тот же день, что и коронация Николая II. Император заметил это, безусловно, неприятное для него совпадение⁴⁸⁷. Наиболее точно, на мой взгляд, его чувства передает запись от 14 (27) мая 1907 г.: «Памятный день, навсегда омраченный ужасной гибелью флота в Цусимском бою!»⁴⁸⁸ Во время Первой мировой войны использование линейных сил флота было возможно только с его санкции. В отличие от монарха, у Алексеева воспоминания о русско-японской войне прежде всего были связаны с Мукденом. «Февральские» мысли генерала выходили далеко за рамки только военных реформ. Более того, дни 23–27 февраля долгое время оставались самыми черным периодом его жизни, и, как мне представляется, его «послемукденские» размышления позволяют лучше понять поведение начальника штаба верховного главнокомандующего в те же дни 1917 г.

Даже поздно вечером 25 февраля порядка среди отступавших русских войск не было, в темноте к панике и давке добавилась хаотическая стрельба, которой бегущие защищали себя от несуществующих японских разъездов. Утром 26-го Мандаринская дорога по-прежнему представляла из себя смесь из частей 2-й и 3-й армий. Только между двумя и тремя часами дня 26 февраля (11 марта) Алексееву с огромным трудом удалось собрать отряд из 12 батальонов с 3–4 батареями, который стал прикрывать отступление армии на Телин⁴⁸⁹. Под ним, по позднейшим воспоминаниям, была убита лошадь. В мае 1905 г. за эти действия Алексеев был награжден орденом, зо-

лотым георгиевским оружием, а в ноябре, «за отличие в делах против японцев» – орденом св. Станислава 1-й ст.⁴⁹⁰. Награды тогда раздавались активно, и, хотя генерал-квартирмейстер 3-й армии действительно сделал, что мог, со своей задачей он справился плохо, пусть и по чужой вине. Кроме официального историографа генерала, более никто не упоминал о том, что опасность была так близко к нему. Впрочем, в этом не было необходимости – штаб армии находился в пределах огня японцев и потерял 25 февраля одного человека – подполковника Кортацци⁴⁹¹. Сотрудник Алексева дал самую высокую оценку его действиям: «Огромные услуги армии, особенно в период боев и отхода, оказал достойнейший М.В. Алексеев, наш генерал-квартирмейстер. Соединяя в себе высокие нравственные качества и глубокий патриотизм с необычайною преданностью долгу и счастливою способностью быстро складывать все в уме и ясно, безошибочно излагать всякое распоряжение, – человек этот являлся незаменимым в боевой обстановке, требующей спокойствия, быстрой и точной распорядительности»⁴⁹². Сам генерал явно не воспринимал золотое оружие как заслуженную награду. Получив это награждение, он даже не известил о нем сразу родных, и единственная мысль, которая его беспокоила, – это необходимость затрат для переделки эфесов шпаги и шашки⁴⁹³.

Отступавшие толпы состояли из людей, которые по несколько суток не получали не только горячего, но и вообще никакого питания. Уже в последние дни боев под Мукденом систематическое снабжение войск было сорвано импровизационным «отрядостроением» Куропаткина, а после 25 февраля, когда он отдал приказ отводить обозы на север, связь войск с интендантскими магазинами была полностью утеряна⁴⁹⁴. Сказывалось перенапряжение – от усталости люди засыпали на ходу, падая на обочины дороги от изнеможения. «У всех была одна цель: поскорее дойти до Телина, – вспоминал один из отступавших, – где были готовы позиции для отступающих армий и где предполагалось остановка орды, в которую превратились наши обозы»⁴⁹⁵. Подходы к городу были укреплены. Телинская позиция была предназначена для обеспечения переправы и удержания неприятеля в случае отхода русских войск на север по дефиле между горами и рекой Ляохе. Она была рассчитана на 2 армейских корпуса, для которых было построено 24 батареи, 2 форта, 3 люнета, 9 редутов на 1–2 роты каждый. Между этими укреплениями были проведены окопы и ходы сообщения. К работам приступили с июня 1904 г., с небольшим перерывом в августе они велись вплоть до ноября. К началу 1905 г. укрепления были почти готовы⁴⁹⁶.

Кроме того, в Телине еще ранее был устроен тыловой армейский интендантский склад. Впрочем, до него еще нужно было дойти. Идущие по все той же Мандаринской дороге люди бросали все, что казалось им те-

перь лишним. Выбившиеся из сил голодные животные уже не были им помощниками. «Никогда в жизни, – вспоминал корпусной контролер 6-го Сибирского армейского корпуса, возглавивший отход обоза II разряда, – мне не приходилось видеть столько падали, как здесь, – на каждом шагу валялись павшие или находящиеся при последнем издыхании лошади, мулы, ослы; вся дорога была усеяна всевозможными вещами, усыпана гаоляном, овсом, сапогами, сукном, мундирной одеждой и т.п. Я даже подобрал совершенно новую швейную машинку Зингера в футляре. По этой же дороге шли целыми толпами нижние чины без офицеров, всех родов оружия, лица у всех были серьезные, нахмуренные. На мой вопрос: «Куда вы идете?» они отвечали: «За людьми». Да и что другое они могли ответить? Оторванные от своих частей, без руководителей, не зная, где их части находятся, они и могли идти только «за людьми», руководимые инстинктом самосохранения. Не только нижние чины, но и начальствующие лица в большинстве случаев не знали, где находятся вверенные им части. Вдоль Китайско-Восточной железной дороги были устроены так называемые колонные саперные мосты, которые все без исключения в самом начале отступления разрушились от тяжести повозок и артиллерии»⁴⁹⁷.

Интендантские склады вдоль дороги были частично сожжены, а в сохранившихся отступавшим не выдавали ни продовольствия, ни фуража без распоряжений начальства. Таковых не поступало, так как штабы утратили управление над войсками и тылом. При приближении японцев склады сжигались, и голодные солдаты могли видеть дым их пожаров. Тем не менее, во многом благодаря отряду, собранному генерал-квартирмейстером 3-й армии, отступление ее проходило с меньшими потерями, чем шло ранее. Порядок сохранялся только на железной дороге и в арьергарде. При отходе взрывались мосты, разрушалось железнодорожное полотно, до последнего момента на своих постах оставались телеграфисты, уходившие с последними солдатами, уничтожая все, что невозможно было вывезти. Это позволяло поддерживать связь, но в тылу отсутствовал штаб, который мог бы воспользоваться ею⁴⁹⁸. 27 февраля к пяти часам вечера эта колоннообразная масса достигла Телина, где Алексеева ждали командующий Армией генерал Бильдерлинг и начальник штаба армии генерал Мартсон. Только с этого времени была налажена связь со штабом Куропаткина – 3-й армии было приказано отходить в тыл под прикрытием 1-й и 2-й. Это был единственный способ навести порядок в войсках – потерять контакт с противником и выиграть время. 1-я армия Линевиича отходила в большом порядке, удачно задерживая японцев на промежуточных рубежах⁴⁹⁹.

Обстановка в Телине исключала возможность восстановить дисциплину и организацию. Пришлось оставить мысль удержать укрепленный город. Уставшие и голодные люди собирались у складов, где поначалу никто

не мог принять решения о выдаче продовольствия – распоряжений долгое время не было, что вызвало недовольство у солдат и офицеров. Возникла угроза повторения событий на Мукденском вокзале. «Главный интендант, – вспоминал контролер 6-го Сибирского корпуса А.И. Гусев, – сейчас же распорядился отпустить провиант и фураж по простым запискам, за подписью офицеров, ограничиваясь указанием количества и названия части. Что делалось около складов – трудно описать словами. Огромная орава озверелых от голода людей осаждала склады и буквально рвала друг у друга караван хлеба, сухари, крупу, соль. Громадные скирды сена уничтожались в несколько минут»⁵⁰⁰. В таких условиях армия по-прежнему не была способна защищать себя. Да и армии по-прежнему не было. Полковник Парский, прибывший с Алексеевым, так описал обстановку: «В городе был страшный беспорядок, особенно около вокзала, где отправляли на север раненых, и у складов; кажется, тут можно было встретить толпящихся представителей решительно всех частей; много, вероятно, было и беглецов, которых, говорят, перехватывали иногда далеко за Телиным. Впоследствии от бывших тут в последний день боя лиц приходилось слышать о происходивших в городе безобразиях – беглецы силою занимали места в поездах, тесня раненых, грабили склады, было много случаев оскорбления офицеров, пытавшихся остановить и водворить порядок и проч. Так откликнулась в тылу Мукденская катастрофа!»⁵⁰¹

Отступая, армия продолжала нести потери и расплачиваться за скверное управление. Эвакуировав из Мукдена прежде всего госпитали и санитарные части, главнокомандующий не озаботился тем, чтобы оставить хотя бы часть их в Телине. Ранним утром 25 февраля (10 марта) туда подошел эшелон с Каульбарсом и его штабными работниками. «Погода была отвратительная, – вспоминал один из них, – было сыро, холодно и мокро. За неустройством тыла, раненых некуда было принимать: не хватало ни носилок, ни санитаров. Весь вокзал был забит носилками с ранеными, до 150 раненых валялось прямо на платформе, под мелким дождичком»⁵⁰². Те части, которые приходили в город через двое суток после этого, стали свидетелями последствий беспорядка, вместо раненых у вокзала уже лежали мертвецы: «Мрачная картина верещагинских полотен: серый день, пыль, большая площадь у серой железнодорожной станции, на которой аккуратными рядами сложены солдатские трупы в серых шинелях – сотни их – и снующая мимо безучастная, ко всему привыкшая толпа в таких же серых шинелях»⁵⁰³.

Можно без преувеличения добавить, что процесс разложения армии, начавшийся в неразберихе отхода с левого берега Хуньхе и достигший своего пика вслед за паникой на Мандаринской дороге, откликнулся не только в ближайшем тылу трех маньчжурских армий. Никогда еще со времен

Нарвского поражения русский офицер не терял контроля над солдатом при столь трагических обстоятельствах. Естественным следствием этого была коррекция наследия либеральных реформ и почти поголовного увлечения народническими идеями. Получив летом 1905 г. известия о восстании на эскадренном броненосце «Князь Потемкин-Таврический», Алексеев вспомнил полковника Тимофеева, смертельно раненого солдатами при отходе с мукденских позиций: «И матросы на «Потемкине» и эти озверелые труссы – одного происхождения. И те, и другие – продукт падения дисциплины. Народилось у нас, с легкой руки Драгомирова, преклонение перед «святою серою скотинкою». Офицера унижали, серую скотинку баловали, забывая, что она, как скотинка, требует строгости, обучения и воспитания»⁵⁰⁴. У Драгомирова суворовская легенда, странным образом наложившаяся на увлечения идеями Герцена (во всяком случае до 1863 г.), действительно привела к тому, что знаменитый генерал демонстративно третировал офицеров перед солдатами. При традиционном переносе русским обществом схемы «крепостной-помещик» на отношения «солдат-офицер» эта позиция была обречена на популярность. Идеи возвращения «исторического долга» веками эксплуатируемому народу, постепенной эмансипации солдата явно не годились для армии. Война поставила под вопрос все наследие Драгомирова. Во всяком случае, такой вопрос звучал среди ее участников.

СЫПИНГАЙ

28 ФЕВРАЛЯ (13 марта) Телинские позиции начали занимать части 1-й армии, но 3 (16) марта они продолжили свой отход. В это время активные действия командования 3-й армии привели к восстановлению в ней дисциплины. Порядок наводили еще долго. По свидетельству генерала Соболева, 23 марта (5 апреля) 1905 г. начальник штаба 2-й армии генерал Рузский искал потерявшиеся еще в ходе боев роты 4-го Сибирского корпуса в составе 6-го Сибирского. К Сыпингаю, находившемуся почти в 200 километрах севернее Мукдена, армия прибыла к 9 (22) марта⁵⁰⁵. 2 (15) марта Куропаткин был смещен с поста главнокомандующего и через два дня сдал командование Линевичу⁵⁰⁶.

Это был семидесятилетний старик, окончивший училище еще при Николае I. Войска называли его «папашкой». Дело, конечно, было не в возрасте, который, по мнению Алексева, был злом «не столь большой руки». Михаил Васильевич дал весьма верную и справедливую оценку способностей нового главнокомандующего: «Природный ум у него есть, но ум этот подготовлен для управления дивизией»⁵⁰⁷. Между тем перед

ним стояла колоссальной сложности задача – восстановить доверие войск к командованию и вновь сделать группу из трех армий силой, с которой вынуждены были бы считаться японцы. «Тяжелое наследство досталось Линевичу, – отмечал в начале апреля доктор Боткин. – От всех армий, ходят слухи, осталось всего 180 000. Подсчет, конечно, еще очень приблизительный, так как до сих пор еще понемногу отыскиваются кое-какие части. Потери, – тоже приблизительно, конечно, – высчитывают до 107 000! Раненых и больных считают до 65000, убитых тысяч 20, остальные же оставлены или взяты в плен! Одной батарее не досчитываются вместе со всеми людьми, хотя всего орудий оставлено относительно немного – тридцать одно. Японские потери считают тысяч в 120»⁵⁰⁸.

3-я армия также получила нового командующего – им стал генерал от инфантерии М.И. Батьянов⁵⁰⁹. Таким образом, в период активных военных действий ее командующие – Каульбарс и Бильдерлинг – сменялись максимум через 2,5 месяца. Каких-либо других изменений в управлении армиями вслед за этим не последовало, да их, собственно, и не могло быть. «Та бесшабашная бестолочь, – отмечал Алексеев через десять дней после этой смены, – которая отличала все управление Куропаткина и его штаба, по печальному наследию перешла и к новому составу»⁵¹⁰.

Германский Генеральный штаб не считал войну проигранной для России. «Он считал совершенно исключенным, чтобы Россия была вынуждена заключить мир даже и в случае дальнейших побед японцев на суше и на море. Японцы могут захватить Сахалин, а также и Владивосток, но где-нибудь в сибирских степях они должны будут остановиться и будут вынуждены в боевой готовности с колоссальными затратами дожидаться, пока русская армия спустя многие месяцы не сделается снова боеспособной, – вспоминал Бюлов. – Генерал Куропаткин допустил некоторые большие ошибки, но при контрударах он развил исключительную энергию. Наш Генеральный штаб считал, что решающий момент для России заключается в выдержке»⁵¹¹. К этому можно лишь добавить: выдержке верховного командования. Но как раз ее и не было. И, хотя смена главнокомандующего была встречена в армии с радостью, но за спиной ее было слишком много поражений. Значительная часть солдат и офицеров не могла верить в победу. Армия могла обороняться, но не наступать⁵¹². Хороших вестей, которые могли бы поднять настроение солдата и офицера, почти не было. Использовали любую новость. В ночь на 21 марта (3 апреля) 1905 г. через линию фронта перешел отряд сотрудииков Красного Креста, оставшихся с ранеными в Мукдене. 460 тяжело раненых русских солдат и 405 раненых и больных японцев не были эвакуированы из армейского госпиталя. С ними осталось значительное количество медицинских работников, которые по правилам войны, соблюдавшимся тог-

да японской армией, были возвращены «в Россию». Группа из 9 сестер милосердия, 26 врачей и 65 санитаров во главе с А.И. Гучковым была переправлена на Сьпингай, а еще около 200 человек была перевезена в Чифу, для возвращения домой по морю. Подвигу А.И. Гучкова было уделено немало внимания, главнокомандующий лично сообщил о нем в телеграмме на имя вдовствующей императрицы Марии Федоровны⁵¹³. Так начиналась всероссийская популярность будущего думского политика.

Впрочем, боеспособность все же постепенно восстанавливалась. Русские войска не раз удивляли всех быстрым восстановлением морали после поражений. Русский солдат не терял веру в себя, но всегда ли он верил тем, кто вел, а тем более посылал его в бой? Куропаткин умел заботиться о частях, солдат видел и ценил это и даже готов был простить ему поражения. Но в армии не было механизма управления, который мог бы реализовать это сильное качество крестьянина и казака. Паники и растерянности уже не было, но войска и командование потеряли уверенность в том, что окончательная победа будет за ними. Как вспоминал офицер одного из казачьих полков, «у нас в армии так укоренилась пагубная привычка отступать «перед численным превосходством неприятеля на более выгодные позиции», что в большинстве случаев наши вожди спешили отступать слишком преждевременно. Донесения же главнокомандующего Линевиича о том, что «армия рвется в бой», были слишком далеки от истины. Безнаказанность деяний некоторых генералов и слабый состав высших начальников совершенно деморализовали нашу армию»⁵¹⁴.

То же произошло, по свидетельству современника, и на этот раз: «Тем временем эластический русский дух наш, которому так дивятся иностранцы, стал, как Ванька-встанька, снова подыматься. Впечатление Мукдена стало отходить в привычное прошлое: стали подходить тысячи людей, считавшихся пропавшими без вести; все более и более выяснялось, что японцы не хотят или не могут на нас наступать»⁵¹⁵. Наступать вообще никто не собирался. «Умудренные горьким опытом Мукдена, – вспоминал военный инженер, – не веря в собственные силы, мы деятельно занялись тылом, проводили дороги, строили мосты, прикрывая их укреплениями... между тем армии росли»⁵¹⁶. Если дух солдата медленно восстанавливался, то командование прежде всего заботилось об организации обороны и отступления. «Если принимать в расчет только материальные условия, т.е. условия численности армии, количества артиллерии, запасов огнестрельных и других припасов, стратегическое положение армий и т.п., – отмечал дореволюционный исследователь войны, – то шансы (на успех наступления. – А.О.) безусловно, были. Но не было веры ни в себя, ни в свои силы, ни в начальников. Очень вероятно, что такое безверие ощущалось и в верхах, армии и, пожалуй, этим надо объяснить отказ бывшего

главнокомандующего от попытки еще раз померяться с оружием в руках с победоносным противником, несмотря на то, что материальные условия представлялись для нас на Сыпингайских позициях такими выгодными, как никогда за кампанию, и несмотря на то, что вся Россия, от царя до последнего крестьянина, жаждала победы»⁵¹⁷.

Теттау назвал Сыпингай «могилой наступательной идеи», приведенные в порядок войска сделали все для того, чтобы сделать успешное наступление японцев невозможным. Только на участке 2-й армии было построено 95 полевых укреплений, 100 мостов, 450 километров дорог, 60 деревень были превращены в опорные точки, установлено 350 000 квадратных метров искусственных препятствий⁵¹⁸. Пять корпусов армии были распределены между этими укреплениями по фронту в 45 верст. «В среднем, – отмечал Б.В. Геруа, – на каждые 450 шагов, т.е. на каждый *прямой выстрел* (выделено авт. – А.О.) приходилось по одному опорному пункту. Фронтальная огневая преграда действительно создавалась, но укрепления требовали зато такого числа гарнизонов, которое отнимало возможность иметь достаточно сильный армейский резерв для маневра. Негде и нечем было бы маневрировать и в корпусах. Маймаканская «позиция» (которую занимала на Сыпингае 2-я армия. – А.О.) – типичная представительница отсутствия *живой* (выделено авт. – А.О.) мысли: никакого желания двигаться. Сквозит одна мысль: *не подпустить* (выделено авт. – А.О.) к себе противника... оттолкнуть его от себя...»⁵¹⁹ Неудивительно, что первое распоряжение, сделанное Линевичем на этих создающихся позициях, предписывало начать рекогносцировки новой оборонительной линии глубоко в тылу, по Сунгари. Поэтому даже когда Сыпингайские позиции стали неприступными для фронтальной позиции, никто не мог поручиться, что в случае их обхода с фланга не повторится история Ляояна и Мукдена⁵²⁰. Рекогносцировочные работы, в которых принимал участие и Алексеев, осложнялись и отсутствием карт – в Главном штабе не могли себе представить, что война может зайти так далеко на север, и не подготовили их⁵²¹.

Единственным разумным изменением, давшим решение тяготевшей над русскими тылами проблемы, был найм хунхузских отрядов. Алексеев смотрел на это явление, как на продукт социальной системы: «Когда исчезнут чиновники, грабители, тогда – быть может – исчезнут хунхуз. Но последний работает исключительно на китайской спине. Только за последнее время их стали нанимать и организовывать японцы, направляя против нас»⁵²². Действительно, небольшие группы «краснобородых» использовались японцами, и иногда они позволяли себе нападения на отставших русских солдат и небольшие партии фуражиров, действовавших в стороне от линии фронта⁵²³. Это и было причиной изменения отношения русского командования к данной проблеме. В принципе, использование хунхузов бы-

ло абсолютно верной, хотя и рискованной в перспективе мерой. Гарантии того, что обученные бандиты при других обстоятельствах не обратятся против России, никто дать не мог. Один из вождей группы хунгузов, действовавших на стороне Японии, был никто иной, как Чжан Цзо-лин – будущий диктатор Маньчжурии⁵²⁴. Китайское население, и прежде всего сельское, страдало от действий двух противоборствующих армий. При устройстве полевых укреплений с места сгонялись целые деревни, процветала шпиономания. Однако, по свидетельству Алексеева, даже на Сыпингае китайцы продолжали помогать выявлять японских шпионов⁵²⁵. Инструкторской работой среди хунгузов занимался офицер штаба 3-й армии. В результате в эти отряды были командированы несколько офицеров и унтер-офицеров, и скоро около 400 хунгузов стали достаточной силой для того, чтобы обеспечить надлежащий порядок в тылу⁵²⁶.

К практике «договорных банд» обычно обращается лишь армия, которая теряет веру в успех. Никогда еще за всю войну развитие событий на фронте не зависело столь сильно от морального состояния армии. В Маньчжурию шли пополнения, после Мукдена в действующую армию было отправлено 194 батальона, 48 сотен, 916 орудий, 496 пулеметов. К началу сентября 1905 г., то есть на момент заключения перемирия, на Сыпингай прибыло 130 батальонов, 48 сотен, 468 орудий, 332 пулемета и 10,5 инженерных батальонов⁵²⁷. Но эти войска вместе с материальной силой приносили с собой новости из страны, уже охваченной революцией. Изменились настроения даже среди офицерского корпуса, особенно среди офицеров «военного времени». Рост пацифистских настроений особенно волновал Алексеева: «Это – болезнь, именуемая дряблостью воли и характера, болезнь, нами самими взращенная... Волнения внутри способствуют развитию деятельности миротворцев. Что за дело для них, что теперешний мир явится началом разложения России; скорее бы встряхнуть с себя какое-то неприятное время. Для достижения цели нужны упорство, настойчивость, вера в свои силы, готовность жертвовать. Кто бы дал современному русскому все эти высшие блага гражданина? Победа должна быть наша (везде подч. Алексеевым. – А. О.), если мы сумеем довести дело до конца»⁵²⁸.

Японская армия под Сыпингайскими позициями не торопилась переходить в наступление, а Линевиц, как и его предшественник, считал для себя единственно возможным способом действий оборону. После строительства укреплений и подготовки путей возможного отступления новый главнокомандующий маньчжурскими армиями дал начальникам штабов указание подготовить соображения о производстве встречного удара против японцев. В написании различных проектов особенно отличился штаб 1-й армии во главе с Куропаткиным. Единственным, по мнению Теттау, достой-

ным внимания был доклад генерал-квартирмейстера 3-й армии: «Генерал Алексеев, вообще, не сочувствовал мысли вести наступление только после отражения неприятельской атаки и считал бессмыслицей выработать план во всех подробностях на основании такого предположения. Приблизительное предположение может быть выработано, если предписываешь противнику свою волю, если предполагаешь поставить его в зависимость от собственных поступков. Если же наступление откладывается до того, вполне неопределенного и зависящего от обстоятельств, момента, когда противник потерпит неудачу в своем наступлении, то невозможно предусмотреть условия, при которых придется переходить в наступление, – прежде всего, хотя бы потому, что неизвестно, в каком положении и при каких позициях нас застигнет окончание борьбы»⁵²⁹. Алексеев был очень активен, с возможным переломом хотя бы на сухопутном фронте он связывал надежды на выход из кризиса. «Нам нужна победа, – писал он 27 апреля (9 мая) 1905 г., – без нее будущее России чревато тяжелыми событиями и днями»⁵³⁰. Поражение было опасно и потому, что оно делало, по его мнению, неизбежной будущую войну. Слабость страны спровоцирует новое нападение, и сил для его отражения будет отнюдь не больше, чем в 1905 г.⁵³¹. В этих рассуждениях содержится рациональное зерно. Идея реванша порождается не столько желанием мести победившему соседу, сколько страхом перед внешней угрозой, осознанием собственной слабости. Пример Франции после 1871 г. говорил о многом. Конечно, Япония не могла стать такой же угрозой для России, каковой была для ее союзницы Германия. Но слабость русской армии могла спровоцировать войну в Европе. Эта мысль постоянно угнетала Алексеева, даже в августе 1905 г., когда надежд на благополучное завершение этой войны победой не было, он уже думал о будущей: «Что будет чувствовать армия в случае заключения мира? Она не будет сознавать себя способной к победе в будущей войне. «Куда нам!» – вот что будет копошиться в глубине души у каждого»⁵³².

Перед отъездом в Портсмут С.Ю.Витте встретился с великим князем Николаем Николаевичем-мл. Тот считал, что русская армия в Маньчжурии дошла до пределов упругости, и эта пружина, разогнувшись, может погнать японцев вплоть до Квантуна. Однако для осуществления этой программы нужны были средства и готовность идти на жертвы, а отсутствие флота исключало возможность нанести Японии решающий удар, довести войну до победного конца⁵³³. После Цусимского сражения 14–15 (27–28) мая 1905 г. на такое завершение войны рассчитывать не приходилось. «Первые известия о сражении в Корейском проливе, – сообщал своим читателям в июне 1905 г. «Морской сборник», – приходили в Россию в виде смутных и робких сведений и довольно сбивчивых слухов, но потом уже к вечеру второго дня все сомнения были рассеяны и стало поло-

жительно ясно, что наша эскадра потерпела полное поражение»⁵⁵⁴. Первые официальные телеграммы пришли от Линевица 18 и 19 мая (31 мая и 1 июня)⁵⁵⁵. Тем не менее, армия в Маньчжурии получила известие о катастрофе не сразу. «Единственная газета, – вспоминал один из вольноопределяющихся, – которую мы регулярно получали – «Вестник Маньчжурских армий», – постепенно готовила нас к этому трагическому известию. В ней появилась лишь краткая телеграмма о начавшемся у берегов Японии морском сражении, в котором японцы якобы понесли огромные потери. О наших потерях не было сказано ни слова. И только на седьмой день было опубликовано сообщение о постигшем Россию ужасном поражении. Последняя надежда выиграть войну была потеряна».⁵⁵⁶

Действительно, «Вестник Маньчжурских армий» запоздал с информацией. 15(28) мая со ссылкой на Лондон газета сообщила, что по неофициальным данным крупное морское сражение, в котором японцы понесли якобы поражение, произошло у берегов Формозы (о-в Тайвань). Через три дня появляется первое упоминание о Цусимском бое, результаты которого якобы были неизвестны; среди вероятных русских потерь назывался эскадренный броненосец «Бородино», японские потери оценивались как вероятно высокие. На самом деле, командование уже знало о случившемся. 19 мая (1 июня) «Вестник» признал поражение русского флота, но не решился сообщить о его масштабах, и только 23 мая (5 июня) газета дала полное описание произошедшего⁵⁵⁷. Скрыть произошедшее или размеры его было невозможно. Алексеев возлагал особые надежды на флот, считая, что его победа может поднять дух армии. Эти расчеты не оправдались, но и поражение, на удивление, не вызвало среди рядового состава особой реакции. Очевидно, солдат был очень слабо связан с матросом и плохо представлял себе масштаб и характер произошедшего. Другое дело – офицеры и генералы⁵⁵⁸. Известие о поражении эскадры З.П. Рождественского лишило самых стойких надежды на лучшее будущее. Алексеев писал: «Поражение окончательно сметает нашу морскую силу, а без морской силы – если бы последовали победы на суше – они не могут привести к каким-либо существенным результатам. Ведь только тогда, когда японцам был бы отрезан путь к себе домой, можно было бы здесь бить их с надеждою на то, что в конце концов они вынуждены будут просить мир»⁵⁵⁹.

Последним крупным поражением в этой войне стала японская экспедиция на Сахалин. 7 июня 1905 г. на остров начала высаживаться 13-я дивизия под командованием генерал-лейтенанта Харагучи – около 10 тыс. штыков при 36 орудиях и 12 пулеметах. Японские части в основном состояли из резервистов старших возрастов, лучшие солдаты были отправлены в Маньчжурию. Однако десант пользовался поддержкой флота и полностью владел инициативой. Русские отряды вдвое уступали японцам

по численности, в 8,5 раз по артиллерии, не имели пулеметов, были рассредоточены по острову. Кроме того, они носили импровизированный характер, до половины их состояло из бывших арестантов, которые за участие в обороне Сахалина получали льготы – им списывалось по году из срока наказания за месяц службы. Ссылнопоселенцы получали возможность возвращения домой. Плохо подготовленные к ведению боевых действий, эти добровольческие отряды массами разбежались при первых выстрелах. 1 августа военный губернатор Сахалина генерал-лейтенант М.Н. Ляпунов капитулировал. В ходе боев защитники острова потеряли 800 человек убитыми и 4540 пленными, а японцы – 39 человек убитыми и 121 раненого⁵⁴⁰. Война началась и заканчивалась неудачами. Это не могло не сказаться на настроениях общества, а они, в свою очередь, передавались войскам.

С прибытием подкреплений русская армия не усиливалась, тыл все больше оказывал влияние на фронт. При перевозках войск солдат практически ничем не занимали, самым обычным и распространенным вопросом рядового во время остановки воинского эшелона была просьба дать что-нибудь почитать. Конечно, это предоставляло огромные возможности для революционной пропаганды⁵⁴¹. «Пришедшие из России запасные солдаты, – вспоминал казачий офицер, – были крайне деморализованы и напичканы прокламациями»⁵⁴². В этом нет ничего удивительного – ведь поезда с подкреплениями проходили через Сибирь, территорию чрезвычайно насыщенную антиправительственным элементом. Только 6 (19) мая 1905 г. военный министр решил навести порядок в организации армейского движения в Маньчжурию. Характерно, что это произошло только после того, как проблема стала чересчур очевидной: «Ввиду беспорядков, производимых нижними чинами, следующими на Д[альний] Восток, ввести в эшелонах во время пути на остановках строевые и словесные занятия, придерживаясь устава внутренней службы; воспретить отпуска и отлучки и внушить командам, что поезд также передвижная казарма»⁵⁴³. К сожалению, подобные разумные принципы начали воплощаться в жизнь только тогда, когда на фронте ничего уже нельзя было изменить. В победу никто или почти никто уже не верил.

«Если бы растлевающая мысль о том, что вся Россия жаждет мира, – писал Алексеев в июне 1905 г., – что драться бесполезно, безнадежно (подч. Алексеевым. – А.О.), не коснулась бы нашей армии, то положение наше в Маньчжурии следовало бы признать вполне хорошим, устойчивым... при других головах. Из своего мешка Россия высыпала для этой войны скверный материал и поставила его во главе своих армий»⁵⁴⁴. Во время мирных переговоров генерал Линевиц не предпринял никаких попыток к наступлению, хотя это было чрезвычайно важно для их исхо-

да⁵⁴⁵. По-прежнему высокой была мораль среди казачьих офицеров, их части находились в постоянном непосредственном контакте с противником и не теряли веры в себя и в успех. Совсем другими были настроения среди самого многочисленного рода войск – пехоты, ее офицерский состав был далеким от идеала. «Словом, – писал генерал уже в июле, – здесь мне не раз приходилось встречать тех типиков, которыми переполнены наши пехотные полки (подч. мной – А.О.), типиков, высланных против желаний из России, мечтающих, что можно губить, но не гибнуть, предпочитающих какой угодно мир короткому продолжению войны»⁵⁴⁶. Информация, которая приходила прямыми (через переписку) и косвенными (через газеты и слухи) путями в армию из охваченной революцией страны, действовала на этот материал удручающим образом. В это время в стране бастовали все, даже дети, манкировавшие занятиями по «политическим соображениям». Один из русских журналов поместил шутивное стихотворение о том, как отреагировал бы на доклад о таких стачках Петр Великий:

Школяры, сложивши руки,
 отошли от букваря:
 Не желаем-де науки
 При наличности царя.
 Разъяснить ораве шалой
 Сколько в книгах есть добра,
 А с начальства штраф немалый
 Взять и выгнать со двора⁵⁴⁷.

Не всем происходившее казалось смешным. Алексеев был потрясен тем, что в 3-м классе 1-й классической гимназии Санкт-Петербурга, где учился его сын Николай, «мышата»-гимназисты летом 1905 г. попытались устроить забастовку на уроках латыни. Мальчик отказался присоединиться к одноклассникам, что весьма порадовало отца, отношение которого к стачкам было более чем отрицательным: «Ведь только действительная зараза могла придать такое повальное развитие забастовок. Русская дряхлость, природная склонность к лени оказались всемогущими и бастовать начали все. Те, кто руководил забастовками, имел в виду цель ясную, определенную: прекратить деятельность заводов, изготовляющих суда, орудия и боевые припасы»⁵⁴⁸.

Отношение Алексеева к первой русской революции представляется мне чрезвычайно важным для понимания той роли, которую он сыграл во второй. Оно не было однозначным в том смысле, что отрицательно относясь к революции, он положительно оценивал те институты, которые могли появиться только в результате революционного потрясения.

Алексеев был сторонником парламентской монархии, но при условии, что парламент будет формироваться специалистами, которые будут помогать правительству, а не политиками, которые будут вести с ним борьбу. Это была утопическая схема, на мой взгляд, весьма характерная для представителя армейской верхушки, требовавшей от тыла, во-первых, спокойствия и стабильности и, во-вторых, быстрого и полного удовлетворения нужд армии. Критерием приемлемости политической линии было соответствие этим двум требованиям. Как профессиональный военный, он смотрел на все через призму интересов армии, находящейся на фронте, любое событие он оценивал по тому, как оно могло повлиять на путь к победе. С одной стороны, Алексеев крайне отрицательно относился к прессе не только революционного, но и либерального направления. Она его только раздражала: «В мирное время наша печать замалчивала, игнорировала армию, а когда выдвигала кого-нибудь на сцену из среды армии, то всегда в смешном, глупом виде. Собирабельный русский человек не только не любит своей армии, он считает ее каким-то злом, в которое надлежит отдавать из интеллигенции только отребье»⁵⁴⁹. С другой стороны, его постоянно раздражал непрофессионализм действий официального Петербурга, его отрешенность от реальных потребностей армии: «Пусть посмотрят здесь на потребности и тогда поймут, что трудно воевать, имея в строю офицеров, не давая в руки войска таких же способов борьбы, какими располагает противник, пренебрегающий смертью и ума которого сильно коснулась идея, во имя которой он ведет борьбу»⁵⁵⁰. Нарекания к правительству нарастали вместе с неудачами в действиях армии. Правительство во время пребывания Алексева на фронте не совершило ни одного поступка, который не вызвал бы резкой критики генерала. Особенно его раздражали публикации о начале мирных переговоров, и не только потому, что Алексеев в принципе был против заключения мира до достижения русской стороной успеха. Официальные сообщения о начале переговоров с Японией, по его убеждению, лишали армию моральной готовности продолжать войну⁵⁵¹.

Даже в середине августа 1905 г. Алексеев не изменил своего взгляда: «Неужели вся наша дряблая правящая клика всех рангов и степеней махнет на все рукой и допустит унижительные уступки: будь что будет, а мы войну с плеч и с шеи сбудем, а потом примемся кроить наши внутренние делишки... мы обабились сверху и почти донизу; верхи особенно»⁵⁵². Однако критика правительства и придворных кругов не касалась пока что личности монарха, все дурное связывалось с его окружением: «Лица эти могут довести дело до большой беды своим себялюбием, своей невежественностью в понимании России; доведут до беды царя, а Россию они уже давно довели до нее и теперь обессилели, устали и хотят поскорее сбыть

войну с рук: она для них петля на шее»⁵⁵³. Необходимо отметить, что Алексеев отнюдь не был сторонником неограниченной монархии, хорошим показателем этого может служить его отношение к планам созыва законосовещательной, так называемой Булыгинской Думы.

Рескрипт А.Г. Булыгину был подписан императором 18 февраля (3 марта) 1905 г. – в войсках о нем узнали на финальном этапе сражения под Мукденом. «Вестник Маньчжурских армий» опубликовал его 21 февраля (6 марта): «Преимущественно продолжая царственное дело венценосных предков моих – соби́рание и устройство земли Русской, я вознамерился отныне с Божьей помощью привлекать достойнейших, доверием народа облеченных и избранных от населения, людей к участию в предварительной разработке и к обсуждению законодательных предположений»⁵⁵⁴. Подъема в армии эта новость не вызвала, особого внимания – тоже. Только 13(26) июля 1905 г. Алексеев записал свое отношение к этому нововведению: «Неладное делают и с народным представительством, хотят играть в нехорошую и опасную игру. В критическую минуту обещали и хорошо сделали: пора. Но теперь, по-видимому, сожалеют, что дали обещание, и хотят свести его на нет, передавая будущему собранию значение органа совещательного. Для чего же он? Кто же удовольствуется таким нелепым творением? А ведь теперь все живут, как кажется нам издали, надеждами именно на это собрание»⁵⁵⁵.

ФИНАЛ

21 АВГУСТА (3 сентября) войскам зачитали телеграмму Николая II о том, что предварительные условия мира, предложенные японской стороной в Портсмуте, приняты⁵⁵⁶. 5 сентября 1905 г. был подписан Портсмутский мир, русско-японская война закончилась. Известие о нем вызвало в штабах русских армий в Маньчжурии вздох облегчения. «Все остальное немного мыслящее, – отмечал Алексеев, – опустило голову, сознавая, что государство, не смогшее выказать способности к напряжению своих нравственных, духовных и физических сил, – слабое, дряхлое государство. Страна, не испытывавшая во время войны сладости победы, надолго теряет одно из важнейших военных достоинств – веру в себя, в свои силы, способности»⁵⁵⁷. Война с внешним противником закончилась. На Сыпингае японская сторона предложила заключить перемирие. 31 августа (13 сентября) оно было подписано. Представители русского и японского командования – генерал-майор В.А.Орановский и генерал-майор Ясумаса Фукушима встретились на «ничьей земле» между позициями сво-

их армий. Японцы задержались, вынудив генерал-квартирмейстера главнокомандующего ожидать победителей⁵⁵⁸. По условиям перемирия военные действия прекращались с 12.00 3(16) сентября. Военнослужащим обеих армий запрещалось посещение позиций друг друга, но одновременно начиналось разведение передовых постов и разведок. Армии отходили от боевых укрепленных позиций в лагерь⁵⁵⁹. Ожидания Алексеева скоро подтвердились, как, впрочем, и безосновательность надежд на то, что появление законодательной Думы будет способствовать успокоению страны. Все было как раз наоборот.

С.Ю. Витте, так непримиримо выступавший в ноябре 1904 г. против предложений кн. П.Д. Святополк-Мирского о включении выборных членов в состав Государственного Совета, через год после этого, вернувшись из Америки, уже не считал конституционный строй гибелью России⁵⁶⁰. «Конституция была возведена и обещана; оставалось претворить это обещание в жизнь, – вспоминал один из видных деятелей кадетов. – Но тогда начиналась расплата. Все те свойства Освободительного Движения, которые дали ему победу, оказались вредными, когда было нужно эту победу использовать»⁵⁶¹. Далеко не только одни радикально настроенные партии были заинтересованы в продолжении революции, или, на худой конец, в том, чтобы это продолжение использовать в интересах борьбы с правительством. Правда, в отличие от революционеров, либералы не были настолько едины в видении конечных целей. Иногда они представлялись им в исключительно фантастическом виде. «Говорили много о западноевропейских порядках, – вспоминал другой кадет о выборах в I Государственную Думу, – причем ораторы доказывали, что все они устарели, и почему-то особенно часто упоминалось о Новой Зеландии. Одним словом, происходило нечто в достаточной мере хаотическое и весьма возбужденное ... Настроение было таково, что предпочитали шуметь и митинговать, чем делать дело»⁵⁶². Неудивительно и то, каким стал результат этого избирательного процесса. «Это было собрание дикарей, – вспоминал товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский. – Казалось, что Русская земля послала в Петербург все, что было в ней дикого, полного зависти и злобы. Если исходить из мысли, что эти люди действительно представляли собою народ и его «сокровенные чаяния», то надо признать, что Россия, еще по крайней мере сто лет, могла держаться только силою внешнего принуждения, а не внутреннего сцепления, и единственный спасительный для нее режим был бы просвещенный абсолютизм»⁵⁶³.

Не стали исключением и события в Маньчжурии. Успокоения не было. Хаос, возбуждение, шум и митинги были и здесь делом, которое делали представители политической оппозиции. После Манифеста 17 октября 1905 г. значительная часть ссыльных в тылу армии получила свободу –

пропаганда революционеров только усилилась. «Натиск на войска был ужасен, – отмечал генерал Л.Н. Соболев, – он был поддержан страшными известиями, которые получались из России и между которыми было очень много преувеличенного, очень много выдуманного. Между Россией и армией было прервано всякое сообщение, всякое железнодорожное движение прекратилось; пересылка почты и денег приостановилась; телеграф пропускал только лишь те депеши, которые служили делу революции. Движение запасных на родину прекратилось. Армия была в возбужденном состоянии. Была минута, когда многие боялись за сохранение общего порядка в войсках»⁵⁶⁴. Как только в армии узнали о заключении мира, ее солдаты, особенно мобилизованные запасные, стали ожидать возвращения домой. Они просто не могли понять причины своего пребывания в войсках. Слухи о том, что происходило дома, в России, постепенно доходили до армии и вызывали брожение среди рядовых. Вот к чему приводили эти настроения: «Раздавались голоса, что «солдатам надо устроить «забастовку» и требовать от начальства немедленного возвращения мобилизованных частей в Россию»⁵⁶⁵.

Однако даже к концу сентября распоряжений о демобилизации так и не последовало – 14 (27) сентября Алексеев с опасением отмечает: «Странно, что из Петербурга никаких указаний о порядке возвращения войск. Ждут и жаждут»⁵⁶⁶. Портсмутский договор был ратифицирован императором только 1 (14) октября, и еще через четыре дня последовал манифест о мире с Японией⁵⁶⁷. 1 (14) октября армия узнала о высочайшем соизволении о немедленном увольнении офицеров и нижних чинов запаса, а также вольноопределяющихся, не дослуживших 2–3 месяца до полного года. Оно должно было начаться в Маньчжурии и в остальных частях и учреждениях, дислоцированных в империи после ратификации. О том, что она состоялась, на Сыпингае узнали 5 (18) октября⁵⁶⁸. Однако вместо возвращения домой армия получила волнения в своем непосредственном тылу – в Чите и даже Харбине, которые начались еще до издания Манифеста 17 октября. 15 (28) октября началась забастовка телеграфистов в Чите, ее поддержали другие железнодорожные служащие, демонстранты попытались овладеть складами с оружием. Их рассеяли с применением оружия, но связь армии с этим городом, и, следовательно, с Россией, была в 14.00 утрачена. Главнокомандующий Линевиц отдал распоряжения о сбережении железнодорожного и телеграфного имущества и отправил полковника Захарова с двумя железнодорожными ротами на пограничную станцию Маньчжурия. Его задачей было восстановление железнодорожной и телеграфной связи с Читой и Иркутском. На следующий день, 16 (29) октября, забастовали уже и служащие КВЖД. Захарову удалось арестовать часть телеграфистов на станции Маньчжу-

рия и заменить их военными – ситуация немного исправилась⁵⁶⁹. Военная цензура, введенная еще приказами наместника, адмирала Е.И.Алексеева от 5 (18) и 13 (26) февраля, 11 (24) апреля 1904 г., продолжала осуществлять контроль над всеми известиями, касающимися армии, частными телеграммами и частной письменной корреспонденцией, направляемой за границу⁵⁷⁰.

Однако обратная связь с остальной страной так и не была восстановлена. 17 (30) октября занимавшийся планами эвакуации армии Алексеев с раздражением отмечает: «Даже из «Маньчжурского вестника» мы не знаем, что делается в России – какая-то вакханалия забастовок. Последние вести были лишь о том, что Москва прочно отрезана от всех сообщений, потому что ни один поезд не приходит, ни один не отходит. Неужели то же допустят сделать и с Петербургом? Полное крушение власти и отсутствие лиц, которые нашлись бы в эту минуту, чтобы прибегнуть к мерам решительным»⁵⁷¹.

Слабость верховного носителя власти в Маньчжурии – главнокомандующего – лишала сторонников твердого порядка веры в себя и провоцировала сторонников революции на активные выступления. Под решительными мерами Алексеев понимал широкое использование военной силы, вплоть до введения военно-полевых судов и смертной казни по отношению к активным забастовщикам⁵⁷². Между тем они хорошо понимали язык силы. Когда на станции Маньчжурия стачечный комитет попытался остановить эшелон бывших каторжан, они пригрозили расправиться с бастовавшими, и в результате далее поезд следовал практически без остановок. Это были ссыльные с Сахалина, в основном уголовники, амнистированные за участие в обороне острова и возвращавшиеся из японского плена. Необходимо отметить, что в эшелоне поддерживалась строгая дисциплина⁵⁷³. Даже такой незначительной силы хватало для восстановления работы железной дороги, правда, лишь на время прохода такого поезда.

Были определены сроки и порядок демобилизации. Первенство получали раненые, больные (они-то и пострадали в первую очередь от забастовки, задержавшей часть санитарных поездов на полустанках, где невозможно было даже обеспечить питание), возвращавшиеся из Японии пленные и... офицеры запаса. Еще ранее, 8 (21) октября, главнокомандующий отдал приказ о возвращении в Россию офицеров, нижних чинов и чиновников, состоящих прикомандированными в Маньчжурских армиях, в свои части, правда, при условии, что это не нарушит порядка демобилизации⁵⁷⁴. Лучшие кадры были необходимы для борьбы с революцией и обучения призванных осенью новобранцев. Без сомнения, это было ошибочное решение, вызвавшее опасное недовольство среди рядовых резервистов, рвавшихся домой и жаждавших начала демобилизации. Это было тем более опасно на

фоне происходивших в Маньчжурии и Сибири событий. 21 октября (3 ноября) перестала работать Кругобайкальская железная дорога, власти Иркутска и Харбина безрезультатно взывали к командованию армиями в Маньчжурии с просьбами о присылке войск. Но Линевиц не был в состоянии контролировать ситуацию даже в Харбине – 24 октября (6 ноября) к стачке телеграфистов на железнодорожной станции примкнули железнодорожники⁵⁷⁵. Очевидно, что Линевиц не мог проявить решительность и в действиях на «домашнем фронте». Для этого, и особенно для этого, ему необходима была информация о том, что происходит к западу от Урала, а в штабах имели очень смутное о ней представление. 23 октября (5 ноября) Алексеев записывал: «По приезду в Яомынь новое сведение: Москва объявила свое правительство; в России объявлена Конституция, но Москва ее уже не признала и требует признания ее главенства и ее правителей. Телеграмм нет; ничего положительного никому не известно; главнокомандующий получает краткие телеграммы через Пекин».⁵⁷⁶

Ситуация могла измениться резко. Примерно в 12 часов дня 5 ноября в Харбине все же получили известие о манифесте 17 (30) октября – для передачи этой новости телеграфисты временно отказались от забастовки. Уверенности в том, что забастовщики не пропускают заведомо фальшивую информацию, не было, вместе с манифестом пришла и информация об измене правительству войск московского гарнизона. Реакция Алексеева на этот текст была более чем определенной: «Свобода политическая, если она придется по мерке нашим недоумкам, – вещь хорошая, но какою скорбью растерявшихся людей звучит манифест, возвещающий эту свободу!!! ... Что натворено в России? Жива ли она? Не разделили ли ее на части жиды, армяне... ведь это наши будущие правители и вершители судеб. Ведь либерализм русского человека тем и отличается от либерализма разумного европейца, что последний признает идею национализма, любит свое отечество, радеет о его славе и благе. Наш – отрицает Россию, печется о ее падении и унижении. Все стремления дискредитировать армию, офицеров направлены именно к этому; не будет надежной военной силы, и как быстро пойдет разрушение государства!»⁵⁷⁷ К вечеру по Харбину уже шла демонстрация телеграфистов под красными знаменами, численностью около 3000 человек. Служащие станции Маньчжурия обратились к Линевицу с просьбой об освобождении арестованных Захаровым активистов. Он согласился⁵⁷⁸. В результате волнения только усилились. Телеграф не работал, главнокомандующий не предпринимал ничего и для того, чтобы получить новости кружным путем, через Китай. В штабах армий распространялись слухи о том, что Москва охвачена пламенем, что количество убитых и раненых в ней перевалило за 40000⁵⁷⁹. Остается только представить, в каком виде эта информация доходила до рядового состава!

Между тем именно от настроений «нижних чинов», и прежде всего самого массового рода оружия – пехоты – зависело многое. Активность немногих при пассивном сочувствии большинства и колебании войск – вот схема событий во время восстания в Москве до появления в городе гвардейского Семеновского полка. «Сила восстания, – вспоминал свидетель московских событий С.П. Мельгунов, – конечно, была в ненадежности войск – всю пехоту приходилось держать в казармах»⁵⁸⁰. Нечто подобное происходило и на Сыпингае, за исключением того, что казарм не было, а гвардия не могла добраться в Маньчжурию за сутки. 7 (20) ноября армейская газета опубликовала тексты манифестов 17 октября и 3 (20) ноября (об уменьшении наполовину выкупных платежей, выплачиваемых крестьянством после реформы 1861 г., с 1 (14) января 1906 г. и полном их прекращении с 1 (14) января 1907 г.)⁵⁸¹. Причина объединения публикации этих документов очевидна, однако немедленного эффекта достичь так и не удалось. С каждым днем в войсках распространялись все новые и новые слухи: о восстании в Финляндии, о десятках тысяч погибших в уличных боях в Санкт-Петербурге. Вместе с ними шло разложение армии, особенно внутри нее разлагающим образом действовали вольноопределяющиеся, наиболее близкий интеллигенции элемент. 28 октября (8 ноября) Алексеев отмечал: «Дисциплина, и без того упавшая, падает еще ниже, и неразвитая масса видит свободу в том, что теперь каждый солдат «на одной ноге с офицером». Сознательные развратители армии знают, что этим путем ближе всего можно довести до низкой ступени ценность нашей вооруженной силы»⁵⁸².

30 октября (12 ноября) 1905 г. во Владивостоке начались волнения. Город был переполнен возвратившимися пленными и демобилизованными резервистами. И те, и другие не могли выехать назад, и те, и другие вынуждены были ждать, будучи наполовину военными и наполовину гражданскими уже людьми. Очевидно, сказывались как отсутствие дисциплины и невозможность ее быстрого восстановления в сложившейся ситуации, так и соблазны города. Демобилизованные начали продажу личного имущества. В результате на рынке началась драка между бывшими солдатами и матросами и китайцами. Вскоре она разрослась до волнений городского масштаба. Для их прекращения пришлось использовать войска. О масштабе событий можно судить по количеству пострадавших. Среди принимавших участие в наведении порядка был убит 1 офицер и 13 солдат, ранено 6 офицеров и 22 солдата. В толпе было убито 2 солдата, 13 матросов, 6 гражданских лиц и 3 «инородца», а ранено 32 солдата, 52 матроса, 22 гражданских и 12 «инородцев» (судя по всему, это были по преимуществу китайцы). Волнения удалось остановить только 1(14) ноября⁵⁸³. 5(18) ноября Линевиц обратился к войскам с приказом № 2433. По сути дела, это был не приказ, а воззвание, призыв к солдатам сохра-

нять дисциплину. Временное прекращение демобилизации объяснялось стачкой на железной дороге. Объявлялась и очередность увольнения, привязанная исключительно к дате призыва на войну. Первыми отправлялись на Родину призванные с начала войны и по 1 сентября 1904 г., вторыми – призванные с 1 сентября 1904 г. по 1 марта 1905 г., и третьими – все остальные. Порядок возвращения был следующим: эшелон должен был состоять из 1200 рядовых и 3 офицеров, старшего по эшелону и двух его помощников⁵⁸⁴. В приказе даже не упоминалось о дисциплинарных взысканиях за нарушение дисциплины.

Действия военной власти по отношению к революционным процессам в армии поначалу были, по существу, заигрыванием с ними. В 1905 г. Военное министерство увеличило ежедневный рацион солдат и нормы вещевого довольствия. Это было ответом на «экономические требования», однако, как отмечал один из вдумчивых очевидцев, они возникали «только потому, что вопросы вещественного характера более доступны пониманию масс, чем тонкости правовых отношений, но корень недовольства кроется в этих последних. Сеявшие смуту это прекрасно знали и на этом основывали успех политической пропаганды в армии»⁵⁸⁵. Послевоенное свидетельство Грулева подтверждается и письмами Алексева, который весьма негативно относился к харбинской прессе – единственно доступной в Маньчжурии. Эта, по его словам, «жидовская печать» открыто призывала солдат к неповиновению: «Конечно, все это поглощается солдатом и результат уже сказывается. Нужна твердая рука, а наши «твердые» руки играют в какую-то игру. Присутствуешь при разложении старого порядка, но чувствуется, что далее «беспорядок», что нового (подч. Алексеевым. – А. О.) порядка сложить эти господа не сумеют»⁵⁸⁶. Остается только удивляться, что именно этот человек с такими взглядами в 1905 г. пошел в 1917 г. из-за страха повторения таких же событий на контакт с людьми, в способность которых создать порядок он когда-то не верил.

Для подавления забастовок, к которому Линевиц решился все же приступить в середине ноября 1905 г., нужны были надежные войска. Забастовщики грозили вооруженным сопротивлением. Следовательно, это не могли быть запасные, более других связанные с мирной жизнью и стремившиеся поскорее попасть домой. 3 (16) ноября главнокомандующий поручил командующему 13-м Армейским корпусом генералу П. А. Плеве и полковнику Захарову двинуться на Читу и далее на Иркутск для восстановления порядка. В ответ на это через три дня движение по железной дороге прекратилось⁵⁸⁷. 6 (19) ноября начальник тыла Маньчжурских армий генерал Надаров известил войска о том, что с 1 (14) ноября демобилизация уже началась и что первыми домой будут отправлены запасные из Приморской, Амурской, Забайкальской и бывшей Квантунской областей,

так как они первыми были призваны в армию и больше других пробыли на фронте. Остальных пытались успокоить: «Запасные! Близок уже тот желанный час, в который каждый из вас увидит снова свои родные поля и близких сердцу лиц! Больше ждали – меньше осталось! Не одни вы – с вами и все действительной службы генералы, офицеры, и нижние чины также почти два года пробыли на театре войны, разлученными многими тысячами верст от своих семей и детей, и теперь, когда война закончилась, когда каждый исполнил свой долг – все-таки должны оставаться в Маньчжурии! Исполняйте же, воины, свой долг до конца; терпеливо ждите каждый своей очереди, помня, что всех сразу, по многолюдству, в один день не отправить!»⁵⁸⁸ На самом деле, генерал явно выдавал желаемое за действительное – очевидно, надеясь выиграть время.

Демобилизация стала невозможной, движение даже пассажирских поездов (не более двух в сутки) за Читой зависело от расположения духа машиниста. Войсковые эшелоны не ходили, к концу ноября ни один запасной не покинул Маньчжурии⁵⁸⁹. Расписание возвращения частей из Маньчжурии было утверждено императором. Начальник ГУГШ Ф.Ф. Палицын не хотел торопиться с выводом оттуда наиболее боеспособных корпусов, так как не очень доверял японцам. Однако по расписанию в первую очередь на вывод были поставлены 1-й и 13-й армейские корпуса, чтобы усилить войска Московского и Санкт-Петербургского военных округов для борьбы с революцией⁵⁹⁰. Это создавало в Маньчжурии чрезвычайно взрывоопасное положение: солдатам было непонятно, почему, как писал Алексеев, «корпуса, сплошь составленные из запасных и появившиеся здесь в августе-сентябре 1904 г., уступают место тем, которые высадились в те же месяцы 1905 г. и состоят из срочных по преимуществу»⁵⁹¹. Запасной солдат, прежде всего представленный крестьянином из Европейской части империи, стремился домой, и эти стремления поддерживались слухами о происходящих или готовящихся в стране изменениях. В минуту опасности для близких, семей желание находиться рядом с ними естественно для мужчины. Волновались за своих родных и офицеры, особенно те, кто прибыл на Дальний Восток из Царства Польского⁵⁹².

В штабе Маньчжурских армий возникла мысль о переброске части демобилизованных морем (как после русско-китайской войны 1900 г.⁵⁹³), но Петербург сначала не поддержал этой идеи. «Он не может понять то, – писал Алексеев в конце декабря 1905 г., – что 400 тыс. запасных из солдат превратились в истеричных баб, дряблых, безвольных, помешанных на одной мысли – ехать домой»⁵⁹⁴. Позже все же пришлось прибегнуть к этой экстраординарной и дорогостоящей мере. Число солдат и офицеров, которых предполагалось перевезти морем, постоянно росло – сначала 40 тыс., потом 60 тыс., 80 тыс. и, наконец 100 тыс. Для такого количе-

ства войск не хватало пароходов. 5 судов Доброфлота, годных для транспортировки войск, были полностью заняты перевозкой пленных из Японии во Владивосток. К началу февраля 1906 г. на них вернулось в Россию 10 генералов, 2 адмирала, 1066 офицеров, 51330 солдат и 8783 матроса⁵⁹⁵. Их вывоз по железной дороге также был организован далеко не лучшим образом, что сразу ухудшило ситуацию на Транссибе. В плену офицеры и рядовые содержались в разных лагерях, а по возвращению домой эшелоны формировались достаточно случайно, без учета частей и команд, в которых служили люди. Количество офицеров, совсем не знавших своих новых подчиненных, зачастую оказывалось недостаточным.

Так, например, в одном из таких эшелонов на 600 матросов из команд эскадры контр-адмирала Н.И. Небогатова приходилось 3 офицера из Порт-Артура – старший лейтенант и два мичмана. «Никакой ни внутренней, ни внешней связи у нас с этой незнакомой нам командой быть не могло, – вспоминал один из них, – что при буйных настроениях того времени – восстание во Владивостоке было только что перед прибытием туда пленных подавлено – грозило разразиться в эшелоне полной анархией. И, действительно, почувствовав отсутствие сильной власти в полосе железной дороги, команда скоро совершенно разнуздалась: пошло пьянство, громили стационарные буфеты, грозили расправой с начальниками станций, и один раз пытались даже пустить своими силами поезд, обвиняя железнодорожный состав в задержке эшелона и не обращая внимания на слова начальника станции, что он не может дать «путь» потому, что по той же колее идет навстречу другой поезд»⁵⁹⁶. Единственной опорой офицеров, до встречи с экспедицией Меллера-Закомельского, стали 40 матросов с броненосца береговой обороны «Адмирал Ушаков», сохранившие спайку и дисциплину под руководством своего же боцмана⁵⁹⁷.

Командование русской армии никогда не имело опыта эвакуации пленных, во всяком случае, в таком количестве. Кроме того, ему никак не мог пригодиться опыт прошлой войны, когда с территории Балканского полуострова выводились сохранившие боевой, сплоченный состав части русской армии. Скорость эвакуации отставала от скорости демобилизации, что неизбежно усложняло положение в тылу армии. Между тем останавливать возвращение призванных резервистов в сложившейся ситуации также было нельзя – это было чревато потерей контроля над войсками. 4(17) ноября во Владивостоке по приказу главнокомандующего приступили к увольнению запасных «внутренних губерний и всех приамурских войск». Таковых сразу же насчиталось 5000 человек. «Вестник Маньчжурских армий» сообщал: «Весть встречена войсками радостно. В городе тихо. Не осталось ни одного ресторана. Весь рейд заполнен иностранными пароходами, есть и русские. Выгрузка пока не произво-

дится»⁵⁹⁸. Вскоре она все же началась, иначе бы контроль над городом военным властям сохранить не удалось. Для вывоза запасных пришлось использовать практически все доступные русские, а также немецкие, бельгийские и английские суда. В ночь на 4(17) февраля 1906 г. в Одессу пришел первый транспорт – «Бирма» – который доставил домой 1850 чел. К февралю 1906 г. под русским флагом должно было быть перевезено 12146 чел., под иностранными – 73486 чел.⁵⁹⁹. На самом деле, до апреля 1906 г., когда окончательно была стабилизирована обстановка на железной дороге, на 70 пароходах по маршруту Владивосток–Одесса было перевезено свыше 120 тыс. рядовых и 1,5 тыс. офицеров⁶⁰⁰.

Особенно тяжелым было положение армии с ноября 1905 по январь 1906 г.. Связь и железная дорога практически перестали действовать. По войскам ходили дикие слухи, достоверность которых невозможно было проверить: о том, что в Одессе высадился английский десант, а у Кронштадта стоят британские корабли, что в Варшаву вошли несколько немецких дивизий, что в Москве во время восстания было убито 20 тыс. человек и т.д.⁶⁰¹ На Сыпингае продолжали накапливаться массы уволенных запасных. Чтобы как-то выправить положение, командование разрешило желающим остаться в Маньчжурии или в Сибири. Каким образом эти люди должны были при этом устраиваться на новых для себя местах и чем зарабатывать себе на жизнь – об этом не говорилось ни слова. Очевидно, что железная дорога не могла предоставить достаточного количества вакансий – она сократилась, и, следовательно, возникала проблема устройства сотрудников ЮМЖД, раньше работавших на занятых японцами участках. 19 ноября (2 декабря) начались перевозки армии из бывшей прифронтовой полосы в Харбин, а еще через два дня оттуда в Россию отправилось 5 войсковых эшелонов⁶⁰². Началось преодоление наиболее тяжелого этапа по окончании военных действий. Во время этих событий у Алексева складывается представление о способах выхода из кризиса – идеальными ему казались уступки сверху части русского общества, которые сопровождались бы жесткими репрессиями по отношению к тем, кто исповедывал антинациональные идеи. В сложившейся ситуации и императорское правительство, и его противники, до либералов включительно, вызывали нарекания генерала.

Получив известие об объявлении «гражданской свободы», 21 ноября (4 декабря) 1905 г. Алексеев реагировал на него следующим образом: «Вырвано это провозглашение, тогда как царь должен был бы дать ее раньше и добровольно. Революция сверху всегда происходит более безболезненно, чем снизу. Какими потоками крови сопровождалось бы освобождение крестьян, если бы оно шло от них именно»⁶⁰³. Очевидно, таковым было настроение того момента. Во всяком случае, среди генералитета. Забастовки раздражали не только солдат, но генералы опасались последствий реали-

зации «гражданских свобод». 29 ноября (12 декабря) 1905 г. генерал Столица реагировал весьма близким к Алексееву образом: «Да когда же наконец все это окончится? Неужели Русь настолько оскудела, что не найдет человека, который сумел бы совладать с врагами, из-за которых великая наша Родина может превратиться чуть ли не в прежнее московское государство! Здесь так же, как и в России, нет твердой власти, нет никакой устойчивости. Боже сохрани, если это продолжится долго!»⁶⁰⁴ Но раз уж революция началась и кровопролитие стало в порядок дня, то генерал Алексеев уже не колебался в своем отношении к событиям. Его позиция не была выжидательной. В конце 1905 – начале 1906 г. он был сторонником максимально жесткой и быстрой реакции на революцию. Он требовал действий: «Имея во главе жидов и поляков, наши революционеры с легким сердцем идут на разрушение государственной целостности. Но целостность эта будет продана потоками крови не революционеров, а коренного русского народа (подч. Алексеевым. – А.О.). Падут сотни тысяч, отстаивая, но отстаивая безнадежно, русское достояние. Не лучше бы, чтобы пал десяток тысяч революционеров?»⁶⁰⁵ 1905 год был репетицией не только для революционеров.

Командование на Сыпингае по-прежнему не имело надежной связи с Петербургом по территории России, на железной дороге бесчинствовали возвращающиеся домой после поражений запасные. Военное министерство планировало восстановить порядок путем одновременной посылки двух карательных экспедиций по Транссибу. План разрабатывался Ф.Ф. Палицыным. Для того чтобы известить Линевича, министерство в середине ноября 1905 г. задействовало три варианта связи – через Омск, через Пекин – нарочными и телеграфом через Европу, Америку и Японию. 23 декабря 1905 г. в штаб Линевича из Омска прибыл переодетый в штатское офицер. Он привез телеграмму Николая II о назначении генерала П.К. Ренненкампа командиром экспедиции по наведению порядка на Транссибе. 2 января ее первый эшелон двинулся в Россию⁶⁰⁶. Навстречу Ренненкампу двинулся отряд генерала А.Н. Меллера-Закомельского. Оба они имели репутацию энергичных военных, а Меллер уже успел отличиться при подавлении восстания в Севастополе в ноябре 1905 г. Алексеев был счастлив – события стали развиваться так, как он этого хотел: «Когда же будет забастовка властей, охраняющих различные союзы союзов, союзы инженеров?... Быть может, при этой забастовке от подобных союзов останутся одни ключья, одни воспоминания?»⁶⁰⁷

Отряды, выделенные для экспедиций, были немногочисленными. Меллер имел в распоряжении только усиленную роту л.-гв. Литовского полка и два полевых орудия. Отряд Ренненкампа также помещался в одном поезде. Только в начале февраля 1906 г., благодаря их энергичным действиям, порядок на Сибирской железной дороге был восстановлен.

Главную роль сыграл отряд Меллера. «Задача, казавшаяся столь трудной и опасной, – вспоминал Редигер, – была разрешена гладко и просто, с ничтожными силами. Главная заслуга в этом деле принадлежала лично ему (т.е. Меллеру-Закомельскому. – А. О.), так как только при его характере палача можно было столь систематически бить и сечь вдоль всей дороги, наводя спасительный ужас на все бунтующие и бастующие элементы»⁶⁰⁸. По мере успеха действий этих отрядов восстанавливалась и провозоспособность железной дороги, которая в октябре 1905 г. не превышала одного поезда в сутки. Забастовка нанесла серьезный удар по дороге – подвижной состав невозможно было вернуть из-за Урала, уголь не подавался на станции и т.д. К началу 1906 г. удалось довести пропускную способность дороги до 5 воинских поездов в сутки, не считая 41 санитарного поезда. С 1 (14) ноября 1905 г. по 8 (21) января 1906 г. по дороге уже было перевезено 277322 рядовых и 3576 офицеров⁶⁰⁹. Кризисная ситуация в Маньчжурии была преодолена. Генералитет, проигравший войну с внешним врагом, вдруг убедился в возможности победы, и притом на удивление легкой победы, над врагом внутренним.

Отсутствие единой внешней политики и даже единых центров, определявших ее, явная переоценка возможностей страны привели ее к войне, в которой империя не имела возможность сосредоточиться на одном направлении. Во всяком случае, она не имела таковой возможности сразу, что сыграло самую негативную роль в судьбе боев на сопках Маньчжурии. Русская стратегия на уровне замыслов была несколько более удачной, и в целом в сложившейся ситуации ее можно признать единственно верной. Впрочем, и здесь был допущен ряд важнейших ошибок, и прежде всего в оценке мобилизационных возможностей Японии.

Каждое поражение, каждая военная неудача естественно порождает мысли о необходимости изменений, направленных на исправление причин, вызвавших эти неудачи. Положение русской армии после русско-японской войны и революции 1905–1907 годов было близким к катастрофическому. Можно без преувеличений сказать, что страна в течение как минимум 5 лет после окончания этих событий была не способна выдержать даже оборонительную войну с потенциальным германо-австрийским противником. Огромный и чрезвычайно сложный механизм современной армии может быть эффективно использован только для решения той задачи, к которой его готовили десятилетиями. Импровизационное перенацеливание армии с запада на восток на несколько тысяч километров не только не привело к достижению новых целей на Дальнем Востоке, но и разрушило несущие элементы русского военного механизма в Европе. Запасы обмундирования, вооружения и боеприпасов пришли в негодность. Положение несколько исправил очередной виток гонки вооружений – воз-

возможность массового производства пулеметов и появление принципиально нового линейного корабля типа «Дредноут». Эти новинки значительно обесценивали старое оружие и давали России возможность начать гонку вооружений вместе с другими Великими Державами с «чистого листа».

В большей степени технический аспект касался, конечно, военноморского флота. В армии он не был столь нагляден, и там, как и после Крымской и Освободительной войн, вновь возникла идея создания более эффективной системы управления и планирования. Любая армия или флот, которые не используются по прямому назначению против равноценного противника почти три десятилетия, неизбежно впадают в состояние застоя; бюрократический формализм в управлении огромным, чрезвычайно дорогим и простаивающим механизмом приобретает решающее значение. Вновь возникает идея независимого Генерального штаба. Несмотря на то, что сама эта идея отнюдь не была новой для России, в ситуации, которая сложилась в период между русско-японской и Первой мировой войнами, были и свои особенности.

Во-первых, разрыв между теорией и жизнью, штабной и строевой службой, а также льготы, предусмотренные для прохождения службы офицерами, причисленными к корпусу Генерального штаба, привели к созданию касты «генштабистов», представители которой занимали все наиболее важные посты в Военном министерстве. Таким образом, огрехи бюрократической системы, в том числе и в области военного образования, теории и практики современной войны, она должна была преодолевать сама. Алексеев скептически оценивал эту возможность. Еще летом 1905 г., находясь в Маньчжурии, на Сыпингайских позициях, он задумывался о том, куда попадет после возвращения в Россию: «Конечно, есть Академия, как убежище, но, говоря откровенно, мне было бы тяжело возвратиться к старому курсу. Сознаю, что нужно для слушателей другое... нужно, чтобы офицеры больше работали над вопросами современности. Нужны силы более молодые, силы талантливые. Найдут ли их Академия? Ведь ни Гейсман, ни Колубакин со своих мест не сдвинутся и не подвинут вперед те вопросы, которые порождены этою войной. Ведь горько и обидно будет то, что мы обильною кровью дали опыт (подч. Алексеевым. – А.О.); конечно, этот опыт изучат до подробности те, кто сознает, что наука в военном деле если не заменяет, то значительно облегчает решение всех вопросов войны. И нашу последнюю войну немцы будут изучать в Академии, указания этой войны войдут в курс тактики. Будем ли и мы делать то же и идти впереди соседей? А кто же поведет? А если оставят при старых порядках и меня заставят опять рассказывать, как живали наши деды в старину»⁶¹⁰.

Во-вторых, во время русско-японской войны среди касты «полубогов» наметился разлом, в основании которого вначале лежал конфликт между

поколениями. Весьма показательны слова Алексеева из его письма от начала февраля 1905 г., которые он написал в момент острого недовольства командованием 3-й маньчжурской армии: «Я вовсе не критикую своего начальника – Каульбарса. Употребим его фамилию в качестве имени собирательного. Он только тип, и притом из лучших: у него есть энергия, желание. У большинства нет и этих ценных качеств»⁶¹¹. Конфликт старшего генералитета, устаревшего и не прошедшего испытания современной войной, и среднего генералитета, считавшего, что может справиться с ее требованиями, носил характер преимущественно профессиональных разногласий. Люди, подобные Алексееву, после первых серьезных боев уже не связывали никаких надежд на будущие преобразования в армии с людьми вроде Каульбарса или Куропаткина. Еще перед Мукденом Алексеев писал: «Неужели мы не воспользуемся теми обширными уроками, которые получали за последние годы? Неужели будем продолжать обманывать себя? Впереди огромная работа, а кто возьмет на себя двигать ее вперед, где найдутся люди, которые поведут армию по пути прогресса, разумной созидательной работы?»⁶¹² «Конфликт генерал-адъютантов с генерал-майорами» неизбежно дополнялся и появлением более младшего поколения, в основном представленного старшими офицерами. В отличие от первых двух групп, они не могли еще реализовать свои идеи в жизнь. Тем не менее, они задавали себе те же вопросы. Эти противоречия постепенно перерастали из профессиональных в политические.

В-третьих, этот конфликт имел два центра и два личностных полюса. Каждый из этих центров имел среди генштабистов, да и во всей армии, свой собственный образ. Петербургский военный округ, на территории которого находился политический и военно-административный центр страны, центр военной бюрократии, и Киевский военный округ – один из главных центров военной мысли, округ, который традиционно был нацелен на активные действия, на наступательную войну. Личностные полюсы были представлены двумя весьма популярными военными лидерами – великим князем Николаем Николаевичем-мл. и генералом В.А. Сухомлиновым. Конфликт личностей – нередкий случай в истории военных реформ в России, но никогда еще он не приобретал такого масштаба и не имел таких последствий, как на этот раз.

В-четвертых, особое значение в межвоенный период приобретала думская кафедра. Военная каста России не была единой, и часть ее стремилась использовать представителей «цензовой общественности» для реализации своих идей. Что касается Алексеева, то он, безусловно, не принадлежал к этой части. Либеральная пресса в его военной переписке неоднократно устаивалась довольно резких эпитетов, в военных вопросах, как он считал, эти представители общественного мнения абсолют-

но не разбирались. Идеальная реформа, по его мнению, должна была быть обдумана правительством «в тиши кабинетов» и вне контактов с корреспондентами⁶¹³. Эта позиция Алексеева мне кажется особенно важной, так как в межвоенный период «цензурная общественность» сама активно искала контакты с армией для достижения собственных целей. Реформа Генерального Штаба безусловно является политической, но перечисленные выше обстоятельства резко увеличивали ее политическую составную в ущерб собственно профессиональной.

Сразу же после отъезда А. Н. Куропаткина в Маньчжурию в 1904 г., когда рассматривалась кандидатура его преемника на пост военного министра, командующий Киевским военным округом генерал М. И. Драгомиров предлагал императору выделить из состава министерства Главный штаб. Добиться принятия этого проекта Драгомирову, при всем его влиянии, не удалось⁶¹⁴. Поражения в Маньчжурии ставили в порядок дня реформы в армии, однако начались они со значительным опозданием, что не могло не сказаться на готовности русской армии к большой европейской войне⁶¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Andrassy J. Bismarck, Andrassy and their successors.* Lnd., 1927. P. 415.
- 2 *van Dyke C. Russian Imperial military doctrine and education, 1832–1914.* NY., 1990. P. 4.
- 3 *Свечин А. А., Романовский Ю. Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. По документальным данным труда военно-исторической комиссии и другим историческим источникам.* Ораниенбаум, 1910. С. 387.
- 4 *Гудерман Г. Воспоминания солдата.* Ростов н/Д, 1998. С. 526.
- 5 *Вебель Ф. Заметка о приамурском крае // Военный сборник. 1894. № 3. С. 161–164, 178, 180; Ищенко М. М. Формирование русского населения Сахалина (конец XIX – начало XX вв.) // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1993. № 1. С. 48, 51, 77.*
- 6 *Грулев М. Забайкалье: Материалы для военно-статистического обозрения // Военный сборник. 1898. № 10. С. 457–459, 462.*
- 7 *Грулев М. В. Записки генерала-еврея.* Париж, 1930. С. 161.
- 8 *Ржевуский Г. Японо-китайская война 1894–1895 гг.* СПб, 1896. С. 23–24, 27.
- 9 *Там же.* С. 25.
- 10 *Свечин А. А., Романовский Ю. Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. По документальным данным труда военно-исторической комиссии и другим историческим источникам.* Ораниенбаум, 1910. С. 4.
- 11 *Недзвецкий В. Вооруженное столкновение Японии с Китаем // Военный сборник. 1895. № 6. С. 137.*
- 12 *Дневники Николая II. М., 1991. С. 72.*
- 13 *Ржевуский Г. Указ. соч. С. 70.; Свечин А. А., Романовский Ю. Д. Указ. соч. С. 20.*
- 14 *Морская хроника // Морской сборник. 1897. № 10. С. 22.*
- 15 *Недзвецкий В. Вооруженное столкновение Японии с Китаем // Военный сборник. 1895. № 6. С. 138.*
- 16 *Тихменев Н. М. Маньчжурская война // Военный сборник. 1908. № 2. С. 34.*
- 17 *Надаров И. Хункузы в Южно-Уссурийском крае. Военный сборник. 1896. № 9. С. 203.*
- 18 *Свечин А. А., Романовский Ю. Д. Указ. соч. С. 25.*

- 19 *Мышлаевский А.З.* 1900–1901 гг.: Военные действия в Китае. СПб., 1905. Ч. 1. С. 16.
- 20 *Пу И (Генри).* Первая половина моей жизни: Воспоминания Пу И – последнего императора Китая. М., 1968. С. 33.
- 21 *Корсаков В.В.* Пекинские события: Личные воспоминания об осаде в Пекине, май–август 1900 г. СПб., 1901. С. XIII.
- 22 *Коростовец И.Я.* Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922. С. 12; *Дауышев В.Г.* Русско-китайская война. Маньчжурия, 1900 (Перевод. СПб., 1996). С. 54.
- 23 *Редигер А. [Ф.]* Указ. соч. М., 1999. Т. 1. С. 316.
- 24 *Коростовец И.Я.* Указ. соч. С. 49.
- 25 *Санников Н.* Печилийский отряд и сводная саперная рота этого отряда // Инженерный журнал. 1903. № 6–7. С. 841–842.
- 26 *Там же.* С. 846–847, 851–852.
- 27 *Санников Н.* Печилийский отряд и сводная саперная рота этого отряда в Китайскую войну 1900 г. // Инженерный журнал. 1904. № 1. С. 50.
- 28 *Там же.*
- 29 *Там же.* С. 90–91.
- 30 *Суров А.* Краткий исторический очерк образования Амурского казачьего войска и настоящее его состояние // Военный сборник. 1900. № 10. С. 354.
- 31 Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1911. С. 123, 132, 125–126, 151; Русско-японская война в сообщениях в Николаевской Академии Генерального штаба. СПб., 1906. Ч. 1. С. 5.; *Иммануэль Ф.Б.* Русско-японская война в военном и политическом отношениях. СПб., 1906. Вып. 1. С. 4.; *Дауышев В.Г.* Указ. соч. С. 56–57.
- 32 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 30. Л. 25 об.
- 33 *Махлаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). Париж, 1936. Ч. 2. С. 248.
- 34 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 31. Л. 1.
- 35 *Корф Н.А., Звегинцов А.И.* Военный обзор Северной Кореи. СПб., 1904. С. 70; *Симонов Д.* На досуге в Корее в 1897 г. // Военный сборник. 1901. № 11. С. 214; *Пак Чон Хе.* Россия и Корея, 1895–1898. М., 1993. С. 16, 22, 24–30, 56, 63.
- 36 Русские инструкторы в Корее: Извлечение из отчета поручиков Афанасьева 1-го и Н. Грудзинского // Военный сборник. 1898. № 11. С. 34–37, 39, 42.
- 37 *Симонов Д.* На досуге в Корее в 1897 г. // Военный сборник. 1901. № 11. С. 204.
- 38 *Пак Чон Хе.* Россия и Корея... С. 57–58.
- 39 *Симонов Д.* На досуге в Корее в 1897 г. // Военный сборник. 1901. № 11. С. 215.
- 40 *Пак Чон Хе.* Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. М., 1997. С. 26, 76, 79.
- 41 *Вольфляфский В.М.* Мои воспоминания. 1852–1939. Берлин, 1939. С. 61, 87, 105, 122, 124, 127.
- 42 *Там же.* С. 125, 127.
- 43 *Корф Н.А., Звегинцов А.И.* Указ. соч. С. 100–101.
- 44 *Пак Чон Хе.* Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. М., 1997. С. 82–84.
- 45 Дневник А.Н. Куропаткина. М., 1923. С. 38, 44.
- 46 *Коростовец И.Я.* Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922. С. 48.
- 47 *Корф Н.А., Звегинцов А.И.* Указ. соч. С. 74, 217; *Пак Чон Хе.* Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. М., 1997. С. 39.
- 48 *Grey of Fallodon Ed.* Twenty-five years 1892–1916. NY. 1925. Vol. 1. P. 54.
- 49 *Цывинский Г.Ф.* 50 лет в императорском флоте. Рига, б.г. С. 165.
- 50 *Коростовец И.Я.* Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922. С. 1.
- 51 *Grey of Fallodon Ed.* Op. cit. NY. 1925. Vol. 1. PP. 37–38.; *Цывинский Г.Ф.* Указ. соч. С. 165–167.
- 52 *Andrassy J.* Op. cit. P. 413.
- 53 *Мышлаевский А.З.* Указ. соч. СПб., 1905. Ч. 1. С. 8.; *Цывинский Г.Ф.* Указ. соч. С. 167.
- 54 *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 322.
- 55 *Цывинский Г.Ф.* Указ. соч. С. 169.
- 56 Цит. по: *Тымченко-Рубан Г.И.* Нечто о Порт-Артуре и вообще об организации крепостной обороны. СПб., 1905. С. 56.
- 57 *Там же.* С. 2, 41.

- 58 *Коростовец И.Я.* Указ. соч. С. 6.
- 59 *Тифреер.* Порт-Артур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. № 1. С. 188, 192.
- 60 Кван-тонгский полуостров летом 1898 г. // Морской сборник. 1900. № 7. С. 61–62; *Дебагорий-Мокриевич Л.И.* Квантунские грунтовые дороги // Инженерный журнал. 1909. № 4. С. 461–462.
- 61 *Тифреер.* Порт-Артур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. № 1. С. 180–181.
- 62 *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 272–273, 288–289.
- 63 *Grey of Fallodon* Ed. Op. cit. NY. 1925. Vol. 1. P. 24.
- 64 *Коростовец И.Я.* Указ. соч. С. 2; *Величко К.И.* Русские крепости в связи с операциями полевых армий в мировую войну (критико-стратегический очерк по архивным материалам и воспоминаниям). Л., 1926. С. 30.
- 65 *Тифреер.* Порт-Артур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. № 3. С. 191, 193; *Тимченко-Рубан Г.И.* Нечто о Порт-Артуре и вообще об организации крепостной обороны // Военный сборник. 1905. № 6. С. 113, 120, 125–126.
- 66 *Дауыштен В.Г.* Указ. соч. С. 36.
- 67 *Тифреер.* Порт-Артур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. № 3. С. 195.
- 68 *Там же.* С. 196–197.
- 69 *McCullagh Fr.* With the cossacks. Being a story of an Irishman who rode with the cossacks throughout the Russo-Japanese War. Lnd. 1906. P. 5.
- 70 Материалы к истории осады Порт-Артурса (Дневник инженер-штабс-капитана В.В. Сахарова) // Военный сборник. 1907. № 1. С. 218.
- 71 *Кростовец И.Я.* Указ. соч. С. 52.
- 72 *Врангель Ф.* Английский корреспондент на японской эскадре // Морской сборник. 1906. № 1. С. 19.
- 73 *Джемс Д.* Осада Порт-Артурса // Военный сборник. 1907. № 1. С. 200.
- 74 *Бубнов М.* Порт-Артур // Морской сборник. 1907. № 3. С. 6.
- 75 *Костюшко.* Ноябрьские бои под Порт-Артурсом // Инженерный журнал. 1909. № 3. С. 285, 313.
- 76 *Джемс Д.* Осада Порт-Артурса // Военный сборник. 1907. № 1. С. 200; *Бубнов М.* Порт-Артур // Морской сборник. 1907. № 4. С. 2–3.
- 77 *Врангель Ф.* Английский корреспондент на японской эскадре // Морской сборник. 1906. № 1. С. 19.
- 78 *Тифреер.* Порт-Артур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. № 1. С. 188; № 3. С. 196–199.
- 79 *Величко К.* Крепости и крепостные железные дороги // Инженерный журнал. 1898. № 1. С. 17.
- 80 *Тимченко-Рубан Г.И.* Нечто о Порт-Артуре и вообще об организации крепостной обороны // Военный сборник. 1905. № 3. С. 91.
- 81 *Тимченко-Рубан Г.И.* Порядок заведывания в России обороны берегов с суши // Инженерный сборник. 1898. № 6–7. С. 801.
- 82 *Величко К.* Крепости и крепостные железные дороги // Инженерный журнал. 1898. № 1. С. 57.
- 83 *Буйницкий Н.* Об устройстве приморских крепостей // Инженерный журнал. 1899. № 4. С. 449–450; *Тимченко-Рубан Г.И.* Указ. соч. С. 3.
- 84 *То же.* *Там же.* № 7. С. 867.
- 85 *То же.* *Там же.* № 4. С. 456.
- 86 *фон Шварц А.В.* Влияние данных борьбы за Порт-Артур на устройство сухопутных крепостей // Инженерный журнал. 1907. № 1. С. 16.
- 87 *Тимченко-Рубан Г.И.* Указ. соч. С. 5.
- 88 *Там же.* С. 93, 98.
- 89 *Тимченко-Рубан Г.И.* Указ. соч. // Военный сборник. 1905. № 4. С. 75, 85, 107; № 6. С. 112–113.
- 90 *фон Шварц А.В.* Влияние данных борьбы за Порт-Артур на устройство сухопутных крепостей // Инженерный журнал. 1907. № 1. С. 19, 24.

- 91 То же. *Там же*. № 4. С. 102.
- 92 *Тимченко-Губан Г.И.* Указ. соч. С. 43; *фон Шварц А.В.* Укрепления Киньчжоуской позиции // Инженерный журнал. 1906. № 1-2. С. 6-7.
- 93 *Дмитриев Н., Колтычев В.* Иностранные судостроительные заводы // Морской сборник. 1909. № 5. С. 118.; *Н[емиту] А.* Белый очерк морских операций русско-японской войны // Морской сборник. 1912. № 4. С. 155; № 7. С. 127.
- 94 *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.-Л., 1955. С. 48; *Величко К.И.* Русские крепости в связи с операциями полевых армий в мировую войну. С. 30; *Свечин А.А., Романовский Ю.Д.* Указ. соч. С. 42, 47; *Погребинский А.П.* Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М.? 1968. С. 20, 37, 50; *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. С. 277.
- 95 *Редигер А.Ф.* Указ. соч. М., 1999. Т. 1. С. 349.
- 96 *Недзвецкий В.* Современное состояние вооруженных сил Японии // Военный сборник. 1899. № 6. С. 116.
- 97 *Иммануэль Ф.Б.* Указ. соч. СПб., 1906. Вып. 1. С. 8-10, 53; *Свечин А.А., Романовский Ю.Д.* Указ. соч. С. 20, 22.
- 98 *Недзвецкий В.* Современное состояние вооруженных сил Японии. Военный сборник. 1899. № 6. С. 122, 125, 126-127.
- 99 *Там же*. С. 128.
- 100 *Там же*. С. 130.
- 101 *Лукомский А.С.* Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С. 16.
- 102 *Недзвецкий В.* Военное положение Китая // Военный сборник. 1900. № 8. С. 84.
- 103 *Свечин А.А.* Тактические уроки русско-японской войны. СПб., 1912. С. 2.
- 104 *Валентинов В.* Военные соглашения России с иностранными государствами до войны // Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914-1918 гг. М., 1919. Вып. 2. С. 122.
- 105 О Серетской линии см.: Краткие сведения о румынской армии. Составлено по данным к 1 августа 1916 г. Издание разведывательного отделения штаба Одесского военного округа. б.г. С. 33-34.
- 106 *Валентинов В.* Указ. соч. С. 123-124.
- 107 *Петров М.А.* Подготовка России к мировой войне на море. М.-Л., 1926. С. 69, 85.
- 108 *Валентинов В.* Указ. соч. С. 125-126.
- 109 *Драке Л.* В период больших Курских маневров 1902 г.: Отрывочные воспоминания // Военно-исторический вестник. Киев, 1911. № 3-4. С. 33, 37.
- 110 *Whigham W.J.* The Persian Problem. An examination of the rival positions of Russia and Great Britain in Persia with some account of the Persian Gulf and Bagdad railway. Lnd. 1903. P. 332.
- 111 *Ibid.* PP. 334-336.
- 112 *Алиханов-Аварский М.* В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис, 1898. С. 222; *Косоговский В.А.* Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М., 1960. С. 4, 138.
- 113 *Риттик П.А.* Путешествие по Персии и персидскому Белуджистану // Военный сборник. 1901. № 5. С. 186.
- 114 *Там же*.
- 115 *Whigham W.J.* Op. cit. PP. 63, 68, 71; *Погребинский А.П.* Государственно-монополистический капитализм в России. М., 1959. С. 60; *Ментешиевали И.Ш.* Закавказье в англо-русских противоречиях в 1880-1914 гг. Тбилиси, 2001. С. 42-44.
- 116 Ведомость судам, находящимся за границей // Морской сборник. 1903. № 3. С. 4.
- 117 Дневник А.Н. Куропаткина. М., 1923. С. 9.
- 118 *Там же*. С. 36.
- 119 *Петров М.А.* Указ. соч. С. 86.
- 120 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 31. Л. 6 об.
- 121 *Цывинский Г.Ф.* Указ. соч. С. 144.
- 122 *Там же*. С. 150.
- 123 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 9722. Л. 1-2, 4-5.
- 124 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 9723. Л. 1-3.
- 125 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 9720. Л. 6-6 об., 31, 42.
- 126 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 9720. Л. 2, 30; Д. 9721. Л. 8.
- 127 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 9720. Л. 23,

42.
128 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 31. Л. 20.
129 Там же. Л. 16, 17 об.
130 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 9723. Л. 48; Д. 9720. Л. 23–25, 33.
131 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 9720. Л. 2–3, 31 об.
132 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 31. Л. 18 об.
133 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 9729. Л. 2–27.
134 Дневник А.Н. Куропаткина. М., 1923. С. 91.
135 Петров М.А. Указ. соч. С. 87–88.
136 Дневник А.Н.Куропаткина. М., 1923. С. 114.
137 Когда японцы открыли военные действия? // Вестник русской конницы. 1910. № 2. С. 57.
138 *McCullagh Fr.* Op. cit. PP. 29–33.
139 Дневники Николая II. С. 192.
140 Соображения по предмету японо-русской войны // Морской сборник. 1904. № 1. С. 31.
141 *Светин А.А. Романовский Ю.Д.* Русско-японская война... С. 8.
142 *Тимченко-Рубан Г.И.* Указ. соч. // Военный сборник. 1905. № 4. С. 88.
143 *Mappeheim C.G.E.* Op. cit. P. 8.
144 Дневники Николая II. С. 193.
145 Там же.
146 *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 294.
147 *Теттау Э.* Восемнадцать месяцев в Маньчжурии с русскими войсками. СПб., 1907. Ч. 1. С. 5.
148 *Крел Г.* Германский генеральный штаб. Его роль в подготовке и ведении мировой войны. М., 1922. С. 8–9.
149 Цит. по: *Грулев М.В.* Злобы дня в жизни армии. Брест-Литовск, 1911. С. 110.
150 *Гамильтон Я.* Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны. СПб., 1906. Т. 1. С. 4.
151 Дневник А.Н. Куропаткина. М., 1923. С. 111.
152 *Мартынов Е.И.* Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1906. С. 7–8.
153 *Астров Н.И.* Воспоминания. Париж, 1941. Т. 1. С. 206–207.
154 *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 90.
155 *Мартынов Е.И.* Воспоминания о японской войне командира пехотного полка. Плоцк, 1910. С. 2–3; *Гарин-Михайловский Н.Г.* Полн. собр. соч. СПб.–М., 1911. Т. 10. С. 28; *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1990. С. 102.
156 *Крамарж К.П.* Русский кризис. Прага-Париж, 1926. С. 193.
157 *Махлаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России: Воспоминания современника. Париж, 1936. Ч. 1. С. 242.
158 Война с Японией. Официальные документы с 26 января по 18 февраля // Военный сборник. 1904. № 3. С. 287.
159 *В.А.[пушкин].* Куропаткин: Из воспоминаний о русско-японской войне. СПб., 1906. С. 37.
160 *van Dyke С.* Op.cit. P. 116.
161 *Мартынов Е.И.* Из печального опыта... С. 15.
162 *Грулев М.В.* В штабах и на полях Дальнего Востока: Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о русско-японской войне. СПб., 1908. Ч. 1. С. 277.
163 *В.А.[пушкин].* Куропаткин... С. 1.
164 *Теттау Э.* Восемнадцать месяцев... Ч. 1. С. 8.
165 *Соболев Л.Н.* Куропаткинская стратегия: Краткие заметки бывшего командира 6-го Сибирского Армейского корпуса. СПб., 1910. С. 272.
166 *van Dyke С.* Op. cit. P. 137.
167 *Деникин А.И.* Указ. соч. С. 110.
168 *Драке Л.* Указ. соч. С. 31, 35; *Г. Р.ко.* Историческая справка к 25-летию 2-го железнодорожного батальона // Инженерный журнал. 1902. № 11–12. С. 1435–1436; *Среднее А.* Кабельное отделение военно-телеграфной роты 3-го саперного батальона на больших маневрах под г. Курском // Инженерный журнал. 1903. № 6–7. С. 943–945.
169 ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 422. Ед.хр. 1. Л. 60–61.

- 170 *Редигер А.Ф.* Указ. соч. М., 1999. Т. 1. С. 348.
- 171 *van Dyke С.* Ор. cit. P. 105.
- 172 *Епанчин Н.Н.* В Болгарии осенью 1899 г. // Военный сборник. 1901. № 1. С. 200.
- 173 *Рерберг Ф.П.* Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений. Записки участника русско-японской войны 1904–1905 гг., члена военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. 1906–1909 гг. Мадрид, 1967. С. 56.
- 174 *Лукомский А.С.* Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С. 15–16.
- 175 *Драке Л.* Указ. соч. С. 31.
- 176 *Краснов П.Н.* Накануне войны. Из жизни пограничного гарнизона. Париж, 1937. С. 18.
- 177 *Ишеев П.П.* Осколки прошлого. Нью-Йорк, 1959. С. 60.
- 178 *Соболев Л.Н.* Указ. соч. С. 288.
- 179 *Там же.* С. 288–289.
- 180 *Драке Л.* Указ. соч. С. 35–36.
- 181 *В.А[пушкин].* Куропаткин... С. 3.
- 182 *Драке Л.* Указ. соч. С. 36.
- 183 *Сигинус.* Из Японии // Военный сборник. 1903. № 11. С. 220, 231.
- 184 *Соболев Л.Н.* Указ. соч. С. 287–288.
- 185 *В.А[пушкин].* Куропаткин... С. 3.
- 186 *Геруа Б.В.* Воспоминания моей жизни. Париж, 1969. Т. 1. С. 164, 170.
- 187 *Там же.* С. 164.
- 188 *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни // ВИ. 2001. № 6. С. 61.
- 189 *Мартьянов Е.И.* Из печального опыта... С. 17.
- 190 ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 422. Ед.хр. 1. Л. 62.
- 191 *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни // ВИ. 2001. № 5. С. 106.
- 192 *В.А[пушкин].* Куропаткин... С. 3.
- 193 *Дневник А.Н.Куропаткина.* М., 1923. С. 89.
- 194 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 36. Л. 39 об.
- 195 *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 79.
- 196 *Сухомлинов В.А.* Указ. соч. С. 105.
- 197 *Редигер А.Ф.* Указ. соч. М., 1999. Т. 1. С. 376.
- 198 *Айратетов О.Р.* Указ. соч. С. 240; *Драке Л.* Указ. соч. С. 33.
- 199 *Грулев М.В.* В штабах и на полях Дальнего Востока... СПб., 1908. Ч. 1. С. 160.
- 200 *Редигер А.Ф.* Указ. соч. М., 1999. Т. 1. С. 404.
- 201 *Соболев Л.Н.* Указ. соч. С. 149.
- 202 *Mapperheim С.Г.Е.* Ор. cit. P. 18.
- 203 *Свечин А.А., Романовский Ю.Д.* Указ. соч. С. 28.
- 204 *Гамильтон Я.* Указ. соч. СПб., 1906. Т. 1. С. 274.
- 205 *Апушкин.* Пехота под выстрелами своей артиллерии // Военный сборник. 1895. № 3. С. 148.
- 206 *Ипатьев В.Н.* Жизнь одного химика... Нью-Йорк, 1945. Т. 1. С. 284.
- 207 *Лукомский А.С.* Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С. 21.
- 208 *Гусев А.И.* Из дневника корпусного контролера (В русско-японскую войну 1904–1905 гг.) // Военный сборник. 1910. № 10. С. 218–220.
- 209 Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – АВИМАИВиВС). Ф. 19. Оп. 106. Ед.хр. 358. Л. 152–152 об.
- 210 *Куропаткин А.Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Т. 4. Варшава, 1906. С. 182.
- 211 *Баламин Д.* Тяжелые годы (из писем покойного ген.-майора М.С. Столицы) // Военный сборник. 1908. № 7. С. 76.
- 212 *Свечин А.А.* Тактические уроки... С. 11.
- 213 *Гамильтон Я.* Указ. соч. СПб., 1906. Т. 1. С. 274.
- 214 *Куропаткин А.Н.* Отчет... Т. 4. Варшава, 1906. С. 182–185.
- 215 *Адафиди К.* Юрьевцы в составе действующей армии с 5-го января по 19-е февраля 1905 г. // Военный сборник. 1906. № 1. С. 77–78.
- 216 *Редигер А.Ф.* Указ. соч. М., 1999. Т. 2. С. 201.

- 217 *Гусев А.И.* Из дневника корпусного контролера... // Военный сборник. 1910. № 10. С. 229.
- 218 *Розеншильд-Паулин А. Чжанчжуанца* // Военный сборник. 1909. № 2. С. 43.
- 219 *Комаровский.* Воспоминания верхнеудинца о русско-японской войне // Вестник русской конницы. 1911. № 7. С. 267.
- 220 *Герва Б.В.* Указ. соч. Париж, 1969. Т. 1. С. 158.
- 221 Война с Японией. Официальные документы с 13 августа по 10 сентября // Военный сборник. 1904. № 10. С. 201–202.
- 222 *Свечин А.А., Романовский Ю.Д.* Указ. соч. С. 224–225.
- 223 *Костюшко.* Ноябрьские бои под Порт-Артуром // Инженерный журнал. 1909. № 4. С. 444.
- 224 Отчет о применении цензуры на театре войны. Составлен Цензурным отделением Штаба главнокомандующего под редакцией генерал-квартирмейстера. Харбин, 1905. Приложение № 74. С. 63 (см. публикацию в наст. изд.)
- 225 *Баланин Д.* Тяжелые годы (из писем покойного ген.-майора М.С. Столицы) // Военный сборник. 1908. № 7. С. 76.
- 226 *Там же.* С. 77.
- 227 История русско-японской войны. СПб., 1909. Т. VI. С. 2–37.
- 228 *Сергеевский Б.Н.* Пережитое. 1914. Белград, 1933. С. 4.
- 229 *Гучков А.И.* К вопросу о государственной обороне: Речи в Государственной Думе третьего созыва, 1908–1912. Пгр., 1915. С. 13.
- 230 *Гамильтон Я.* Указ. соч. СПб., 1907. Т. 2. С. 65.
- 231 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 34. Л. 65.
- 232 *Мартынов Е.И.* Из печального опыта... С. 9.
- 233 *Теттау Э.* Восемнадцать месяцев в Маньчжурии с русскими войсками. СПб., 1907. Ч. 1. С. III.
- 234 *Редигер А.Ф.* Указ. соч. М., 1999. Т. 1. С. 158.
- 235 *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. С. 233–236.
- 236 *Соболев Л.Н.* Указ. соч. С. 240.
- 237 *Борисов В.Е.* Работа Начальника Генерального Штаба по практике Наполеона и Мольтке (Организация большой армии и управление ею) // Военный сборник. 1899. № 3. С. 58.
- 238 *Там же.* С. 65.
- 239 ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 422. Ед.хр. 1. Л. 64.
- 240 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 34. Л. 7.
- 241 *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни // ВИ. 2001. № 5. С. 108.
- 242 *Гейсман П.* Опыт исследования тактики массовых армий // Военный сборник. 1895. № 2. С. 265.
- 243 *Иммануэль Ф.Б.* Указ. соч. СПб., 1906. Вып. 4. С. 53.
- 244 *Грулев М.В.* Злобы дня... С. 12.
- 245 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 34. Л. 5 об.
- 246 *Баланин Д.* Тяжелые годы (из писем покойного ген.-майора М.С. Столицы) // Военный сборник. 1908. № 7. С. 84.
- 247 *Gusko V.I.* Features of the past. Government and opinion in the reign of Nicolas II. California-Lnd. 1939. P. 289; Редигер А.Ф. Указ. соч. М., 1999. Т. 1. С. 376; В.А.[Пушкин]. Куропаткин... С. 6–8.
- 248 *Свечин А.А., Романовский Ю.Д.* Указ. соч. С. 37, 40; *Свечин А.А.* Тактические уроки... С. 4, 11.
- 249 *Теттау Э.* Куропаткин и его помощники. СПб., 1913. Ч. 1. С. 33.
- 250 *Сухомлинов В.А.* Указ. соч. С. 151.
- 251 *Теттау Э.* Куропаткин и его помощники. Ч. 1. С. 34.
- 252 *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий (1881–1903). М., 1973. С. 143.
- 253 История русско-японской войны. СПб., 1909. Т. V. С. 1200, 1203, 1206; *Свечин А.А., Романовский Ю.Д.* Указ. соч. С. 16–17; *Dowbor Muisnicki J.* Moje wspomnienia. W. 1935. S. 75; *Теттау Э.* Восемнадцать месяцев... СПб., 1907. Ч. 1. С. 19, 22; *Боткин Е.С.* Свет и тени русско-японской войны 1904–1905 гг.: Из писем к жене. СПб., 1908. С. 4; *Грулев М.* Забайкалье: Материалы для военно-статистического обозрения // Военный сборник. 1898. № 10. С. 458; *Янушкевич Н.Н.*

- Организация и роль интендантства в современных армиях на войне // Военный сборник. 1910. № 4. С. 152.
- 254 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 32. Л. 14 об., 22.
- 255 Постижение военного искусства. Идеюное наследие А.Свечина // Российский военный сборник. Вып. 15. М., 1999. С. 335.
- 256 *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли о последней войне (1904–1905 гг.). СПб., 1906. С. 11.
- 257 К 75-летию Николаевской Академии Генерального Штаба // Военный сборник. 1907. № 12. С. 228.
- 258 Русско-японская война. Из дневников А.Н.Куропаткина и Н.П.Линевича. Л., 1925. С. 57; *Куропаткин А.Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. СПб., 1906. С. 31.
- 259 *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 110–111.
- 260 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 35. Л. 1.
- 261 Отчет о деятельности управления генерал-квартирмейстера 3-й маньчжурской армии за время войны 1904–1905 гг. СПб., 1907. С. 3; ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 1. Л. 6 об.
- 262 *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 10.
- 263 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 2. Л. 1.
- 264 *Редигер А.Ф.* Указ. соч. М., 1999. Т. 1. С. 400–401; Русско-японская война. Из дневников А.Н.Куропаткина и Н.П.Линевича. Л., 1925. С. 57; *Куропаткин А.Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. СПб., 1906. С. 31.
- 265 Отчет о деятельности управления генерал-квартирмейстера 3-й маньчжурской армии за время войны 1904–1905 гг. С. 3–5; *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 9.
- 266 Отчет о деятельности управления генерал-квартирмейстера 3-й маньчжурской армии за время войны 1904–1905 гг. С. 5.
- 267 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 32. Л. 3–3 об., 6 об.
- 268 *Там же.* Л. 14 об., 28 об.
- 269 *Баженов П.Н.* Сандепу–Мукден. Воспоминания очевидца-участника войны. СПб., 1911. С. 10.
- 270 *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 13.
- 271 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 32. Л. 9 об.
- 272 *Соболев Л.Н.* Указ. соч. С. 83.
- 273 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 32. Л. 36–36 об.
- 274 Обзор военных действий с 12-го ноября по 10 декабря // Военный сборник. 1905. № 1. С. 244; *Мартынов Е.И.* Воспоминания... С. 387–388.
- 275 *von Seeckt H.* Thoughts of a soldier. Lnd. 1930. P. 109.
- 276 Отчет о деятельности управления генерал-квартирмейстера... С. 5.
- 277 *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 10.
- 278 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 32. Л. 31.
- 279 *Куропаткин А.Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Т. 3. СПб., 1906. С. 237; *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 15.
- 280 *Янушкевич Н.Н.* Организация и роль интендантства в современных армиях на войне // Военный сборник. 1910. № 4. С. 133–134.
- 281 *Баланин Д.* Тяжелые годы (из писем покойного ген.-майора М.С. Столицы) // Военный сборник. 1908. № 7. С. 79.
- 282 *Мартынов Е.И.* Воспоминания... С. 388; *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 19–20.
- 283 Вестник Маньчжурских армий. Издание Штаба главнокомандующего. Мукден, 5 января 1905. № 151. С. 2.
- 284 *Там же.*
- 285 Война с Японией. Официальные документы с 12 декабря до 12 января // Военный сборник. 1905. № 2. С. 172.
- 286 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 17.
- 287 *Там же.* Л. 18.
- 288 Отчет о деятельности... С. 6.
- 289 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 32. Л. 53; *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 9.
- 290 *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 113, 132.
- 291 *Сорокин А.И.* Русско-японская война 1904–1905 гг. (военно-исторический очерк). М., 1956. С. 241.
- 292 *Poloutsoff P.A.* Glory and downfall. Reminiscences of a Russian General Staff

- officer. Lnd. P. 65.
- 293 *Грулев М.В.* В штабах и на полях... СПб., 1908. Ч. 1. С. 282.
- 294 *Мартинов Е.И.* Из печального опыта... С. 9.
- 295 Война с Японией. Официальные документы с 13 августа по 10 сентября // Военный сборник. 1904. № 10. С. 214.
- 296 *В.А[нушкин].* Куропаткин... С. 101.
- 297 *Теттау Э.* Восемнадцать месяцев... СПб., 1907. Ч. 1. С. 115.
- 298 *Теттау Э.* Куропаткин... СПб., 1914. Ч. 3. С. 105.
- 299 *Грулев М.В.* В штабах и на полях... СПб., 1909. Ч. 2. С. 3.
- 300 *von Seeckt H.* Op. cit. P. 123.
- 301 *Новицкий В.Ф.* От Шаха к Мукдену (от наступления – к обороне): Критико-историческое исследование зимнего периода маньчжурской кампании 1904–1905 гг. СПб., 1912. С. 14.
- 302 *Соболев Л.Н.* Указ. соч. С. 86.
- 303 *Тимченко-Рубан Г.И.* Нечто о Порт-Артуре и вообще об организации крепостной обороны // Военный сборник. 1905. № 3. С. 89.
- 304 *Иммануэль Ф.Б.* Указ. соч. СПб., 1906. Вып. 3. С. 92, 94; *Свечин А.А., Романовский Ю.Д.* Указ. соч. С. 315, 320.
- 305 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 32. Л. 50 об.
- 306 *Теттау Э.* Восемнадцать месяцев... СПб., 1908. Ч. 2. С. 14.
- 307 *Новицкий В.Ф.* Указ. соч. С. 75. (Приложение № 22).
- 308 *Свечин А.А., Романовский Ю.Д.* Указ. соч. С. 320.
- 309 *Новицкий В.Ф.* Указ. соч. С. 46.
- 310 *McCullagh Fr.* Op. cit. PP. 161–162, 181–184; *Свечин А.А., Романовский Ю.Д.* Указ. соч. С. 324.
- 311 Вестник Маньчжурских армий... 6 января 1905. № 152. С. 1.
- 312 *Куропаткин А.Н.* Отчет... Т. 3. СПб., 1906. С. 32, 37.
- 313 Вестник Маньчжурских армий... 9 января 1905. № 155. С. 3.
- 314 Вестник Маньчжурских армий... 31 января 1905. № 177. С. 2.
- 315 АВИМАИВИВС. Ф. 19. Оп. 106. Ед.хр. 358. Л. 79, 81, 86, 149.
- 316 *Гриппенберг О.К.* Изнанка «операции охвата левого фланга расположения армии Оку» в январе 1905 г.: По поводу сочинения ген.-ад. Куропаткина «Бой под Сандепу». СПб., 1909. С. 4, 12; *Куропаткин А.Н.* Отчет... Т. 3. СПб., 1906. С. 33.
- 317 *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 143.
- 318 Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. С. 59.
- 319 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 32. Л. 57.
- 320 Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. С. 63.
- 321 *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 145.
- 322 *Адариди К.* Юрьевцы в составе действующей армии с 5 января по 19 февраля 1905 г. // Военный сборник. 1906. № 1. С. 82.
- 323 *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 113.
- 324 Отчет о деятельности... С. 324; *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 10.
- 325 *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 28.
- 326 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 1–1 об.
- 327 *Теттау Э.* Куропаткин... СПб., 1914. Ч. 2. С. 282.
- 328 Русско-японская война в сообщениях... СПб., 1907. Ч. 2. С. 85.
- 329 *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 145.
- 330 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 2 об.
- 331 *Doubor Musnicki J.* Op. cit. SS. 76–77, 79.
- 332 Русско-японская война в сообщениях... СПб., 1907. Ч. 2. С. 68–69.
- 333 *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 169.
- 334 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 3.
- 335 *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 170.
- 336 История русско-японской войны. СПб., 1909. Т. III. С. 647.
- 337 Отчет о применении цензуры на театре войны... С. 50 (Приложение №54).
- 338 *Гриппенберг О.К.* Указ. соч. С. 48; Баже-

- нов П.Н. Указ. соч. С. 57.
- 339 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 3.
- 340 *Гриппенберг О.К.* Указ. соч. С. 4.
- 341 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 3 об.
- 342 *Свечин А.А., Романовский Ю.Д.* Указ. соч. С. 15–16; *Герца Б.В.* Указ. соч. Париж, 1969. Т. 1. С. 159.
- 343 *А.Р.* Под Никоподем (из прошлого) // Инженерный журнал. 1901. № 1. С. 4, 11, 34.
- 344 АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 7/1. Д. 233. Л. 221; Обзор работ астрономических, геодезических и топографических, исполненных в 1899 г. // Военный сборник. 1901. № 4. С. 49–51.
- 345 *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 157–158.
- 346 *Теттэй Э.* Восемнадцать месяцев... СПб., 1908. Ч. 2. С. 245.
- 347 *Баженов П.Н.* Указ. соч. С. 58; *Никוליшев Б.* Атака и оборона населенных пунктов // Военный сборник. 1913. № 9. С. 3.
- 348 Вестник Маньчжурских армий... 17 января 1905. № 163. С. 1.
- 349 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 4.
- 350 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 6.
- 351 Вестник Маньчжурских армий... 11 января 1905. № 157. С. 1–2.
- 352 Вестник Маньчжурских армий... 13 января 1905. № 159. С. 2–3.
- 353 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 33. Л. 6–6 об.
- 354 *Сорокин А.И.* Указ. соч. С. 250–251; *Баженов П.Н.* Указ. соч. С. 94.
- 355 Русско-японская война. Из дневников... С. 60; ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 12.
- 356 *Баженов П.Н.* Указ. соч. С. 94.
- 357 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 12 об.
- 358 *Адариди К.* Юрьевцы в составе действующей армии с 5 января по 19 февраля 1905 г. // Военный сборник. 1906. № 1. С. 83.
- 359 *Баженов П.Н.* Указ. соч. С. 95, 97–98.
- 360 *Гамильтон Я.* Указ. соч. СПб., 1907. Т. 2. С. 28.
- 361 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 26.
- 362 *Редигер А.Ф.* Указ. соч. М., 1999. Т. 1. С. 348, 381.
- 363 *Баженов П.Н.* Указ. соч. С. 120.
- 364 *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 192.
- 365 *Теттэй Э.* Восемнадцать месяцев... СПб., 1908. Ч. 2. С. 264.
- 366 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 15.
- 367 *Гамильтон Я.* Указ. соч. СПб., 1907. Т. 2. С. 26.
- 368 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 15, 16.
- 369 *Там же.* Л. 22 об.
- 370 *Каульбарс А.В.* 2-я армия под Мукденом: По поводу т. III соч. ген.-адъют. Куропаткина «Сражение под Мукденом». Одесса, 1908. Ч. 2. С. 5.
- 371 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 23–23 об, 24, 25.
- 372 *Парский Д.П.* Причины наших неудач в войне с Японией. Необходимые реформы в армии. СПб., 1906. С. 19.
- 373 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 19.
- 374 Отчет о деятельности... С. 335.
- 375 *Баженов П.Н.* Указ. соч. С. 110, 133; ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 24.
- 376 *Ренненкампф П.К.* Мукденское сражение. 20-дневный бой моего отряда то Цинхэчена до Мацзяндана. СПб., 1908. С. 2.
- 377 *Каульбарс А.В.* Указ. соч. С. 5–6.
- 378 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 33.
- 379 Русско-японская война. Из дневников... С. 73.
- 380 *Каульбарс А.В.* Указ. соч. С. 7, 11, 17.
- 381 *Ренненкампф П.К.* Указ. соч. С. 1–2.
- 382 *Оболев Н.* Действия 6-го Сибирского корпуса в Маньчжурии в период стояния на реке Ша-хэ и в Мукденском бою // Военный сборник. 1905. № 10. С. 156.
- 383 *Там же.*
- 384 *Ренненкампф П.К.* Указ. соч. С. 1.
- 385 *Боткин Е.С.* Указ. соч. С. 75.
- 386 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 33. Л. 26 об.
- 387 *Там же.* Л. 32.

- 388 *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 207.
- 389 *Вилекен А.* Японская кавалерия в минувшую кампанию 1904–1905 гг. // *Вестник русской конницы.* 1910. № 1. С. 12.
- 390 *Свечин А.А., Романовский Ю.Д.* Указ. соч. С. 342.
- 391 Действия в Маньчжурии // *Военный сборник.* 1904. № 12. С. 258–261; *Троцкий В.* Заамурский округ пограничной стражи на охране железной дороги в кампанию 1904–1905 гг. // *Военный сборник.* 1908. № 11. С. 54; *Вилекен А.* Японская кавалерия в минувшую кампанию 1904–1905 гг. // *Вестник русской конницы.* 1910. № 3. С. 103; *Левицкий Н.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1938. С. 241–242; *Свечин А.А., Романовский Ю.Д.* Указ. соч. С. 18.
- 392 *Вилекен А.* Японская кавалерия в минувшую кампанию 1904–1905 гг. // *Вестник русской конницы.* 1910. № 3. С. 104.
- 393 *Washburn S.* Field notes from the Russian front. Lnd.[1915]. Vol. 1. P. 65.; *McCullagh Fr.* Op. cit. P. 339; *Гамильтон Я.* Указ. соч. СПб., 1907. Т. 2. С. 22, 49.
- 394 *Левицкий Н.А.* Указ. соч. С. 244; *Свечин А.А., Романовский Ю.Д.* Указ. соч. С. 344.
- 395 *Санников Н.* Печелийский отряд и сводная саперная рота этого отряда // *Инженерный журнал.* 1903. № 6–7. С. 873–874.
- 396 *Куропаткин А.Н.* Записки... С. 281.
- 397 *Федоров В.Г.* Оружейное дело на грани двух эпох (Работы оружейника 1900–1935). М., 1939. Ч. 2. С. 4.
- 398 Конно-пулеметчик. Еще о пулемете в коннице // *Вестник русской конницы.* 1910. № 12. С. 547–549.
- 399 Тактика пулеметов (перевод с японского) // *Сборник Главного управления Генерального штаба* 1910. Вып. 10. С. 32.
- 400 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 34. Л. 42.
- 401 Тактика пулеметов (перевод с японского) // *Сборник Главного управления Генерального штаба* 1910. Вып. 10. С. 34.
- 402 *Левицкий Н.А.* Указ. соч. С. 239.
- 403 Тактика пулеметов (перевод с японского) // *Сборник Главного управления Генерального штаба* 1910. Вып. 10. С. 36.
- 404 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 39, 44.
- 405 *McCullagh Fr.* Op. cit. P. 224.
- 406 *Ренненкамф П.К.* Указ. соч. С. 3–5.
- 407 *Polovtsoff P.A.* Op.cit. P. 70.
- 408 *Вестник Маньчжурских армий...* 16 февраля 1905. № 193. С. 3.
- 409 *McCullagh Fr.* Op. cit. P. 225.
- 410 *Вестник Маньчжурских армий...* 13 февраля 1905. № 190. С. 2.
- 411 *Собалев Л.Н.* Указ. соч. С. 119.
- 412 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 45–45 об.
- 413 Отчет о деятельности... С. 29.
- 414 *Теттау Э.* Восемнадцать месяцев... СПб., 1908. Ч. 2. С. 266.
- 415 *Мюллер Н.* 122-й пехотный Тамбовский полк в Мукденских боях // *Военный сборник.* 1907. № 7. С. 23; *Собалев Л.Н.* Указ. соч. С. 150–151; *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 229; *Герра Б.В.* Указ. соч. Париж, 1969. Т. 1. С. 166.
- 416 *Polovtsoff P.A.* Op.cit. P. 72.
- 417 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 50 об.
- 418 *Герра Б.В.* Указ. соч. Париж, 1969. Т. 1. С. 165.
- 419 Отчет о применении цензуры на театре войны... С. 21 (Приложение №29).
- 420 *Герра Б.В.* Указ. соч. С. 166.
- 421 *Грулев М.В.* В штабах и на полях... СПб., 1909. Ч. 2. С. 335.
- 422 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 17.
- 423 *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 50.
- 424 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 34. Л. 17 об.
- 425 *Левицкий Н.А.* Указ. соч. С. 284.
- 426 *Демакин А.И.* Указ. соч. С. 145.
- 427 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 44 об.
- 428 *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 13.
- 429 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 34. Л. 18.
- 430 *Собалев Л.Н.* Указ. соч. С. 164.
- 431 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 34. Л. 19.

- 432 *Соболев Л.Н.* Указ. соч. С. 166, 170.
- 433 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 34. Л. 12 об., 19 об.
- 434 *Ренненкамф П.К.* Указ. соч. С. 104.
- 435 *Соболев Л.Н.* Указ. соч. С. 170, 186; *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 50; *Ренненкамф П.К.* Указ. соч. С. 149.
- 436 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 34. Л. 20 об.
- 437 *McCullagh Fr.* Op. cit. P. 247.
- 438 *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 211.
- 439 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 34. Л. 20 об.
- 440 *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 51.
- 441 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 35. Л. 37.
- 442 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 34. Л. 21.
- 443 *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 52.
- 444 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 34. Л. 21 об.; *Парский Д.П.* Указ. соч. С. 53-54; Отчет о деятельности... С. 38-39.
- 445 *Баженов П.Н.* Указ. соч. С. 300-301.
- 446 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 48.
- 447 *Ренненкамф П.К.* Указ. соч. С. 161-162.
- 448 Отчет о применении цензуры на театре войны... С. 51 (Приложение №57).
- 449 *Теттау Э.* Восемнадцать месяцев... СПб., 1908. Ч. 2. С. 349, 351; *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 233.
- 450 Отчет о применении цензуры на театре войны... С. 21 (Приложение №29).
- 451 *Баженов П.Н.* Указ. соч. С. 297.
- 452 *Свечин А.А., Романовский Ю.Д.* Указ. соч. С. 13.
- 453 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 51 об.; *Соболев Л.Н.* Указ. соч. С. 219.
- 454 Отчет о деятельности... С. 39, 336; *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С.54; *Соболев Л.Н.* Указ. соч. С. 194, 297; *Теттау Э.* Восемнадцать месяцев... СПб., 1908. Ч. 2. С. 353.
- 455 *Соболев Л.Н.* Указ. соч. С. 190, 201, 203, 208.
- 456 *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 216.
- 457 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 52.
- 458 *Киселев.* Понтонеры на Дальнем Востоке за время со 2 июля по 12 декабря 1904 г. // Инженерный журнал. 1905. № 2. С. 177-178.
- 459 *Баженов П.Н.* Указ. соч. С. 299.
- 460 *Соколов П.* Маньчжурские грунтовые дороги и их исправление во время русско-японской войны // Инженерный журнал. 1906. № 1-2. С. 137.
- 461 *Киселев.* Понтонеры на Дальнем Востоке с 12 декабря 1904 г. по 14 июня 1905 г. // Инженерный журнал. 1905. № 6-7. С. 835.
- 462 *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 55.
- 463 *Максимовский Н.* На войне // Военный сборник. 1908. № 1. С. 7.
- 464 *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 56.
- 465 *Соболев Л.Н.* Указ. соч. С. 210.
- 466 Русско-японская война в сообщениях... СПб., 1907. Ч. 2. С. 232; *McCullagh Fr.* Op. cit. P. 249.
- 467 *McCullagh Fr.* Op. cit. P. 249.
- 468 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 52 об.
- 469 Русско-японская война в сообщениях... СПб., 1907. Ч. 2. С. 231-232.
- 470 *Боткин Е.С.* Указ. соч. С. 80.
- 471 *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 56-57.
- 472 *Грулев М.В.* В штабах и на полях... СПб., 1909. Ч. 2. С. 316.
- 473 *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 58.
- 474 Отчет о деятельности... С. 44; *Соболев Л.Н.* Указ. соч. С. 225.
- 475 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 53.
- 476 Русско-японская война в сообщениях... СПб., 1907. Ч. 2. С. 232; *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 60.
- 477 *Денижкин А.И.* Указ. соч. С. 145.
- 478 *Соболев Л.Н.* Указ. соч. С. 213; *Теттау Э.* От Мукдена до Портсмута. СПб., 1914. С. 1.
- 479 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 52 об.; Ед.хр. 34. Л. 24 об.
- 480 *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 60-61.

- 481 *Polovtsoff P.A.* Op. cit. P. 73.
- 482 *Левецкий Н.А.* Указ. соч. С. 284.
- 483 *Куропаткин А.Н.* Краткий очерк русско-японской войны до Мукденских боев включительно. б.г., б.м. С. 78–79; Русско-японская война в сообщениях... СПб., 1907. Ч. 2. С. 235; *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 62.
- 484 5-е дополнение к «Обзору военных действий» с 13 января по 12 февраля // Военный сборник. 1906. № 3. С. 239; Русско-японская война в сообщениях... СПб., 1907. Ч. 2. С. 236–237.
- 485 *Недзвецкий В.* Указания относительно японской армии // Военный сборник. 1905. № 2. С. 242.
- 486 *Теттау Э.* От Мукдена... С. 1.
- 487 Дневник Николая II. С. 315.
- 488 *Там же.* С. 366.
- 489 *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 63, 65, 67; *Соболев Л.Н.* Указ. соч. С. 235.
- 490 *Кириллин Ф.* Указ. соч. С. 9; ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 1. Л. 7.
- 491 Отчет о деятельности... С. 335.
- 492 *Паский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 73.
- 493 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 36. Л. 38.
- 494 *Янушкевич Н.Н.* Организация и роль интендантства в современных армиях на войне // Военный сборник. 1910. № 4. С. 135.
- 495 *Гусев А.И.* Из дневника корпусного контролера... // Военный сборник. 1911. № 11. С. 204.
- 496 *Цабель С.А.* Ляоян. Мукден. Тьелин (краткое описание и планы укреплений позиций // Инженерный журнал. 1907. № 6–7. С. 727–728.
- 497 *Гусев А.И.* Из воспоминания участника русско-японской войны // Военный сборник. 1910. № 9. С. 87.
- 498 *Там же.*
- 499 *Герца Б.В.* Указ. соч. Париж, 1969. Т. 1. С. 186.
- 500 *Гусев А.И.* Из дневника корпусного контролера... // Военный сборник. 1910. № 11. С. 207.
- 501 *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 69.
- 502 *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 234.
- 503 *Герца Б.В.* Указ. соч. Париж, 1969. Т. 1. С. 186.
- 504 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 35. Л. 37.
- 505 Русско-японская война в сообщениях... СПб., 1907. Ч. 2. С. 236; *Соболев Л.Н.* Указ. соч. С. 152; *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 75.
- 506 Обзор военных действий с 11 февраля по 12 марта // Военный сборник. 1904. № 4. С. 244.
- 507 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 36. Л. 19–19 об.
- 508 *Боткин Е.С.* Указ. соч. С. 79.
- 509 *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 89.
- 510 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 34. Л. 5.
- 511 *Бялов Б.* Воспоминания. М.–Л., 1935. С. 301.
- 512 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 34. Л. 8, 12.
- 513 Вестник Маньчжурских армий. № 208. 26 марта 1905 г. С. 1–2; *Там же.* № 211. 29 марта 1905 г. С. 1.
- 514 *Степанов Е.* Из воспоминаний казачьего офицера // Вестник русской конницы. 1911. № 9. С. 359.
- 515 *Боткин Е.С.* Указ. соч. С. 82.
- 516 *Коршун П.* Полевые железные дорожки 3-й армии // Инженерный журнал. 1907. № 10. С. 1245.
- 517 *Винкек А.* Японская кавалерия в минувшую кампанию 1904–1905 гг. // Вестник русской конницы. 1910. № 1. С. 9.
- 518 *Теттау Э.* От Мукдена до Портсмута. С. 11, 13.
- 519 *Герца Б.В.* Тактика технических войск // Известия Императорской Николаевской Военной Академии. 1911. № 14. С. 167.
- 520 *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли... С. 77, 80, 90.
- 521 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 34. Л. 15.
- 522 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 35. Л. 4.
- 523 *Воронович Н.В.* Потонувший мир. Очерки прошлого, 1891–1920. М., 2001. С. 79–80.
- 524 *Там же.* С. 81.

- 525 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 35. Л. 3 об.
- 526 *Парский Д. П.* Воспоминания и мысли... С. 92.
- 527 *Тетмай Э.* От Мукдена до Портсмута. С. 7.
- 528 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 34. Л. 50 об.
- 529 *Тетмай Э.* От Мукдена до Портсмута. С. 37–38.
- 530 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 34. Л. 56.
- 531 *Там же.* Л. 50 об.
- 532 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 36. Л. 17 об.
- 533 *Данилов Ю. Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 71; *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1994. Т. 2. С. 379–380.
- 534 Хроника военно-морских действий на Дальнем Востоке // Морской сборник. 1905. № 6. С. 220.
- 535 *Там же.* С. 221.
- 536 *Воронович Н. В.* Указ. соч. С. 85.
- 537 Вестник Маньчжурских армий. № 257. 15 мая 1905 г. С. 1; № 260. 18 мая 1905 г. С. 1; № 261. 19 мая 1905 г. С. 1; № 265. 23 мая 1905 г. С. 1.
- 538 *Парский Д. П.* Воспоминания и мысли... С. 94; ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 34. Л. 72.
- 539 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 35. Л. 1 об.
- 540 *Урсын-Прушински С.* Бои на острове Сахалин во время русско-японской войны // Краевой бюллетень (Южно-Сахалинск). 1995. № 3. С. 59, 66, 77.
- 541 *Парский Д. П.* Воспоминания и мысли... С. 96.
- 542 *Степанов Е.* Из воспоминаний казачьего офицера // Вестник русской конницы. 1911. № 9. С. 361.
- 543 Вестник Маньчжурских армий. № 259. 17 мая 1905 г. С. 1.
- 544 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 35. Л. 27.
- 545 *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1994. Т. 2. С. 414.
- 546 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 36. Л. 3–3 об.
- 547 Цит. по.: *Ознобищин А. А.* Воспоминания члена IV Государственной Думы. Париж, 1927. С. 168.
- 548 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 34. Л. 70 об.
- 549 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 35. Л. 25.
- 550 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 34. Л. 13.
- 551 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 35. Л. 29 об.
- 552 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 36. Л. 14 об.
- 553 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 35. Л. 42 об.
- 554 Вестник Маньчжурских армий. № 198. 21 февраля 1905. С. 1.
- 555 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 35. Л. 52 об.
- 556 *Воронович Н. В.* Указ. соч. С. 95.
- 557 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 36. Л. 35.
- 558 Действия в Маньчжурии // Военный сборник. 1905. № 10. С. 244, 247.
- 559 Вестник Маньчжурских армий. № 367. 2 сентября 1905 г. С. 1.
- 560 *Крыжановский С. Е.* Воспоминания. Из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б. л. С. 26.
- 561 *Махлаков В. А.* Власть и общественность... Париж, 1926. Ч. 3. С. 403.
- 562 *Шидловский С. И.* Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 1. С. 102–103.
- 563 *Крыжановский С. Е.* Указ. соч. С. 82.
- 564 *Соболев Л. Н.* Указ. соч. С. 268.
- 565 *Воронович Н. В.* Указ. соч. С. 95.
- 566 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 36. Л. 65.
- 567 Русское военное обозрение // Военный сборник. 1905. № 11. С. 273.
- 568 Вестник Маньчжурских армий. № 398. 3 октября 1905 г. С. 1; № 400. 5 октября 1905 г. С. 1.
- 569 Русско-японская война. Из дневников... С. 110–111; *Тетмай Э.* От Мукдена до Портсмута. С. 75.
- 570 Отчет о применении цензуры на театре войны... С. 1–4.
- 571 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 37. Л. 14 об.
- 572 *Там же.* Л. 14 об.–15.
- 573 *Воронович Н. В.* Указ. соч. С. 98.
- 574 Вестник Маньчжурских армий. № 413. 18 октября 1905 г. С. 1; Русское военное обозрение. 3-е дополнение к «Обзору военных событий с 12 ноября по 13 декабря // Военный сборник. 1906. № 1. С. 241–243.

- 575 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 37. Л. 19; Русско-японская война. Из дневников... С. 113.
- 576 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 37. Л. 19 об.
- 577 *Там же*. Л. 19 об.-20.
- 578 *Тетмай Э.* От Мукдена до Портсмута. С. 75-76.
- 579 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 37. Л. 17.
- 580 *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. Вып. 1. Париж, 1964. С. 169.
- 581 Вестник Маньчжурских армий. № 417. 7 ноября 1905 г. С. 1.
- 582 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 37. Л. 22, 24, 24 об.
- 583 Вестник Маньчжурских армий. № 417. 7 ноября 1905 г. С. 1-2.
- 584 *Там же*. С. 1.
- 585 *Грулев М.В.* Злобы дня... С. 2, 4.
- 586 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 37. Л. 26 об.
- 587 *Тетмай Э.* От Мукдена до Портсмута. С. 75.
- 588 Русское военное обозрение. 3-е дополнение к «Обзору военных действий с 12 октября по 13 декабря // Военный сборник. 1906. № 1. С. 243.
- 589 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 37. Л. 30, 38 об., 45 об.
- 590 *Редигер А.Ф.* Указ. соч. М., 1999. Т. 1. С. 512.
- 591 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 37. Л. 33.
- 592 *Там же*. Л. 32 об.
- 593 *Рербер Ф.П.* Указ. соч. С. 54.
- 594 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 38. Л. 13 об.
- 595 Русское военное обозрение. 5-е дополнение к «Обзору боевых действий» с 13 января по 13 февраля // Военный сборник. 1906. № 3. С. 244, 247.
- 596 *Дудоров Б.П.* Адмирал Непенин. СПб., 1993. С. 135.
- 597 *Там же*. С. 136.
- 598 Вестник Маньчжурских армий. № 420. 10 ноября 1905 г. С. 1.
- 599 Русское военное обозрение. 4-е дополнение к «Обзору военных действий с 14 декабря по 12 января // Военный сборник. 1906. № 2. С. 237; 5-е дополнение к «Обзору боевых действий» с 13 января по 13 февраля // *Там же*. № 3. С. 248-249.
- 600 *Тетмай Э.* От Мукдена до Портсмута. С. 96.
- 601 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 38. Л. 19 об., 48.
- 602 Вестник Маньчжурских армий. № 433. 23 ноября. С. 1.
- 603 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 37. Л. 50.
- 604 *Балакин Д.* Тяжелые годы (из писем покойного ген.-майора М.С. Столицы) // Военный сборник. 1908. № 7. С. 88.
- 605 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 38. Л. 48 об.
- 606 Русско-японская война. Из дневников... С. 124, 126; *Редигер А.Ф.* Указ. соч. М., 1999. Т. 1. С. 521.
- 607 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 38. Л. 1, 51.
- 608 *Редигер А.Ф.* Указ. соч. М., 1999. Т. 1. С. 521-522.
- 609 Русское военное обозрение. 3-е дополнение к «Обзору военных действий» с 12 ноября по 13 декабря // Военный сборник. 1906. № 1. С. 241; Русское военное обозрение. 4-е дополнение к «Обзору военных действий» с 14 декабря по 12 января // *Там же*. № 2. С. 237.
- 610 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 36. Л. 8.
- 611 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 33. Л. 19.
- 612 *Там же*. Л. 20 об.
- 613 ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Ед.хр. 34. Л. 57; Ед.хр. 35. Л. 19, 25; Ед.хр. 36. Л. 29.
- 614 *Редигер А.Ф.* Указ. соч. М., 1999. Т. 1. С. 386.
- 615 Подробнее об экономической стороне подготовки к войне см.: *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907-1917). М.: Три квадрата, 2003. С. 9-31.

II. Мир

